

Владимир Бабушкин

Мелания и Люцифер

18+

Владимир Бабушкин
Мелания и Люцифер

«Автор»

2026

Бабушкин В.

Мелания и Люцифер / В. Бабушкин — «Автор», 2026

В мире, где желание ведет к гибели, а отчаяние становится порталом в иные реальности, юная Мелания делает отчаянный выбор: заключить сделку с самой Тьмой. Петербург становится картой внутреннего странствия героини. Ее поиски — это не путь к власти или мести, а к прощению и любви, несмотря на предательство, утраты и внешнее равнодушие мира. Люцифер, воплощение соблазна и утопии для страдающих, преподносит Мелании компромисс: за исполненные мечты — забрать последнюю крупицу надежды. Только на самом дне можно осознать цену чудес. Мелания проходит сквозь преддверия ада — не ради власти, а чтобы взглянуть в глаза той, что стала причиной ее одиночества и боли. Способна ли любовь исцелить то, чему нет оправдания? Через магию и тьму автор бесстрашно ведет читателя к искреннему катарсису. Эта книга — вдохновляющий гимн тем, кто потерял себя, но отважился простить мир ради обретения себя настоящего.

© Бабушкин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. ПОДКИДЫШ	6
ГЛАВА 2. ФЕИ И РОЗГИ	9
ГЛАВА 3. НЕПОТРЕБНАЯ ДЕВКА	15
ГЛАВА 4. ГРИГОРИЙ	25
ГЛАВА 5. ЛЮЦИФЕР	38
ГЛАВА 6. ВОЗМЕЗДИЕ	51
ГЛАВА 7. ПРОГУЛКА В БУДУЩЕЕ	62
ГЛАВА 8. БАЛ СМЕРТИ	78
ГЛАВА 9. ДОКТОР КАЛИНИН	89

Владимир Бабушкин

Мелания и Люцифер

ПРОЛОГ

И лишь любви под силу тьму остановить...

Босыми ногами, влажными от изнуряющей жары, Мелания ступала на раскаленные угли, выстилавшие узкую дорожку к цели ее назначения. Обнаженного тела девушки касались языки пламени, напоминающие то райские лиловые цветы, то пасти кровожадных драконов. Впереди был смог, где-то вдали кричали грешники, терзаемые стражами ада. Воздух был пронизан странным запахом. Пахло толи тлеющими дровами, толи сгоревшей плотью. С каждым шагом Мелания все острее ощущала, как жар проникает в ее тело, но внутри горел огонь, сильнее любого пекла. Люцифер рассказывал ей о том, что тот, кто осмеливается пройти этот путь, обретает свободу и искупление.

Сквозь завесу смога удалось разглядеть темные силуэты, скрестившиеся на краю обжигающей дорожки. Черные фигуры двигались с быстротой хищников, в их глазах не было жалости — только пылающее довольство. Мелания знала, что ее цель не в том, чтобы обойти их, а в том, чтобы противостоять. Каждый уголек под ее ногами напоминал о непростой борьбе, которая еще ждала впереди.

Мелания сделала глубокий вдох, позволяя обжигающему воздуху заполнить легкие. Страх — это яд, и его нельзя пустить в сердце. Только ясность ума и твердость духа помогут ей в предстоящем сражении. Фигуры приближались, и теперь Мелания могла различить их очертания: костлявые, с искаженными гримасами на лицах, они напоминали жуткие пародии на людей.

Она вспомнила последний взгляд своего возлюбленного, когда они расставались, его слова. Тот говорил сквозь слезы, чтобы она не боялась, ведь страдания — это лишь временный этап.

«Даже в аду можно найти свет», — шептал тогда он, и эти слова, как прохладные капли росы, освежали Меланию сейчас и вели сквозь невыносимую жару.

Собрав всю решимость, она сделала еще один шаг, и вдруг почувствовала, как жар стал ослабевать, будто сами угли начали остывать перед ее волей. Силуэты адских хищников растаяли в воздухе. Ощущение было таким, словно она прошла сквозь невидимую завесу, отделяющую кошмар от реальности. Мелания оглянулась: там, где еще мгновение назад бушевало пламя, теперь виднелась лишь туманная дымка, похожая на утренний мираж.

ГЛАВА 1. ПОДКИДЫШ

Октябрь 1903 года. Окраина Санкт-Петербурга.

Дул осенний пронизывающий ветер. Ночное небо было застлано темными тучами, изредка оно словно раскалывалось на части, озаряемое молниями. Моросил холодный дождь.

Вдали, на проселочной дороге, в полумраке показалась фигура девушки. Она двигалась неуверенно, словно пьяная. Одинокая девушка, одетая явно не по погоде, несла в продрогших руках корзину. Короткий серый плащ нараспашку, голые ноги, обутые в черные мужские ботинки явно большего размера. На вид девушке было двадцать с небольшим. Ветер трепал ее русые волосы, кутая в них острые черты лица.

Девушка остановилась, прислонившись к старой, обветшалой ограде, словно искала опоры в этом неприветливом мире. Взгляд ее блуждал по пустынной дороге. Корзина в руках слабо покачивалась, как будто в ней таились какие-то тайны, которые она не решалась раскрыть. В воздухе витал неприятный запах мокрой осенней земли, смешивавшийся с ощущением надвигающейся бури.

С трудом собравшись с мыслями, девушка тихо вздохнула и продолжила путь. Каждый шаг давался ей с трудом, как будто сама дорога противилась ее желанию идти дальше.

Наконец, возле одного низкого домишки, стоявшего поодаль от дороги, девушка остановилась. Нерешительно она вошла в калитку и сделала несколько шагов в сторону дома. В одном из окон тускло горел свет. Девушка немного замешкалась, но потом снова зашагала к дому уже решительнее. Она ступила на крыльцо, медленно опустила на пол корзину и села на корточки, склонившись над ней. В корзине лежал младенец, закутанный в старый темный платок. Девушка осторожно приоткрыла платок и взглянула на маленькое личико. Младенец спал, его губы были пухлыми и розовыми, а в ресницах застряли остатки ночного сна. Сердце девушки дрогнуло, и ей показалось, что мир вокруг на мгновение замер. Слезы покатались из глаз незнакомки.

— Прости, малютка, — тихо шепнула она.

Поборов свои чувства, девушка встала на ноги и подошла к деревянной двери, несколько раз со всей силой стукнула по ней и поспешно сбежала с крыльца. Она бежала, не оборачиваясь. Вскоре силуэт девушки бесследно растаял в ночной темноте.

Спустя немного времени деревянная дверь со скрипом отворилась. На крыльце показалась тучная фигура высокого молодого мужчины лет тридцати-тридцати пяти. Густая темная борода закрывала половину его лица. Прищуриив темные глаза, мужчина с любопытством посмотрел в ночную даль, затем его взгляд медленно опустился на корзину, которая стояла посреди крыльца. Мужчина приблизился к ней и приподнял платок. Его глаза расширились от удивления. Он снова посмотрел вдаль, затем по сторонам. Но вокруг не было ни души. Мужчина взял корзину с крыльца и шагнул с ней за деревянную дверь.

Он вошел в небольшую комнату с низким потолком, походившую толи на спальню, толи на кухню. В его руках была корзина с младенцем. Дитя уже проснулось и стало тихонько кричать. Мужчина бросил косой взгляд на женщину, которая лежала на кровати в дальнем углу комнаты, кутаясь в теплое серое одеяло.

— Вот, полюбуйся-ка, подкинули! — фыркнул мужчина и поставил корзину на стол.

На столе на чистой бежевой скатерти среди прочего стояли два пиала с недопитым чаем и тарелка с кренделями. В комнате горел неяркий свет. В углу стояла деревянная детская колыбель, в которой спал еще один младенец.

Женщина, услышав слова мужчины, вскочила с кровати, отбросила одеяло в сторону и подбежала к столу. Она развернула края платка и увидела новорожденного.

— Ах! — развела руками женщина от удивления и опустилась на стул.

Ребенок в корзине зашевелился и издал плач. От этого шума проснулся другой ребенок, спавший в дальнем углу комнаты.

— Кто же это нам подбросил? — спросила женщина и вопросительно подняла брови.

Женщине было тридцать с небольшим. Правильные черты лица: большие карие глаза, густые черные брови с легкой извилиной, прямой нос, пухлые губы. Темно-русые волосы были собраны на макушке в виде гульки. Первые легкие морщины уже притаились на лице женщины.

— Петруша, — обратилась она снова к мужчине, — чей ребенок-то?

— Я почему знаю?! — повышенным тоном ответил мужчина и подошел к колыбели в углу, стал тихонько качать. Ребенок в ней затих.

Женщина склонилась над корзиной с ребенком и раскрыла полностью платок.

— Это девочка! — воскликнула она.

— Дурная ты, Катька! — выпалил Петр. — Да что с того, что девка?! Не легче!

Екатерина тем временем нащупала в корзине у ног младенца какой-то сверток. Это был лист бумаги, свернутый пополам. Она развернула его, пробежалась глазами и ахнула:

— Ах! Это дочка Галины!

— Что??? — удивился Петр, подбежал к жене и выхватил у нее записку.

Там было сказано:

Сестра, Богом молю, позаботься о моей кровинушке. Не могу я ее бросить на произвол судьбы. Сердце разрывается от боли, но иного выхода у меня нет.

Дочку нарекла Меланией.

— Что это значит? — спросил Петр, поднимая взгляд на жену. В ее глазах было смятение, она тяжело вздохнула.

— Это письмо матери, сестры моей, — произнесла она тихо, словно боясь, что произнесенные слова изменят ход событий. — Она просит о помощи, о том, чтобы мы позаботились о ребенке.

Екатерина замолчала, обдумывая каждое слово. Внутри нее сталкивались противоречивые чувства: желание помочь и уязвимость от непредсказуемого поворота судьбы. Ее взгляд вновь упал на записку, и она поняла, что это не просто просьба. Это был крик о помощи.

— Не бывать этому! — выпалил Петр. — Нагуляла где-то, курва! А мы должны ей помочь?!

Он было ухватился за корзину, чтобы вынести ее прочь, но Екатерина остановила его и взмолилась:

— Петруша, заклинаю тебя! Заклинаю нашей дочерью, Варенькой! Не будь ты так жесток! Не уж то двоих не поднимем?!

Екатерина жалостливо смотрела на мужа. Тот замер на месте, его глаза потемнели от противоречивых чувств. Он сжимал корзину, словно искал в ней опору, но внутри него поднимался шторм.

— Катя, ты же знаешь, как мне тяжело, — закричал Петр. — Но жизнь у нас и без этого полна лишений. Времена суровые нынче. Как взвалить на себя еще одну ношу?!

— Я понимаю, но ведь эта беда не наша вина! Мы не можем просто так бросить ее! — Екатерина подошла ближе к мужу, протянув руку. — Помнишь, как мы мечтали о детях? И теперь их будет двое!

Петр, наконец, ослабил хватку и медленно отпустил корзину. Он шагнул к выходу, бурча себе под нос:

— Черт с тобой и с этим ребенком!

Дверь за ним захлопнулась. Екатерина села на стул и обхватила руками корзину с племянницей, взглянула на нее. Малышка перестала плакать и с интересом посмотрела на женщину.

— Крошка, Мелания, ты ж ни в чем не виновата... — шепнула ласково Екатерина.

Малышка улыбнулась. В маленьких глазках проблеснули едва заметные огоньки, будто бы все происходящее ей было понятно, и будто теперь она была спокойна за свою дальнейшую судьбу.

ГЛАВА 2. ФЕИ И РОЗГИ

Июнь 1915 года. Окраина Петрограда.

Чумазая девчушка, одиннадцати с небольшим лет от роду, играла в сарае с солнечными лучами, проникающими сквозь щели в деревянных стенах. Она сидела на кучке старого сена, притянув коленки к груди, и смотрела, как теплые золотистые полосы танцуют на полу, создавая удивительные узоры. Каждый луч, словно волшебная нить, обнимал ее, наполняя атмосферу нежностью.

Вокруг был слышен легкий шорох, когда ветер играл с листьями деревьев снаружи, добавляя в эту идиллию мелодию природы. Девочка подняла руку, и ее ладонь поймала один из солнечных потоков и начала с ним легкий танец. Глазами, полными чудес, девочка будто бы собирала капли света, превращаясь на мгновение в фею, мечтая о далеких мирах, где солнце разлито повсюду.

В этом сарае не было ни забот, ни тревог — лишь только свет и тепло, которые согревали душу. Здесь время теряло свое значение, а мгновения становились вечностью. В голове девочки промелькнула мысль:

«Может, я создана для того, чтобы держать в руках свет и превращать его в радость?»

С каждой игривой тенью она становилась все ближе к своей мечте, где солнце всегда было рядом.

Наигравшись с солнечными нитями, девочка резво спрыгнула на пол и выбежала из сарая. Утренний туман медленно растапливало яркое солнце, игривый ветерок нежно обвинял босые ножки девочки. Ее распущенные волосы золотом искрились на солнце, а глубокие зеленые глаза отражали чистое небо. Девочка танцевала на траве, оставляя за собой следы на свежей росе.

На ней было простое голубое платьице, обшитое кружевом, махрящееся на ветру, как легкие облака. Солнечные лучи играли на хрупком теле девочки, подчеркивая невидимую силу невинности. Мягкий смех ее словно переливался в воздухе, заполняя пространство радостью и легкостью. Девочка кружилась в танце, распахнув руки, будто желала обнять весь мир.

— Мелания! — раздался громкий мужской крик из-за деревянной калитки палисадника.

Девочка в тот же миг остановилась и испуганно обернулась.

В саду показалась фигура Петра. Он держал в руке пустое железное ведро.

— Иди-ка, воды натаскай! — тихо сказал Петр и пристально посмотрел на приемную дочь. — Нужно все полить в саду.

Мелания подбежала к нему и, ни слова не сказав, выхватила ведро из его крепкой руки. Вприпрыжку она побежала к колодцу.

Для маленькой хрупкой девочки было тяжело черпать из колодца воду и носить ее в сад, пусть даже не по полному ведру. Но так начиналось каждое ее утро с шести лет. Зимой, когда не нужно было ничего поливать в огороде, она чистила снег во дворе, собирала хворост. Петр не позволял ей чувствовать себя ребенком. Именно поэтому Мелания пыталась поймать редкий момент, чтобы поиграть с лучами солнца или с каплями росы на цветах. Иногда, когда Петр уходил на работу, на фабрику, девочка сбегала к реке с прозрачной водой. Она могла сидеть там часами, наблюдая за раскачивающимися на ветру ивами или за рыбками, которые ловко прятались под речными камнями. Этот маленький мир был ее укрытием от тяжелой реальности. Сидя на берегу, Мелания своим тонким детским голоском напевала песни, которые сама же и придумывала...

* * *

На дворе шла Первая мировая война. В Петрограде, где дымовые трубы поднимались в небосвод, а улицы заполнялись звуками колес и гудков, жизнь рабочего класса напоминала битву за выживание. Каждый день начинался рано, когда первые лучи солнца лишь касались серых крыш. Рабочие спешили на заводы, их шаги звучали в унисон с биением сердца города.

На фабриках, охваченных гулом машин, работали руками, изможденными безудержным ритмом труда. День проходил в поте и напряжении, где каждый подарок судьбы воспринимался как мимолетный миг счастья. Ночные смены отнимали последние силы, а вечерами рабочие собирались в кривых переулках, где жизнь бурлила острыми разговорами, сплетнями и пьяной радостью.

Семейные заботы тяготили душу. Дети шли по стопам отцов, их юные руки, полные надежд и неведомых страхов, сжимали тяжелые инструменты. За столами, заставленными простой пищей, собирались семьи, и в глазах каждого за столом горел огонек стремления к лучшей жизни.

Война не обошла стороной и семью Никитиных. Сам Петр по причине инвалидности не мог идти на фронт. Он трудился в две смены на фабрике. Екатерина следила за хозяйством и растила дочерей — Варю и Меланию. Она всячески поддерживала мужа, делала все, чтобы сохранить уют в доме, несмотря на постоянную нехватку продуктов и растущие трудности. Когда Петр возвращался с работы, он находил на столе тепло домашних блюд. Улыбки дочерей встречали его.

Однако не взлюбил Петр приемную дочь, корил ее за каждую детскую шалость. В родной дочери души не чаял, а вот Меланию наказывал за каждый ее проступок.

Мелания, скромная и тихая девочка, всегда старалась угодить Петру, но тщетно. Его холодный взгляд вызывал у нее лишь страх. Каждое неосторожное движение, каждая мелочь, за которую ее могли осудить, оборачивалась наказанием. Она не могла понять, в чем была причина неприязни со стороны Петра, и единственным утешением для нее была сестра, которая, казалось, была защищена от всех бурь, бушевавших вокруг.

Сама Варя была девочкой, развитой не по годам. Черты ее лица обрамляли вопросительные глаза, полные любопытства и жажды знаний. Каждый ее взгляд словно искал ответы на тайны окружающего мира. Узкие губы часто расплывались в задумчивой улыбке, как будто она уже знала что-то важное, чего не знали взрослые. Свою сводную сестру Варя не любила, словно чувствовала, что та ей не родная, или же просто перенимала поведение отца.

Петр иногда проводил вечера с родной дочерью, рассказывая ей удивительные истории и заставляя весело смеяться. В эти моменты Мелания чувствовала себя ненужной. Она была словно тень, неспособная приблизиться к лучам света, которые исходили от уютного семейного очага. Мелания просто сидела в сторонке, прижимая к груди любимую игрушку, и мечтала о том, чтобы однажды заслужить одобрение Петра.

Тепло она видела только от Екатерины, которая тайком жалела ее и ласково прижимала к себе, пока муж не видел.

В один из осенних вечеров семья ждала возвращения Петра с фабрики. Дочери помогали матери сварить на печи похлебку из картошки. Запах вареного картофеля наполнял комнату, создавая атмосферу тепла и домашнего уюта. Мать, слегка покачиваясь, стояла у стола и нарезала лук, а дочери, от нечего делать, то и дело выглядывали в окно. У каждой из них на лице играла легкая тревога — с каждым днем Петр возвращался с работы все позже. Вечерние тени удлинялись, и за окном уже начало смеркаться.

— Может, случилось что-то? — шепнула Варя, прижимая ладонь к стеклу. Мать покачала головой, а в сердце кольнуло беспокойство. Ее рука замерла над кастрюлей. Сейчас ей хотелось ускорить время, чтобы Петр смог поскорее вернуться домой.

Наконец половицы в сенях тихо затрещали. Дверь отворилась. На пороге появился Петр. Взглянув на его родное лицо, Екатерина почувствовала, как тревога уходит. Она встретила мужа улыбкой и вкусной похлебкой, которая была приготовлена специально для него.

Петр сбросил с себя бушлат и грузно уселся за стол. Мелания, пытаясь угодить ему, подбежала к печи, наполнила миску горячей похлебкой и поспешила к столу. Но вдруг что-то мягкое под ногой заставило ее остановиться. Она наступила на картофельный очисток. Мелания не смогла удержать равновесия и пошатнулась, опрокинув миску с похлебкой на пол. Екатерина ахнула и бросилась к девочке. Увидев это, Петр вскочил из-за стола, оттолкнул жену в сторону и подошел к Мелании.

— Маленькая дрянь! — закричал он. — Я голодный пришел с работы, а ты последнюю еду изводишь!

Петр с треском вlepил девочке подзатыльник.

Мелания всхлипнула и отшатнулась от него, глаза ее наполнились слезами. Ей было всего одиннадцать, и она не понимала, почему этот страшный дядя, который всегда выглядел таким сердитым, снова закричал на нее. Мелания посмотрела на свои босые ноги, испачканные похлебкой. Ей стало страшно. Внутри маленького сердечка зародилось чувство вины, но в то же время она не могла сдержать желание объясниться.

— Это не я, — пробормотала Мелания, вытирая влажные руки о подол своего платья. — Я не хотела!

Екатерина стояла в стороне, шокированная поведением мужа. Она почувствовала, как слезы подступили к глазам. Из-за таких пустяков ссориться не стоило. Екатерина подошла к Мелании, обняла ее и сказала мягким голосом:

— Все в порядке. Мы все уберем.

Девочка всхлипнула, обхватив руками голову.

«Почему он всегда так сердится?» — подумала она, потирая ухо. В глазах блестели слезы, а в душе зарождалось острое чувство несправедливости.

— Я же всего-навсего хотела накрыть на стол, — пробормотала Мелания, поднимая взгляд на Петра. Но он лишь отвернулся, будто не слышал ее слов. Плечи Петра напряглись от злости, как будто весь мир свалился на него, а девочка стала его жертвой. Слезы лились все сильнее из глаз Мелании, и тень страха окутала ее сердце.

Петр ненадолго вышел в сени, затем вернулся, сжимая что-то в кулаке. Он схватил Меланию за шиворот и потащил в угол. Петр разжал кулак — и на пол посыпались горошины. Мелания знала, что это значит: Петр уже не раз ее так наказывал.

— Вставай на колени! Прямоком на горох! — прокричал Петр и толкнул девочку на пол.

Мелания послушно встала на колени. Она сжала губы, чтобы не издать ни звука, но слезы уже начали собираться на краю ее ресниц. Каждый раз, когда это происходило, она надеялась, что, может быть, в этот раз все будет иначе. Но надежда все больше вытеснялась страхом, и она знала, что Петр не изменит своих методов воспитания. Горошины больно впивались в колени, но Мелания заставляла себя оставаться стойкой.

Она опустила голову, скрываясь от взгляда Петра, который, как нож, разрезал все ее попытки оправдаться. Внутри Мелания ощущала, как этот молчаливый протест рос, будто уверенный росток среди камней. Она мечтала о дне, когда сможет освободиться от его власти и побоев.

— Папа, пожалуйста, — прошептала Мелания, но звуки ее голоса проявились только в тишине угла комнаты.

— Не называй меня отцом! — взорвался Петр.

Ни надежды, ни любви не было в его ответах, лишь тень бесконечного цикла насилия и страха, в которые Мелания попала не по своей воле.

Петр выбежал из дома, Екатерина вслед за ним. На крыльце она схватила мужа за руку и взмолилась:

— Петруша, сжался над девочкой! Она не нарочно.

Петр отдернул руку и спустился с крыльца. Широко расставив ноги, он уселся на деревянную скамейку во дворе, достал папиросу и закурил. Петр повернулся к жене и сказал:

— Ее пороть надобно! А то, поди, вырастет шалавой. Как ее мать.

Екатерина молча смотрела на мужа, пока тот курил.

Луна лениво заглядывала в окно. В доме было тихо, все спали. Не спала только Мелания. Уже который час она стояла в углу. Стояла коленями на горохе. Боль настолько стала привычной, что она почти не ощущала ее. За окном шептали деревья, и Мелания могла слышать, как ветер играет с их ветвями.

Сквозь тонкие стены дома до нее доносились тихие звуки, но они были бесполезны. Время тянулось бесконечно, и мысли о том, что будет дальше, не отпускали Меланию. Она посмотрела на горох под коленями: его острые грани оставляли под собой кровавые следы, но сил изменить что-либо не было. Луна светила нежно, как утешительница, но вместо умиротворения только разжигала внутри Мелании угли стыда и отчаяния. Не спать, не жить — лишь просто существовать в тени иллюзий.

* * *

Осень в тот год выдалась теплая, сухая. Листья на деревьях медленно меняли цвет, превращаясь в богатую палитру от золотых до глубоких багряных оттенков. Птицы еще не улетели в теплые края, а распевали свои песни, словно не замечая приближения холодов. Солнечные дни плавно сменялись прохладными вечерами, что создавало атмосферу уюта и спокойствия.

Осенним вечером Мелания и Варя играли в саду у дома. Екатерина время от времени поглядывала на дочерей и продолжала заниматься делами в огороде. Она собирала сухую траву в кучу, чтобы по весне в огороде было меньше забот.

Варя сидела на скамейке и играла с куклой, представляя, что та ее дочь. Уставившись в пустоту, Варя нежно гладила куклу по белым мохеровым волосам. Для нее был важен этот мимолетный мир, в котором можно быть не просто девочкой, а заботливой матерью. Она представляла, как ведет свою дочь по парку, как на холоде укутывает ее в одеяло, как учит говорить слово «мама».

У Мелании игрушек вовсе не было. Она с завистью смотрела на сестру. Сидя в тени, Мелания пыталась скрыть слезы, раздирающие ее от зависти. Взгляд цеплялся за куклу, как будто в ней содержался весь смысл счастья — той жизни, которую она мечтала прожить. Осенним вечером Мелания и Варя играли в саду у дома. Мелании казалось, что Варя просто не замечает ее.

«Почему она не может дать мне эту куклу хотя бы на минуту?» — подумала Мелания.

В ней боролись обида и желание. Мелания давно уже научилась прятать свои чувства, но сейчас было трудно оставаться незамеченной. Внутренний голос подсказывал, что она тоже достойна игры, также как и Варя, и что она не должна оставаться в тени.

Мелания подошла к сестре и тихо попросила:

— Давай вместе поиграем.

Варя бросила на Меланию колкий взгляд, прижала куклу к себе и крикнула:

— Нет! Это моя кукла!

Мелания робко протянула руку к кукле, но Варя отдернула куклу в сторону и спрыгнула со скамейки.

— Дочки, не ссорьтесь! — раздался голос Екатерины откуда-то из-за дерева.

Варя оттолкнула Меланию и побежала к сараю. Словно в тумане, вовсе не собираясь сдаваться, Мелания побежала вслед за сестрой. Догнав Варю, она снова попыталась взять куклу.

Варя с силой отдернула руку, и кукла разлетелась пополам: одна половина осталась в руках у Вари, другая — у Мелании.

— Ты что наделала?! — завизжала Варя, глядя на сломанную куклу.

— Я не хотела! Я только поиграть хотела с тобой! — опешила Мелания.

Варя громко завопила, тут же ее вопли перешли в громкий плач.

Екатерина поспешила на крики.

— Что произошло тут у вас? — спросила мать.

Она подошла к дочерям и увидела на земле разломанную куклу, а рядом лежала Варя и кричала в иступлении. Екатерина присела на корточки и стала успокаивать дочь:

— Это просто кукла! Ничего страшного не случилось!

Мать посмотрела на Меланию, которая стояла красная от стыда и досады. На ее глазах блестели слезы. Екатерина, взглянув через плечо Мелании, заметила Петра, стоявшего возле калитки. Он только пришел с фабрики и, видимо, стал свидетелем произошедшего. Брови на лице Петра сдвинулись, глаза заблестели. Он крикнул:

— Ах ты, выродок чертов!

Мелания вздрогнула, услышав за своей спиной крик. Она резко обернулась и увидела, как Петр быстро шагает по направлению к ней.

«Бежать?» — подумала Мелания.

Но бежать было некуда. Грубые мужские руки в одно мгновение подхватили ее и бросили на скамейку. Спустя несколько секунд жгучая боль прокатилась по всему телу Мелании. Деревянный прутик взмывал вверх, рассекая воздух, и опускался на ее спину. За яркими вспышками боли она лишь слышала собственные крики, которые, казалось, растворялись в воздухе, не доходя до чужих ушей. Страх сковывал сердце Мелании, а мысли смешивались в густом тумане ужаса. Каждый удар прутика заставлял осознавать, что мир не защищает ее, что надежда на спасение оставила ее в этот момент.

Пытаясь защитить Меланию, Екатерина подбежала к мужу. Но Петр с силой оттолкнул ее. Та не удержалась на ногах и упала навзничь. И только Варя молчала. Она с улыбкой наблюдала за всем происходящим, позабыв уже о сломанной кукле.

Лицо Петра искажилось в злобной гримасе. Он, казалось, не осознавал, что теряет человеческое обличье и превращался в зверя. Крики Мелании лишь напоминали ему о том, что та просто приبلудная дочь, которую ему когда-то подкинули. Розгами он наказывал приемную дочь уже не в первый раз.

Наконец, когда ударов стало меньше, Мелания почувствовала, как прижимается к ней тишина. Она закрыла глаза, пытаясь спрятаться от зла, превратившегося в ее реальность. В глубине души поднималась не просто волна боли, но и желание выжить, несмотря ни на что.

В эти мгновения Мелания хотела вырваться, убежать отсюда и никогда не возвращаться. Но куда бежать? К беспризорникам, которых полно кругом? Да хотя бы! Ну и пусть им нечего есть и негде ночевать, но над ними, по крайней мере, никто не издевается. Разве могла какая-то кукла стоять таких страданий?!

Петр отбросил прутик в сторону и молча вошел в дом. Екатерина проследовала за ним.

Мелания, не чувствуя собственного тела от боли, скатилась со скамейки на землю. Сейчас в ней зарождалось чувство ненависти к Петру. Она лежала на холодной осенней земле, вся в слезах. Ее мысли металась, как листья на ветру. Но больше всего ненависти в этот момент Мелания испытывала к родной матери, которая бросила ее и обрекла тем самым на все эти страдания. То, что в этой семье она неродная, Мелания стала понимать с годами. Ведь к родным детям так не относятся. Каждый раз, когда кто-то говорил о матерях, о любви и заботе, Мелания ощущала, как внутри нее поднимается волна ненависти. Это было не просто чувство — это было ее оружие против боли, ее способ выжить в мире, который казался таким жестоким. Мелания мечтала о мести, о том, чтобы однажды встретить мать и сказать ей все, что

держала в себе. Но где-то в глубине души Мелания понимала, что ненависть лишь отравляет ее собственную жизнь.

ГЛАВА 3. НЕПОТРЕБНАЯ ДЕВКА

Октябрь 1921 года. Окраина Петрограда.

Прошли годы. Мелания повзрослела. Из маленькой чумазой девчушки она превратилась в красивую барышню. Ее легкие, грациозные движения завораживали окружающих. Рыжие волосы, словно солнечные лучи, струились по заостренным плечам. У нее были красивые черты лица, овальную форму которого четко подчеркивали скулы, как у девушек, сошедших с полотен Репина и Брюллова. Яркие зеленые глаза, словно два изумруда, маленький вздернутый носик, слегка пухлые губы. Густые ресницы делали ее взгляд еще более притягательным, будто она хранила в себе множество нерассказанных историй. Вся ее внешность, как симфония, о которой хотелось говорить бесконечно, оставляла за собой след волшебства и загадки, делая Меланию не просто красивой, а поистине незабываемой. Каждое утро она любила стоять у окна и смотреть на восходящее солнце, предвкушая новый день и его возможности.

Соседские мальчишки, которые когда-то дразнили ее, теперь с восхищением наблюдали за волшебным превращением в девушку. Мелания не обращала на них внимания. В ее душе росло стремление открыть для себя мир, наполненный новыми впечатлениями и знаниями. Однако все подобные стремления жестко пресекались Петром, который почти ежедневно наказывал приемную дочь по поводу и без. Тем не менее, Мелания закончила четыре класса школы, научилась читать и писать.

В тот год страну охватил страшнейший голод, вызванный неурожаем в Поволжье. Революция, Гражданская война, продразверстка лишь усугубили ситуацию в стране.

У Никитиных тоже было тяжело с продовольствием. В основном питались тем, что выращивали в огороде, но еды крайне не хватало. Да еще и половину урожая растащили из сада беспризорники. Огородом занимались Варя и Мелания. Екатерина последнее время стала слаба здоровьем: туберкулез измучил ее исхудавшее тело. Мать почти не вставала с постели.

Одним осенним вечером Петр вернулся с фабрики раньше обычного, еще даже солнце не успело коснуться горизонта. Он с задумчивым выражением лица вошел в дом. Екатерина, увидев мужа, обрадовалась и попыталась встать с кровати.

— Лежи уж! — негромко сказал он жене.

Екатерина послушно откинула голову обратно на подушку и сказала:

— Там есть немного еды на столе. Нашли, что смогли.

Петр посмотрел на стол, где лежало что-то съестное, завернутое в платок, потом перевел взгляд на жену и отмахнулся:

— Потом.

Петр опустился на скамейку и прислонился спиной к печи. Его мысли были где-то далеко. На лице была какая-то непонятная тень.

Варвара, ставшая тоже привлекательной девушкой с темными волосами и глубокими темными глазами, сидела на табуретке у кровати матери. Она вопросительно посмотрела на отца, но ничего не спросила.

Мелания не обращала на Петра никакого внимания и молча протирала пыль на подоконниках.

Затянувшееся молчание нарушил глава семьи. Он тихим, монотонным голосом сказал:

— Нам нечего есть. Неизвестно, когда этот голодомор закончится. Люди мрут.

Следующая фраза наконец-то раскрыла причину его таинственной задумчивости:

— Лишние рты нам не нужны нынче.

Мелания, давно осознававшая, что она лишняя и чужая в этом доме, обернулась и посмотрела на Петра широко раскрытыми глазами. Ее губы слегка приоткрылись. Она ждала, что еще скажет Петр. Тот продолжил:

— Мелания, собирайся! Я отведу тебя в одно место. Там теперь будешь жить.

Мелания замотала головой и крикнула:

— Я никуда не пойду!

Она бросилась к Екатерине и схватила ее за ноги. Взмолилась:

— Мама, не позволяй ему!

Мелания жалостливо смотрела в глаза Екатерины, ища в них помощи.

Екатерина спросила мужа:

— Петруша, ты что это удумал?

Петр не ответил жене. Он встал со скамейки и пробурчал в сторону Мелании:

— Дура! Я о тебе пекусь. Там тебе будет и кров, и еда.

Он сдернул Меланию с кровати и толкнул в угол, где лежали ее вещи.

— Одевайся, сказал! — приказал Петр.

— Я не пойду! — заорала Мелания и со злобой посмотрела на Петра.

В следующий миг его рука взметнулась в воздух и вlepила Мелании пощечину. Та оторопела. Она потеряла ладонью щеку. Внутри все закипело. Мелания бросилась к Петру и со всех сил толкнула его руками в грудь. Но тот даже не шелохнулся. Он схватил пальто Мелании одной рукой, второй подхватил ее саму под руку и потащил к двери.

Екатерина хотела встать с постели, чтобы заступиться за Меланию, но ноги ее подкосились, и она рухнула обратно.

Петр распахнул дверь и ударил Меланию в спину, тем самым подтолкнув ее к выходу. Они оба скрылись за дверью.

Ночь вступила в свои права и украсила небо яркими звездами. Уличные фонари Невского проспекта тускло освещали прохожих. Мимо куда-то брели люди, укутанные в пальто и плащи, красивые машины ослепляли прохожих своими большими фарами. Тут и там то и дело раздавались крики извозчиков:

— Эй, поберегись!

Мелания молча шагала за Петром, с любопытством заглядываясь на уличные вывески с надписями «Аптека», «Библиотека», «Фотография». Шли они уже долго. За следующим кирпичным зданием Петр свернул за угол, Мелания послушно проследовала за ним. Спустя еще несколько минут Петр остановился у красивого многоэтажного здания. Оно возвышалось на углу улицы, укрывая свою мощь под слоем серого цемента и старинного кирпича. Высокие окна, глубокие и узкие, словно прищуренные глаза, наблюдали за переменчивым жизненным потоком города. Каждый этаж был украшен скромными, но выразительными барельефами, изображающими сцены труда и братства, символизируя веру в будущее.

— Пришли, — пробормотал Петр и осторожно постучал в дверь.

Спустя какое-то время дверь отворилась, за ней возник силуэт высокого мужчины лет пятидесяти. Он был худощавого телосложения, но жилистым. Одет был мужчина в просторный костюм темно-коричневого цвета. Маленькие темные глаза обрамляли густые темные брови. На левой щеке был узкий длинный шрам: он начинался у самого глаза и терялся под густой бородой, за которой вовсе не было видно рта. Но вдруг раздался его голос. Мужчина спросил:

— Чего изволите?

— Я к Софье Андреевне, у меня договорено! — бормотал Петр. — Передайте ей, что Петр Никитин пришел.

Высокий мужчина скрылся за деревянной резной дверью. Его не было минут пять, затем дверь снова отворилась, и мужчина жестом пригласил гостей войти.

Мелания последовала за Петром, а тот — за высоким мужчиной в костюме. Втроем они поднялись по широкой лестнице на второй этаж и прошли к одной из многочисленных комнат.

— Сюда, — указал жестом на дверь провожатый и исчез за углом.

Дверь распахнулась. За ней стояла стройная дама средних лет в длинном бархатном платье темно-зеленого цвета. Крупные белые бусы обвивали ее длинную тонкую шею. Черные волосы были пострижены под каре. Весь этот образ больше походил на образ киноактрис того времени. Женщина, увидев гостей, воодушевилась. Ее тонкие красные губы изогнулись в легкой улыбке. Темные глаза засияли.

— Петр, голубчик, вы пришли! Я уж и не чаяла! — воскликнула женщина.

Она перевела свой взгляд на Меланию, стоявшую тихонько в стороне. Взгляд этот Мелании очень не понравился, на душе возникло странное ощущение, будто вот-вот случится что-то нехорошее.

— Проходите, садитесь! — сказала Софья Андреевна и указала жестом на стулья, стоявшие у темного лакированного стола.

Мелания оглядела комнату, походившую больше на кабинет высокопоставленного чиновника: стены в золотистых обоях, окна, зашторенные бордовыми шторами с золотистой бахромой. У одного из окон стоял письменный стол, на котором была куча всяких мелочей: часы, пепельница, фарфоровые статуэтки. В углу стоял шкаф с книгами, а около него — миниатюрный бордовый диванчик с резными подлокотниками. Побеленный потолок украшала большая стеклянная люстра из муранского стекла.

Пока Мелания с любопытством глядела по сторонам, Петр уже удобно уселся за стол напротив Софьи Андреевны. Та внимательно смотрела на гостя, вставляя сигарету в мундштук из слоновой кости.

— Вот, привел вам девку, как и договаривались, — произнес Петр.

— Восхитительно! — воскликнула хозяйка и поднесла мундштук к своим ярко-красным губам.

Мелания ничего не понимала и, открыв рот, смотрела на Софью. Та перевела взгляд с Петра на нее и с любопытством прищурилась.

— Надобно осмотреть товар, — произнесла Софья.

— Ну, так, э-э-э... — бормотал Петр, разводя руками.

Услышав слово «товар», Мелании и вовсе стало не по себе.

— Эй, Шило! — вдруг очень громко крикнула Софья, однако ей никто не отозвался из-за двери.

Она крикнула еще громче:

— Клим! Поди сюда, черт окаянный!

В комнату не спеша вошел тот самый мужчина, который встречал гостей у входа. Он обратился к хозяйке:

— Чего изволите, Софья Андреевна?

— Нам осмотреть девку надо, — сказала Софья и вновь сжала мундштук своими губами.

Клим подошел в Мелании и скомандовал:

— Раздевайся!

— Чего? — опешила та.

Клим повторил:

— Одежу снимай, дура!

Софья издала негромкий смешок и тихо проговорила, словно сама себе:

— Да она еще и глухая...

Мелания стояла, оцепенев. Клим протянул руку к вороту ее пальто, как вдруг она резко отступила назад, выкрикнув:

— Я сама!

— Ну, так снимай! — не унимался Клим.

Мелания медленно расстегнула пуговицы пальто и скинула его с плеч. Клим выхватил пальто и швырнул его на пол. Мелания осталась стоять посреди комнаты в одном лишь платье.

Взгляд Софьи вдруг перестал быть дружелюбным. Ее лицо стало каменным. Она посмотрела на Клим и кивнула. Поняв приказ хозяйки, тот подошел к Мелании со спины и разорвал на ней платье. Ткань затрещала, клочья платья скатились вниз. Все, что было надето под платьем, также было порвано Климом. Мелания стояла полностью голая, пытаясь прикрыть себя руками. При виде обнаженной Мелании Петру стало не по себе, он отвернулся и старался не смотреть на нее.

Софья затушила сигарету, отложила мундштук в сторону и встала из-за стола. Она медленно подошла к Мелании и стала осматривать ее со всех сторон, сверху вниз, скользя взглядом по жемчужно-белой девичьей коже. Мелания была прекрасно сложена: пышная грудь, округлые бедра, тонкая изящная талия, стройные ноги, тонкие запястья и длинные пальцы.

— Хороша! Ах, кобылка! — бормотала себе под нос Софья.

Она протянула руку к голове Мелании и выдернула из пучка волос шпильки — огненные локоны рассыпались по изящным плечам девушки. Вдруг взгляд Софьи стал пристальным. Она внимательно посмотрела на спину Мелании, вдоль которой расстилались шрамы. Их форма и цвет варьировались: некоторые скользили вдоль позвоночника, как тонкие трещины на старом фарфоре, другие же представляли собой широкие полосы, исчерченные временем и испытаниями. Светлые, почти жемчужные шрамы, казалось, искрились под светом ламп, в то время как темные, застарелые, больше походили на густые тени.

— Это еще что? — воскликнула Софья и вопросительно посмотрела на Петра.

Тот смекнул, в чем дело, и сказал:

— Так не слушается она меня. Воспитывать приходится.

— Тебя бы так воспитать! — сыронизировала Софья. — Такой товар испортил! Эх!

Она хлопнула в ладоши, потеряла их и обратилась к Петру:

— Забираю ее. Будет моей жемчужиной.

Софья прошла к письменному столу, достала из ящика несколько денежных купюр и бросила их Петру на стол. Тот схватил деньги и расплылся в улыбке:

— Благодарствую, Софья Андреевна!

Мелания посмотрела на деньги, слезы потекли из ее зеленых глаз, горькие и обжигающие. Она не могла поверить в то, что происходило сейчас в этой комнате.

Петр поспешно сунул деньги в карман, раскланялся и направился к выходу. Мелания смотрела ему вслед, проклиная всей душой. Петр вышел и закрыл за собой дверь.

Софья села на стул напротив Мелании, закинув ногу на ногу, и сказала:

— Ну что, барышня, теперь ты принадлежишь мне.

Мелания схватила с пола пальто и накинула на себя. Она смахнула слезы со щек и дрожащим голосом спросила:

— Вы что же это, купили меня? Как пару новеньких башмаков?

— Да, милочка, — ответила Софья. — Теперь жить и работать будешь тут.

— Как работать? — не понимала Мелания.

Софья ничего не ответила, а только громко расхохоталась, затем приказала Климу:

— Отведи ее в комнату к Лизке.

Клим толкнул Меланию к двери. Та послушалась. Они прошли по длинному коридору, желтые стены которого были украшены светильниками и красивыми картинами. У одной из дверей Клим приказал остановиться:

— Сюда заходи!

Мелания послушно вошла, дверь за ней закрылась, и она услышала, как ключ повернулся в замке, давая понять, что выхода отсюда нет и теперь она взаперти.

Комната была небольшая: светлые стены, побеленный высокий потолок, темные шторы на окнах. На полу лежал красивый синий ковер. Из мебели в комнате были стол, стулья, шкаф для одежды и зеркало. У зашторенного окна стояли две небольшие кровати.

В комнате больше никого не было. Мелания дернула ручку двери, пытаясь открыть ее, но тщетно. Она не спеша прошла к одной из кроватей у окна. Боль и обида сжали ее сердце так сильно, что не хватало воздуха. Она жадно глотала кислород, но не могла надышаться. Слезы снова полились из глаз. Мелания опустилась на пол, сжимая подол своего пальто. Она понимала, что ее продали в проститутки, вернее, продал человек, растивший ее.

— Почему все это со мной происходит?! — спрашивала она себя, но молчание комнаты оставляло этот вопрос без ответа.

В эти минуты Мелания винила в своих страданиях не столько Петра, сколько свою родную мать, бросившую ее. Ведь будь она рядом, ничего плохого бы не произошло.

Страх, обида, ненависть — все смешалось в голове Мелании. Она плакала, не переставая, пока не заснула, сидя в одном пальто на синем ковре у кровати.

* * *

Непонятное шевеление в комнате заставило Меланию открыть глаза. Она огляделась по сторонам и увидела на соседней кровати молодую девушку, лет восемнадцати. Сколько прошло времени, Мелания не знала, но за окнами по-прежнему была ночь. В комнате горел тусклый свет. Сидящая напротив девушка была одета в изящное черное платье с белыми вставками. Ее длинные русые волосы были слегка растрепаны и спадали на плечи. Девушка держала в одной руке небольшое зеркало, а в другой — кусок ткани. Она пыталась стереть с лица вызывающий макияж: брови были прочерчены жирной обводкой, накрашенные ресницы и ярко красные губы. Девушка посмотрела на Меланию и тихо спросила:

— Новенькая?

Мелания поднялась с пола и уселась на кровать. Она запахнула свое пальто поплотнее и ответила девушке:

— Сегодня меня купили.

Голос Мелании дрогнул, и слезы снова потекли по щекам.

— Не реви, — вытирая губы, сказала незнакомка. — Здесь редко кто по своей воле находится. Кого продают, а кому просто есть нечего.

Она посмотрела на Меланию и придвинулась к ней чуть ближе, сказав:

— Я вообще в пятнадцать лет сюда попала. Дите совсем.

Мелании удалось рассмотреть черты лица незнакомки уже без макияжа. Она всматривалась в лицо девушки, пытаясь уловить каждую деталь, которая могла бы рассказать какую-то историю. Без макияжа кожа выглядела уязвимо, но именно в этом была своя красота — естественность, которую так часто скрывают под слоем косметики. Гладкие щеки и едва заметные веснушки придавали незнакомке юношеский вид, в то время как выразительные голубые глаза выдавали мудрость и опыт, возможно, накопленные за годы борьбы с жизненными трудностями. Некоторые линии на лбу выдавали озабоченность, а легкая тень на подбородке намекала на моменты, полные размышлений. Мелания заметила, как незнакомка иногда прикрывала глаза, словно пытаясь спрятаться от мира, в котором не всегда все так просто. Эта уязвимость придавала ей загадочность, и Мелания почувствовала, что готова узнать больше о ней, о ее переживаниях и мечтах.

— Я Лиза, — представилась девушка.

— Я Мелания, — последовал ответ.

Минуту спустя Мелания нарушила молчание в комнате своими вопросами:

— И как здесь все устроено? Софья тут главная?

Лиза скинула с себя платье и, оставшись в одной черной комбинации, рухнула на кровать.

— Ну, публичный дом он и есть публичный дом. Что тут скажешь?! — отвечала Лиза, глядя в потолок. — Исполняем желания клиентов... Иногда с улицы зазываем их, а иногда сама матушка приводит их к нам сюда. Да, она тут главная. У нее везде свои глаза и уши.

От всех этих слов у Мелании начало щемить сердце, кровь прилила к вискам. Она громко выпалила:

— Но ведь проституция нынче под запретом! Как же так?!

Лиза хихикнула и сказала:

— Под запретом! Как же! У Софьи есть влиятельный друг в самом Совете. Ей все нипочем. Шило — главный ее мордovorот. Делает все, что она прикажет. А у него тоже есть своя шайка бандюганов.

Мелания не могла поверить в то, что слышала. Ей становилось очень страшно.

— Шило — это Клим? — спросила она у Лизы.

— Да, — ответила та и отвернулась к стене.

— А кормят здесь? — продолжала расспрос Мелания.

— В восемь завтрак. На первом этаже, — Лиза зевнула и продолжила. — Ложись, поздно уже. Жить, кажись, ты со мной в этой комнате будешь. Занимай кровать.

Лиза засопела. Мелания поняла, что та уснула. Из-за двери доносилась негромкая музыка, приглушенные мужские голоса и громкий женский смех. Очевидно, где-то в соседней комнате женщины развлекали мужчин. Мелания не хотела все это слышать. Она легла на кровать, отвернулась к стене и зажала уши ладонями.

* * *

Утром следующего дня Мелания проснулась от того, что кто-то сильно толкал ее в левый бок. Она вздрогнула и подняла голову с подушки. У кровати стояла Лиза. Она сказала:

— Ты что это дрыхнешь?! Пора на завтрак, а то матушка будет недовольна.

Лиза уже была умыта, собрана: ее волосы были аккуратно заколоты на макушке, коричневое бархатное платье изящно подчеркивало фигуру.

Мелания встала с кровати и тихо обронила:

— Мне надеть-то и нечего. Все поразорвали вчерась.

Лиза шустро подошла к шкафу и стала рыться в нем, бормоча:

— Сейчас найдем что-нибудь для тебя.

Она бросила на кровать белое шелковое нижнее белье, белую блузку и черную юбку, скомандовав:

— Одевайся, пойдем вниз!

Вскоре девушки в полном убранстве спустились по лестнице и прошли в столовую. Это было просторное помещение. Интерьер столовой отражал дух эпохи, когда дизайнеры находились на стыке традиционного и современного, сочетая в себе элементы утонченного стиля и простоты функционализма. Стены нежного кремового цвета были украшены картинами в деревянных рамах, изображающими сцены из простого деревенского быта. В центре комнаты стояли накрытые белоснежными скатертями столы из темного дерева с изящной резьбой. По бокам стояли стулья с обивкой из плотной бежевой ткани, укомплектованные высоким спинками, украшающими пространство своим богатым узором. Освещение подавалось из изящных подвесных люстр. В столовой пахло свежесваренным борщом.

«Кругом голод, а тут борщ», — подумала Мелания.

За столами в зале сидело много девушек различной внешности и возраста. Они искоса поглядывали на Меланию и о чем-то перешептывались. Мелании стало не по себе от этого. Она повторяла все за Лизой: подошла к поварихе, взяла тарелку борща с картофельной лепешкой и прошла к столу, где были свободные места; усевшись, принялась за трапезу. В сером костюме и картузе Шило сновал по залу туда-сюда. Он словно что-то искал и никак не мог найти. Мелания покосилась в его сторону и вполголоса спросила у сидящей напротив Лизы:

— А почему его Шило кличут?

Лиза, откусив кусок лепешки, отвечала с набитым ртом:

— Как поговаривают, в прошлом он был осужден за убийство жены. Выколол ей шилом глаза, а потом заколол ее. Он очень злой!

У Мелании защекотало горло толи от рассказа Лизы, толи от горячей похлебки. Она помотала головой.

Дальше девушки ели молча. Мелания старалась больше не смотреть на Клима.

После завтрака все девушки разошлись по своим комнатам. Лиза и Мелания также поднялись к себе и, удобно расположившись на своих кроватях, неспешно продолжили свою беседу.

— А ты не хотела сбежать отсюда? — поинтересовалась Мелания у Лизы.

Та подкатила глаза:

— Убежать куда? Матушка везде найдет! А если тебя продали родственники, то и заступиться за тебя более некому.

Мелания опустила глаза. Тень отчаяния скользнула по ее лицу.

— У меня здесь одна отрада, — откровенничала Лиза. — Захаживает ко мне иногда один красавчик. Так он мне мил, что сил моих нету! Когда он со мной, сердце мое млеет. А все остальное для меня — это всего-навсего работа. Кров да еда есть. Чего еще надо-то?! А идти мне некуда. Сирота я.

— Я, стало быть, тоже сирота, хоть и жила с сестрой матери и ее мужем-извергом! — Мелания тоже перешла на откровения. — Мать бросила меня еще в младенчестве. Будь она проклята! Обрела меня на жизнь беспросветную. Муж тетки бил меня смальства, издевался, а теперь и вовсе продал в проститутки...

Монолог Мелании прервали шаги за дверью. Вдруг она распахнулась, и на пороге возник Шило. Он громко крикнул, обращаясь к Мелании:

— Матушка велела тебе идти на кухню. До вечера ты будешь помогать там с готовкой.

Мелания встала с кровати и послушно проследовала за Климом, оставив Лизу одну в комнате.

Они спустились по лестнице, затем прошли через столовую на кухню — небольшое полуосвещенное помещение, заваленное кухонной утварью и какими-то мешками. Вода кипела в котлах. В них что-то замешивала невысокая полная женщина лет пятидесяти.

— Принимай подмогу! — обратился к ней Клим и вышел из кухни.

Женщина повернулась к Мелании и посмотрела на нее своими маленькими добрыми глазами. Это была пожилая дама с округлым лицом, которое излучало доброту и жизнь. Ее щечки, слегка располневшие, напоминали свежие персики. Волосы ее были спрятаны под светлый платок, завязанный сзади. Длинный светлый фартук добавлял ей еще больше полноты. Она обратилась к Мелании:

— Недавно здесь? Меня звать тетя Нина.

Мелания ответила женщине:

— Да, первый день. Меня Меланией кличут.

— Ну будем знакомы! — хлопнула в ладоши тетя Нина. — А теперь бери нож со стола и помогай мне картоху почистить!

Весь день Мелания провела на кухне, помогая с приготовлением ужина. Тетя Нина понравилась ей. Они много разговаривали о жизни, сетовали на свою судьбу. Время пролетело незаметно. Наступил вечер, и мир за окнами погрузился в меланхоличное настроение. Листья, окутанные золотыми и красными оттенками, медленно кружились в воздухе, поддаваясь легкому ветерку. Уличные фонари начали мерцать, их теплый свет пробивался сквозь толстые стекла окон кухни, создавая уютную атмосферу. Из горячих котлов пахло вареной картошкой и гречневой кашей. На кухню вошел Клим и приказал Мелании:

— Матушка зовет к себе! Марш!

Он сопроводил Меланию до кабинета Софьи, постучал в дверь. Оттуда донеслось:

— Ну, входи!

Клим подтолкнул Меланию внутрь.

Софья сидела в углу кабинета на диване и курила. Ее вульгарный макияж не изменился с последней их встречи, а вот наряд, напротив, стал более сдержанным, чем накануне: Софья была одета в длинную строгую юбку мышиного цвета и атласную розовую блузку.

На тумбочке у дивана, в большой хрустальной вазе, были раскинуты гроздь белого винограда, а в центре — большой красивый ананас. Мелания их раньше никогда не видела, поэтому ваза так привлекла ее внимание. Она подумала про себя:

«Голод в стране, а тут ананас!»

Софья посмотрела на вошедших и сразу же встала с дивана, затушив сигарету о пепельницу. Она подошла к Мелании почти вплотную и тихим ровным голосом сказала ей:

— Сегодня у тебя важный посетитель. Ты должна будешь выполнять все, что он скажет. Сейчас Клим подберет тебе красивый наряд, девочки подкрасят тебя и волосы причешут. К двадцати часам ты должна быть готова.

Мелания стояла, остолбенев. Она не была готова к такому повороту событий.

— Нет! — воскликнула Мелания. — Я не стану этого делать!

Софья громко расхохоталась ей в лицо и перевела взгляд на Клим, стоявшего у двери кабинета.

— Слыхал, Климушка?! — съязвила Софья.

Улыбка исчезла с ее лица, а на ее месте появился звериный оскал. Она схватила Меланию рукой за подбородок и крикнула:

— Ты думаешь, я тебя задарма здесь буду кормить?! Нет, деточка. Ты здесь, чтобы работать!

Мелания отстранилась от Софьи, высвободив свой подбородок, и невнятно залепетала:

— Я... Никогда не... Не сумею... Я...

Софья перебила ее:

— Да не блей ты, как овца! Я знаю, что ты нетронутая еще. Именно по этой причине у тебя первый и особый клиент вечером. Иначе пошла бы сегодня, как все, по Сенной! С бланкетками и лярвами!

Софья прошла к столу, повернулась к Мелании и, уже без крика, но железным тоном, сказала:

— Запомни! Больше повторять не стану! Я здесь решаю, кому и что делать!

На глазах Мелании заблестели слезы. Ужас наливал все ее тело дрожью. Она хотела превратиться в птицу и сейчас же улететь отсюда.

— Шагай с Климом и начинай наводить марафет! — добавила Софья.

Мелания не выдержала и громко закричала:

— Не буду! Не смейте меня тут держать!

Мелания рванулась к двери, но выход преградил Клим. Вдруг рука Софьи вцепилась сзади в волосы Мелании. Резкий рывок — и сильная боль растеклась по всему затылку. Мелания не могла пошевелиться.

— Ах, какая ты строптивая! Я тебя научу слушаться! — кричала Софья.

Она развернула Меланию к себе и вlepила ей звучную пощечину. Та не растерялась и рефлекторно вlepила Софье встречную пощечину. Софья опешила. На несколько секунд в кабинете воцарилась полная тишина. Глаза Климa расширились от изумления. Он молча смотрел на Софью. Та испепеляла взглядом Меланию, находившуюся тоже в полной растерянности.

Софья не спеша подошла к окну и замерла, вглядываясь в ночную темноту за стеклом. Спустя некоторое время, не оборачиваясь, она в полголоса сказала слуге:

— Покажи ей, Клим, что бывает, когда мне не подчиняются!

Софья резко повернулась и добавила:

— Только через подушку, чтоб товарный вид не попортить!

Клим схватил Меланию за руку и толкнул на пол. Та упала. Клим подбежал к дивану, схватил с него небольшую подушку и швырнул на Меланию. Затем, усевшись сверху, стал наносить ей удары кулаками через подушку, дабы не оставить на теле следов. Он бил неистово, казалось, с особым наслаждением. В его глазах было полное отсутствие жалости. Он смотрел на Меланию, как на некий объект, забыв о том, что это — человек, с чувствами и мечтами. Клим бил ее по груди, по животу, по ребрам. Каждое движение Клима было выверено, каждая атака — точной, будто он тренировал в себе это долгими годами. Подушка, которая должна была смягчить удары, лишь добавляла абсурдности происходящему, словно Клим играл в какую-то жестокую игру, забыв о правилах человечности.

Мелания, перевернувшись на бок, зажала руками голову, пытаясь защититься от ударов, но с каждой секундой ее сопротивление ослабевало. Вокруг стояла тишина, лишь шум ветра за окном и тяжелое дыхание нападавшего нарушали мрачную атмосферу. Крики Мелании растворялись в бескрайнем мире, где не было места состраданию.

Вдруг подушка накрыла лицо Мелании. Ей стало нечем дышать. Она извивалась на полу, крича от ужаса, но сквозь подушку голоса не было слышно. Мелания устала сопротивляться. Она поняла, что сейчас просто умрет. Холод сковал ее тело, руки обессилили. И вот — глоток воздуха.

«Неужто все закончилось?» — мысленно спросила себя Мелания.

— Довольно, Климушка! — скомандовала Софья. — В следующий раз засунешь ей шило под ногти, если ослушается меня!

Клим поднялся с пола и вернул подушку на прежнее место.

Мелания лежала на полу, раскинув руки и ноги в стороны. Она жадно глотала воздух, которого буквально несколько мгновений назад так не хватало. Все тело болело — от головы до пят. Сил не было ни в руках, ни в ногах. Мелания безмолвно смотрела в потолок. Софья склонилась над ней и, схватив с силой за волосы, приподняла голову Мелании. Чуть слышно, но с ядовитой усмешкой Софья проговорила:

— Если я прикажу, милочка, ты и целую роту солдат обслужишь!

От этих слов Мелании стало страшно и обидно одновременно. Она посмотрела в холодные глаза Софьи. Там были лишь пустота и безразличие.

Софья распорядилась:

— Готовьте ее к свиданию!

Все, что происходило с Меланией дальше, было будто в тумане. Сил сопротивляться не было, страх сжимал ее сердце, пульсировал в висках. Руки Клима подхватили обессиленное девичье тело и куда-то понесли по лестнице. Позднее чьи-то руки небрежно надели на ноги Мелании чулки, юбку, неудобные туфли, застегнули блузку на груди. Кто-то подвел ей карандашом глаза, кто-то накрашил губы, причесал. Мелькали незнакомые лица. Все звуки были отдаленными и приглушенными.

Вскоре все это закончилось, и Мелания осталась одна в комнате. Горел тусклый свет. Было тихо. Она вспоминала недавнюю сцену в кабинете и пыталась уложить все в голове, но это едва удавалось. Дверь в комнату, чуть скрипнув, приоткрылась. В дверном проеме показался силуэт пожилого мужчины. Лица его Мелания не могла разглядеть. Гость слегка замешкался у двери, затем скинул фетровую шляпу и подошел ближе к Мелании, лежащей на кровати.

— Да ты красавица... — пробормотал он.

Незнакомец скинул пиджак и брюки на пол и стал взбираться на кровать. Его наодеколоненное лицо нависло над Меланией. Мужчина тяжело задыхался и шепнул:

— Меня предупредили, что ты неопытная.

Мелания попыталась собрать последние силы, чтобы сбросить с себя незнакомца, и сделала легкий рывок к краю кровати, но сил больше не было. Ее обмякшее тело рухнуло обратно. Незнакомец тем временем шарил своими руками по всему телу Мелании, будто что-то искал. Слова Софьи всплывали в ее памяти:

«В следующий раз засунешь ей шило под ногти, если ослушается меня!»

«Если я прикажу, милочка, ты и целую роту солдат обслужишь!»

Страх сковал все тело, безразличие разлилось по венам. Мелания смирилась со своей участью. Она закрыла глаза и больше не шелохнулась...

Получив то, что хотел, незнакомец ушел, а Мелания осталась лежать на кровати с закрытыми глазами. Нет, она не спала. Как можно спать, когда тебя насильно трогают, рвут на тебе одежду, причиняют боль?! Она лежала неподвижно, лишь слезы серебряными струйками стекали из глаз на подушку.

«Как я ненавижу тебя, мама! За что ты бросила меня?! В чем я виновата?!» — эти вопросы без остановки роились в голове Мелании.

Ответа на них не было. Мелании оставалось лишь одно: лежать и осознавать, что теперь и навсегда для всех она — просто непотребная девка.

ГЛАВА 4. ГРИГОРИЙ

Апрель 1924 года. Ленинград.

Очередная морозная и снежная зима в городе лениво сменилась весной, которая разлилась нежными красками по уличным мостовым, маскируя остатки зимней серости. Город, восстановленный после бурь революции, словно дышал, наполняясь звуками весеннего пробуждения. На Неве в солнечных бликах играли корабли, а их мачты беспечно покачивались, как будто убаюкивая смятенные сердца горожан.

Разбитые улицы, подмятые временем и историей, вновь оживали, заполняясь смехом детей и шепотом влюбленных пар. В воздухе витал аромат свежей выпечки. Кто-то из проезжающих торговцев предлагал свои товары, а старушки с корзинами на руках делились историями о минувших днях.

Полуголые стены домов прятали свои тайны, а яркие надписи революционных лозунгов, словно проблески памяти, напоминали о взрывных страстях, которые не так давно раздирали страну.

Мелания уже третий год жила в борделе. Жила и работала. Она смирилась со своей судьбой и старалась лишний раз не перечить Софье и Климу. Однако смирение пришло к ней не сразу. В первую же зиму Мелания пыталась сбежать от ненавистной хозяйки. Выходя от очередного клиента, она заметила, что один из людей Клима, приставленный присматривать за ней, отвлекся у входа. Она смекнула и тут же бросилась в подворотню. Бежала Мелания долго и бесцельно. В кармане были деньги, что заплатил ей клиент, и она решила проследовать к железнодорожному вокзалу. Оттуда она хотела сбежать хоть куда-нибудь, лишь бы не быть в рабстве. Но прямо у станции ее поджидали люди Клима...

За попытку побега Меланию жестоко наказали: избили, а потом еще вырвали ноготь на мизинце. Она поняла, что матушка была права, когда говорила, что найдет беглянку везде. Да и со временем Мелания сама стала осознавать, что бежать-то и некуда...

В борделе у Мелании не было хороших подруг, лишь Лиза стала для нее той подругой, которая помогала в трудную минуту и которой можно было доверить все свои секреты. Очевидно, это стало возможным в силу того, что девушкам приходилось делить одну комнату.

Иногда Мелания помогала на кухне, в столовой, делала уборку в комнатах других девушек. Днем она работала на Лиговке, продавая свою любовь за деньги и шепча прохожим мужчинам на ухо фразу: «Я живу неподалеку». Но каждое свидание за деньги словно отнимало у нее частицу души. На Лиговке месте с ней было еще много девушек, на любой вкус. Клим и его бандиты издали присматривали за девушками, чтобы вдруг чего не случилось.

Среди притоновских проституток и постоянных клиентов Мелания теперь слыла местной звездой. По приказу Софьи по пятничным вечерам она давала концерты в борделе. Послушать ее приходили мужчины со всего Ленинграда. От этого доходы Софьи росли, как на дрожжах. А началось все пару месяцев назад, когда во время уборки в комнате матушка подслушала, как Мелания напевала красивую песню. Софье пение очень понравилось, и она решила извлечь из этого выгоду, даже афишу на входе повесила. Мелания сначала напрочь отказывалась давать концерты, но после поняла, что пение ее успокаивает, позволяет унести куда-то далеко от брэнного мира. Да и аккомпаниатора ей нашли. Оказалось, что сама Софья прекрасно играла на пианино.

Так и в один из апрельских вечеров Мелания готовилась к выступлению. Лиза аккуратно укладывала подруге волосы в красивую прическу.

— Да ты прям Мэри Пикфорд! — воскликнула Лиза от изумления. — Очень красиво!

Мелания подбежала к зеркалу и взглянула на себя: крупные локоны волнами спадали с левой стороны, переливаясь под светом ламп; неброский макияж, слегка подведенные глаза; расклешенное платье из белого шифона в красный цветочек подчеркивало линии красивых колен; белые туфли на высоком каблучке делали ноги стройнее и длиннее.

— И правда, — шепнула она своему отражению. — Словно актриса.

В вестибюле на первом этаже уже толпились мужчины, занимая места поближе к пианино. Среди мужчин были и рабочие, и военные, и высокопоставленные в Советском Союзе лица. Они флиртовали с дамами, пили вино, курили. Когда Софья объявила о выступлении Мелании и прошла к пианино, шум в зале стих, все расселись: кто на диваны, кто за столы, а кто и вовсе на пол.

Черно-белые клавиши пианино дрогнули — и музыка заполнила все пространство комнаты. Сквозь завесу сигаретного дыма собравшиеся смогли увидеть утонченный силуэт Мелании. Она грациозно прошла к пианино, не спеша окинула взглядом многочисленных присутствующих в зале. Спустя мгновение ее воздушное сопрано, словно легкий вечерний бриз, пронеслось по комнате. Зрители замерли, уносясь вдаль на волнах ее голоса, который был одновременно нежным и сильным. Каждый звук, будто вырывающийся из глубины ее души, проникал в сердца, заставляя забыть о тревогах и заботах:

Как и сердца у нас, за песнею твоей[1]. Сияла ночь. Луной был полон сад. Сидели мы с тобой в гостиной без огней. Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,

Мелания, увлеченная своим выступлением, закрыла глаза, позволяя музыке увести ее в мир, где царила только гармония и красота. В этот момент она была не просто певицей — она становилась проводником эмоций, соединяющим всех собравшихся в зале.

Ее голос, тихий и робкий, словно опасаясь нарушить зыбкую тишину, постепенно набирал силу. Медленно, с грацией, обходя столики, Мелания исполняла романс, приближаясь к каждому посетителю. Сначала она подошла к одинокому моряку, поглощенному воспоминаниями о дальних плаваниях. Она обвила его шею руками, склонилась и слегка коснулась губами его уха. Прервав свои раздумья, моряк вздрогнул и попытался схватить Меланию за руку, но та уже была у соседнего столика. За ним сидел пожилой усталый мужчина. Он пристально смотрел на Меланию, попивая вино из своего стакана. Ее пение ласкало слух, заставляя мужчину отвлечься от повседневных забот.

Легко соскользнув с края столика, Мелания продолжила двигаться по залу. Она, подобно змее, скользила между столиками, пела и заглядывала в глаза каждому слушателю, словно рассказывала личную историю, созвучную их собственным переживаниям. В голосе звучали грусть, любовь и отчаяние.

Когда последние ноты стихли, Мелания выдохнула и посмотрела на публику, которая не могла сдержать бурные аплодисменты. В этом мгновении царила магия, и каждый чувствовал, что стал частью чего-то большего. И только некоторые труженицы борделя бросали в сторону Мелании завистливые взгляды. Она, улыбаясь, поклонилась зрителям.

Вдруг весь шум в зале для Мелании стих, все перестало существовать вокруг. Все, кроме чистых голубых глаз, смотревших на нее через весь зал. У входа, опершись о дверной косяк, стоял молодой человек, одетый в серую жилетку поверх светлой рубахи и серые брюки. Время замерло, и в это мгновение Мелания увидела не только его глаза, но и свет, который исходил от него, пробиваясь сквозь сигаретный дым. Все вокруг продолжало шуметь, но для нее этот мир стал второстепенным. Сердце забилось быстрее. Каждый кудрявый локон, спадающий на его лоб, привлекал внимание Мелании, а улыбка, играющая на его губах, вызывала в ней волну тепла.

Парень стал громко аплодировать, и только эти аплодисменты сейчас имели значение для Мелании.

Завершив выступление, она направилась в свою комнату. Мелания двигалась сквозь зал, пытаясь отыскать глазами того незнакомца, но его нигде не было. С чувством легкой досады Мелания вошла в свою комнату и скинула с ног неудобные туфли. Следом вбежала Лиза.

— Такое представление! — воскликнула она. — Ты восхитительно поешь!

Мелания, усевшись перед зеркалом, сказала:

— Пою, как умею. Пение дает мне сил, чтобы жить.

Мелания стала аккуратно стирать платком косметику с лица и спросила Лизу:

— У тебя сегодня есть кто-то на вечер из клиентов?

— Да, — ответила та, — я сегодня иду в гости к одному военному. Оплатил всю ночь.

Мне уже собираться пора.

Дверь в комнату отворилась, вошла Софья, прервав разговор подруг.

— Лизка, — распорядилась она, — собирайся и поспешай к Ивану Платоновичу.

Затем Софья обратилась к Мелании:

— Комната сегодня ночью вся в твоём распоряжении. Один твой поклонник захотел провести с тобой аж целую ночь.

Мелания смотрела на Софью через зеркало и молчала.

Лиза стала бегать по комнате в поисках своих вещей, чтобы как можно скорее освободить комнату от своего присутствия.

Софья ласково коснулась волос Мелании на затылке, тихо сказав:

— Твои концерты нас озолотят! Уже очередь из желающих провести с тобой время.

Софья направилась к выходу. Лиза, на бегу обув туфли, скрылась за дверью вслед за ней.

Мелания сидела у зеркала и расчесывала свои длинные волосы. За дверью послышалось какое-то шевеление, спустя секунду на пороге уже стоял молодой человек. Мелания повернулась и посмотрела на него. Она не могла поверить в то, что видит: в ее комнате стоял тот самый незнакомец, который привлек ее внимание во время концерта. Мелания подскочила со стула и сделала шаг к нему навстречу.

— Здравствуй, красавица! — с едва уловимой робостью в голосе сказал парень.

— Здравствуй! — ответила Мелания. — Я видела тебя в зале, ты мне аплодировал.

— Все аплодировали. Такое чудное пение и голос... — бормотал парень.

Он сделал пару шагов в сторону Мелании, и ей удалось лучше изучить черты его лица: мужская челюсть была подчеркнута скулами, а глаза, цвета глубокого океана, светились умом и уверенностью. Мелания заметила тонкие линии вокруг его рта, свидетельствовавшие о том, что он много смеется, но в то же время тень горечи читалась в его взгляде, как будто жизнь оставила в нем свой след, и не раз. Взгляд парня был изучающим, словно он пытался разглядеть в Мелании нечто глубинное, чем просто ее наружность. Она сделала шаг назад, но его присутствие заставило ее замереть на месте. Сердце забилось быстрее, а в голове закружились мысли о том, что скрыто за его доброй улыбкой и уверенной осанкой.

— Я Гриша, Григорий, — представился наконец незнакомец.

— Мелания, — прозвучало в ответ.

— Я много времени не захаживал сюда, а тут услышал, что одна милая особа дает удивительные концерты в доме терпимости, — переминаясь с ноги на ногу, говорил Григорий. — Вот, решил зайти посмотреть.

Мелания, преодолев минутное оцепенение, села обратно на стул и предложила гостю тоже присесть. Он поставил стул и уселся напротив нее.

— Ты заплатил за ночь со мной? — поинтересовалась Мелания.

— Ну да, заплатил, — ответил Григорий. — По-другому-то к тебе не попасть.

Он слегка улыбнулся, и Мелания увидела едва заметную ямочку на его левой щеке. Но услышав слова об оплате, она слегка огорчилась и с легкой досадой в голосе сказала:

— Ну, раз заплатил — пользуйся...

Щеки Григория зарделись, он с растерянным выражением лица забормотал:

— Ну, я не за этим... Просто ты очень красивая, глаз не оторвать...

Мелания встала со стула и прошла к кровати. Она расстегнула на себе платье.

— Пстой! — крикнул Григорий и подбежал к ней. — Если ты не желаешь, то ничего не будет.

Мелания окинула Григория удивленным взглядом, спросив:

— А разве ты не этого хочешь?!

Григорий схватил Меланию за руку, тем самым не позволив ей скинуть с себя платье.

Он шепнул:

— Можем просто поболтать. Рядом. Вдвоем.

Мелания опустила взгляд в пол.

— Ты не похожа на других здешних девушек, — сказал Григорий и уселся на стул у кровати. — Ты по своей воле тут?

Мелания села рядом с ним на край кровати и произнесла:

— Нет, не по своей. Меня насильно продали Софье. А бежать мне некуда. Я нигде никому не нужна. Мать меня бросила в младенчестве, растила тетка с мужем. Вот ее муж-то и продал меня сюда.

Григорий внимательно слушал Меланию, стараясь не перебивать. Она продолжала:

— Я уже третий год здесь. Хотела было убежать, поймали, наказали за побег. Вот так и живу.

Григорий посмотрел на Меланию сочувствующим взглядом и сказал:

— Да, жизнь нынче странная. Каждый живет, как может...

— Расскажи о себе что-то, — попросила Мелания.

Григорий расправил плечи.

— Я учусь в технологическом институте. Отец мой лавочник, мать преподает литературу в школе. Живем на Вознесенском, не бедно, не богато. Всего хватает...

— Нравится учиться? — спросила Мелания.

— Да, очень! Люблю механику, — ответил Григорий. — Любопытно знать, как устроен тот или иной механизм. Как его починить, наладить.

Мелания вздохнула и произнесла:

— А я вот не училась. Только грамоте выучилась в школе и все.

Григорий поинтересовался:

— Ты, наверное, известной певицей мечтаешь стать?

Мелания громко усмехнулась:

— Скажешь тоже, певицей! В этом притоне мне никем не суждено стать!

В комнате ненадолго воцарилась тишина. Мелания ее нарушила своим вопросом:

— А чем торгует твой отец?

— Торгует, в основном, одеждой, обувью, иногда игрушками, — ответил Григорий.

Мелания пристально посмотрела в нежно-голубые глаза своего гостя. Почему-то у нее земля уходила из-под ног при виде его, во рту пересыхало. Ей хотелось взять его за руку, прижаться к плечу...

— Я рос не с родителями, а в деревне с бабушкой, — продолжил свой рассказ Григорий. — Родителям вечно было не до меня. Бабушка ночами сидела у моей кровати, когда я болел, видела меня в школу, еду готовила. Она пекла чудесные пирожки с повидлом.

От рассказа о пирожках с повидлом Мелании вдруг сильно захотелось кушать. Она перебила парня:

— Пекла? А сейчас не печет?

Григорий замолчал. Легкая тень грусти скользнула по его лицу:

— Нет, бабушка умерла.

— Мне очень жаль! — посочувствовала Мелания.

— Ты, я так думаю, не знакома со своими бабушками и дедушками? — уточнил Григорий.

Мелания отмахнулась:

— Нет, конечно!

До полуночи они проговорили о жизни и детстве. Мелания периодически смотрела в глаза Григория, пытаясь налюбоваться ими. Тот ласково улыбался ей, слушая ее длинные рассказы.

Дослушав очередную историю Мелании, Григорий зевнул и посмотрел на часы.

— Уже за полночь! — воскликнул он. — Тебе, наверное, спать пора?! Ты устала.

Но усталости Мелания не чувствовала. Она лишь хотела, чтобы эта ночь не заканчивалась никогда.

— Но ты же за всю ночь заплатил, — сказала Мелания. — Можешь остаться здесь. — Но... — замялся Григорий. — Я не хочу принуждать тебя к чему-либо.

Мелания посмотрела на него, попросив:

— Останься со мной. Не уходи. Просто проведем ночь, как добрые друзья.

Григорий подсел к ней ближе на краешек кровати и, коснувшись своими губами ее уха, шепнул:

— Я никуда не уйду. Если б я мог, я заплатил бы за все твоё время, чтобы никто другой не смел касаться тебя...

Услышав этот горячий шепот, Мелания прижалась лицом к груди Григория. То ли его рубашка, то ли тело источали сладкий аромат карамели, смешанный с легкими нотками яблока. Мелания растворилась в этом запахе до утра...

Лучи утреннего солнца пробивались сквозь наполовину зашторенные окна. Мелания и Григорий проспали всю ночь, крепко прижавшись друг к другу, но лишь как друзья.

Дверь в комнату открылась, вошла Лиза. Явно недовольным взглядом она окинула спящих, подошла к кровати и закричала:

— Вставайте! Утро уже! Быстренько!

Мелания открыла глаза и посмотрела на Лизу, потом на Григория.

— Ох, — забормотала она, — крепко уснули. Утро уже.

Мелания разбудила Григория. Тот впопыхах обулся и, протрившись, ушел.

После завтрака Мелания вместе с другими девушками отправилась вновь работать на улицу. Но к полудню ее ожидал приятный сюрприз. Григорий появился на Лиговке. Он подошел к Климу и что-то сказал, затем сунул ему в карман деньги. Мелания пристально наблюдала за происходящим. Григорий с широкой улыбкой на лице шагал навстречу Мелании. Клим наблюдал в стороне.

— Красавица! — воскликнул Григорий, подойдя к Мелании. — Я заплатил Климу, чтобы забрать тебя до вечера.

Мелания была этому крайне рада. Взявшись за руки, они оправались гулять по городу, утопающему в аромате весны. Солнце, пробиваясь сквозь облака, обнимало многолюдные улицы, где шумные толпы вели беседы о новом, о будущем, о жизни. На тротуарах, среди потока прохожих, выделялись модные дамы в длинных платьях и элегантные мужчины в пальто, переполненные амбициями и мечтаниями о светлом завтра.

Управляя толпой, трамваи с шумом проносились мимо, билеты в карманах горожан несли в себе память о вновь обретенных свободах. Каждый шаг, каждый взгляд напоминали о том, что Невский проспект стал не просто улицей, но настоящей артерией жизни, где переплетались судьбы, где вчерашние мечты встречались с завтрашними надеждами.

Льющийся солнечный свет царил между зданиями, отражаясь в витринах магазинов, полных ярких тканей и блестящих подарков. Руки влюбленных нежно переплетались, как струны лютни, создавая невидимую мелодию, которую слышали лишь они.

В воздухе витал запах свежесваренного кофе и сладкой выпечки. Уличные кафе распахнули свои двери, приглашая в страну непередаваемых вкусов. Глядя на ряды прохожих, влюбленные замечали, как разные судьбы переплетаются на этом широком проспекте — от моряков, только что вернувшихся из дальних стран, до художников, искренне воплощающих свои мечты на холсте.

Они остановились у одного из фонарей, обвитого зелеными листьями, и, глядя друг на друга, ощутили магию весеннего Ленинграда — города, наполненного любовью и тайной, где даже ветер шептал о вечных чувствах. В эту минуту время остановилось, и мир стал лишь их собственным, полным нежности и взглядов, скрывающих будущие мечты.

Григорий прижал Меланию к себе и посмотрел в ее зеленые глаза, излучавшие счастье и свет. Он не спеша потянулся своими губами к ее губам. Мелания почувствовала, как сердце забилося быстрее, когда их губы наконец встретились. Этот поцелуй был полон нежности и каких-то тонких ощущений, которые невозможно было описать словами. Она закрыла глаза, отпустив все заботы и тревоги, растворяясь в этом мгновении.

Григорий наклонился ближе, обнял ее за плечи — и мир вокруг них исчез. Он знал, что этот момент — волшебный. Каждое прикосновение, каждый взгляд были пропитаны обещанием чего-то большего. Когда они отстранились друг от друга, им показалось, что мир вокруг стал другим. Мелания открыла глаза и встретила его взгляд, полный нежности и тепла.

— Ты знаешь, что ты для меня значишь? — тихо спросил Григорий, и она почувствовала, как ушли все ее сомнения.

Его слова, простые, но искренние, заставили девичье сердце замереть от счастья.

— Я знаю, — ответила она, ощущая, как от этих слов внутри разливается радость. У них впереди было еще столько мгновений, полных неожиданных переживаний и откровений, и каждое из них было важно так же, как этот первый поцелуй.

Так гуляли они до самого заката.

Вечером, наполненная приятным волнением, Мелания вернулась в бордель. Она вошла в комнату и, скинув с ног туфли, упала на кровать. Все ее мысли были только о нем, о Григории, о сегодняшнем чудесном дне, полном любви и магии.

Она закрыла глаза, и воспоминания окутали ее, словно мягкий теплый плед. Яркие улыбки, взгляды, полные нежности, мелькали перед глазами. Его глубокий, обволакивающий голос звучал в ее голове. Мелания вспомнила тот момент, когда Григорий, протянув ей руку, увел в парк, заполненный первыми цветами и ароматами весны. Впервые за долгое время она почувствовала себя счастливой, как будто вновь обрела свое истинное «я».

Сердце замирало от волнения при одном лишь воспоминании о его прикосновениях. Касаясь ее, Григорий показывал, как заботится о ней, делая тем самым мир вокруг ярче и красивее. Мелания протянула руки к потолку, словно пытаясь поймать те волшебные мгновения, однако они ускользали, оставляя лишь легкий аромат весны.

Мелания встала с кровати и подошла к зеркалу. В отражении она увидела не только раскрасневшееся от счастья лицо, но и решимость в глазах. Этот день, полный ожиданий, был лишь началом новой жизни. Она знала, что после него ничего уже не будет прежним. Григорий стал не просто частью ее жизни, он наполнил ее душу светом и теплом.

— Отыскалась?! — прервала прекрасный девичий сон наяву вошедшая в комнату Лиза. Мелания посмотрела на нее и расплылась в улыбке. Она воскликнула:

— Лизка! Я такая счастливая!

Мелания подбежала к подруге и стала кружить ее в танце. Та отстранилась, спросив:

— Что случилось-то, дурочка?

Окрыленная счастьем, Мелания плюхнулась на кровать:

— Ах! — трепет наполнял каждое ее слово. — Я влюблена! Весь мир вокруг стал другим!

Лиза иронично спросила:

— Дело в этом что ли, кто ночевал у тебя ночью?

Мелания радостно воскликнула:

— Да, в нем! Григорий, Гриша!

Лиза с недовольным выражением лица выпалила:

— Понятно! Дура ты! Им всем одно нужно!

Она не хотела разделять с подругой ее радости, а принялась что-то усердно искать в ящиках стола.

С легкой досадой в голосе Мелания сказала:

— Он другой. Не такой, как все эти!

На следующий день все снова повторилось: Григорий заплатил Климу, забрал Меланию и вместе с ней отправился гулять вдоль Невы, кататься по кругу на трамвае по весенним улицам города. Но недовольный Клим все же приставил к Мелании свою охрану — молодого парня в картузе, который следовал за ней повсюду, но близко не подходил.

Григорий проводил с Меланией почти каждый день. Иногда оставался ночевать в борделе, охраняя драгоценный сон Мелании и любуясь, как она сладко посапывает во сне в его объятьях.

Очередным весенним вечером Мелания, приятно утомленная долгой прогулкой с любимым, вернулась в бордель. Она неспешно поднялась по лестнице по направлению к своей комнате. В коридоре она столкнулась лицом к лицу с Софьей. Та оживилась при виде Мелании.

— Что покраснелась-то вся? Где шлялась? — спросила Софья.

Мелания, не зная, что лучше ответить в данной ситуации, буркнула:

— Работала.

Софья преградила ей путь, сказав:

— Да знаю я, как ты работаешь! Целыми днями гуляешь с каким-то малолетним дурачком.

Мелания посмотрела на Софью и подумала:

«Конечно же, Клим ей все докладывает».

— Может, у меня любовь случилась... — робко пробормотала Мелания.

— Любовь??? — взбесилась Софья и истерично засмеялась. — Какая такая любовь? Ты что это удумала, милочка?! Ни о какой любви не может быть и речи! Ты здесь, чтобы работать и приносить мне доход!

Мелания замотала головой и, снова не зная, что сказать, вывалила Софье прямо в лицо:

— Я девушка и хочу любить!

Выражение лица Софьи стало каменным. Она схватила Меланию за руку:

— Ты шлюха, а не девушка! Помни об этом! Хочет этот мальчишка гулять с тобой — пусть гуляет! Но пусть платит! И не вздумай любиться с ним задаром!

Софья отпустила руку Мелании и направилась к лестнице. Из комнаты вышла Лиза и, увидев подругу, поспешила к ней.

— Что случилось? — поинтересовалась она.

— Все, как всегда! Ведьма проклятая! — негодовала Мелания.

— Пойдем, выпьем чаю, — предложила Лиза.

Девушки вместе спустились в столовую.

* * *

Дни и ночи, наполненные до краев любовью, пролетали для Мелании со скоростью света. Незаметно весну сменило лето. Усталые улицы, окутанные ароматом цветущих лип, наполнились легким смехом детей и оживленными разговорами прохожих. На Невском проспекте,

укрытые в тени широких деревьев, горожане собирались на площади, наслаждаясь уличными представлениями и артистами, которые, словно перешедшие из эпохи передвижников, приносили в серое обиходное время искры своего яркого творчества.

Мелания сидела у окна своей комнаты в ожидании Григория. Сегодня он обещал прийти с ночевкой. Солнце уже катилось к горизонту, до утра прощаясь с улицами и домами. Прохладный ветерок залетал в комнату сквозь приоткрытое окно, принося с собой свежесть Невы.

Дверь тихо скрипнула. В комнату вошел Григорий. Мелания подбежала к нему и прижалась к его горячей груди. Тот крепко обнял ее и прижал к себе. Под легкой летней рубашкой Мелания услышала стук сердца любимого. Григорий тихонько погладил ее волосы, ощущая, как в груди разгорается тепло. Для Мелании сейчас не было ничего важнее его объятий. Она углубила взгляд в бездонные глаза любимого, и в этот момент все вокруг будто исчезло, остались только они одни.

— Ты не представляешь, как я ждал этого момента, когда вновь увижу тебя, — тихо произнес Григорий. Его голос был полон нежности и заботы.

Мелания улыбнулась, ее сердце забилося чаще. Она знала, что их чувства стали лишь крепче за эти долгие минуты ожидания, что разлука только усилила их связь.

— Я тоже скучала, — прошептала она, прижавшись к нему еще ближе, словно боясь, что он исчезнет, если она ослабит хватку.

Словно в ответ на ее эмоции, Григорий потянулся к ее лицу и обнял его теплой ладонью. В этот момент все сомнения и страхи растворились, оставшись далеко за пределами комнаты. Они стояли так, наслаждаясь мгновением, и мир за окном терял всякий смысл. Летний вечер обещал быть тихим и волшебным, наполненным только чувствами и мечтами влюбленных.

Вдруг едва уловимая тень скользнула по лицу Григория, он слегка отстранился от Мелании и прошептал:

— Сегодня я не смогу остаться с тобой до рассвета. Подработать хочу в порту грузчиком. Мелания села на край кровати и положила руки на колени.

— Хорошо, я все понимаю, — произнесла она.

Григорий присел рядом и взял ее за руку. Он осторожно огляделся по сторонам и, заглянув в глаза Мелании, негромко сказал:

— Любимая, мы должны бежать отсюда, из Ленинграда.

Мелания вопросительно изогнула бровь.

— Куда бежать?! — отмахнулась она. — Нас поймают!

— Послушай меня, — продолжал Григорий, придвинувшись еще ближе к ней. — Я все придумал. У меня одноклассник работает в порту. Он поможет нам незамеченными сесть на грузовой корабль. В первом же порту сойдем на берег и начнем новую жизнь. Главное, что вдвоем и подальше от Софьи и ее людей.

Мелания слушала молча.

— У меня есть немного денег. Как-нибудь проживем. Там нас никто не сможет найти. Только действовать нужно решительно и быстро, чтобы никто не успел тебя спохватиться. Бежать нужно завтра, на рассвете.

Мелания увидела свет надежды в глазах любимого.

«А вдруг все получится, и я стану свободна?!» — промелькнула в ее голове мысль.

Григорий смотрел в ее глаза и ждал, что она ответит на его предложение. Мелания встала с кровати и подошла к зеркалу. Взглянув на свое отражение, она сказала:

— План вполне хорош. Но меня не выпустят отсюда на рассвете. У дверей дежурят люди Клим.

Григорий подошел к Мелании и обнял ее за плечи.

— Я и это предусмотрел, — шепнул он ей на ухо и улыбнулся.

Григорий указал жестом на сумку, лежащую на полу у двери.

— В сумке мои вещи, — пояснил он. — Наденешь их, а волосы спрячешь под картуз. Тебя примут за парня. А парня никто останавливать у двери не будет.

Мелания воскликнула:

— Превосходно! Как только ты это все придумал?!

Она прижалась к Григорию и не хотела его отпускать от себя.

— Мне уже пора уходить, — сказал он и поцеловал Меланию в щечку.

Он направился к двери. У выхода обернулся и пояснил Мелании еще раз:

— Завтра на рассвете, в четыре часа, буду ждать тебя у спуска со львами. До того момента больше, думаю, не свидимся. Зато потом будем вместе навсегда. Ты только очень хорошо замаскируйся, чтобы не было осечки.

— Хорошо, до встречи, — попрощалась Мелания.

Она села у зеркала. Ее мысли унеслись куда-то далеко, туда, где они с Григорием уже навсегда вместе, имеют свой дом, детей, где больше нет ни Софьи, ни Клим, ни этих нескончаемых унижений...

За окнами комнаты лениво забрезжил рассвет. Мелания не спала. Она всю ночь не могла сомкнуть глаз в предвкушении свободы. Наступил последний день ее мучений в этих постылых стенах.

«Наконец-то все это закончится, и я буду свободна», — эта мысль бесконечно крутилась в голове Мелании.

Свернувшись под одеялом, она ненадолго задремала, скованная утренней негой. Когда она проснулась, рассвет был уже далеко позади. Было восемь часов утра. На соседней кровати заворочалась Лиза.

— Доброе утро, — тихо произнесла Мелания.

Лиза выглянула из-под одеяла и, не сказав ни слова, перевернулась на другой бок.

Мелания чувствовала, что подруга в последнее время как-то охладела к ней. Они стали реже откровенничать. Лиза стала меньше времени проводить в комнате с подругой, постоянно убегала куда-то, придумывая различные причины.

Мелания встала и подошла к Лизе, присела на край ее кровати. Она положила руку подруге на плечо, сказав:

— Лизка, ты сердишься на меня за что-то? Я это чувствую.

Лиза повернула голову и посмотрела на подругу.

— Все хорошо, — буркнула она.

Мелания потрясла подругу за плечо, радостно воскликнув:

— Давай, вставай! Солнце уже высоко!

Мелания стала кружиться по комнате, будто в ритме вальса, и делиться с подругой своим счастьем:

— Я такая счастливая! Не поверишь, но сегодня мой последний день здесь! И я освобожусь от Софьи!

Лиза пристальным взглядом посмотрела на Меланию, ее глаза вопросительно расширились. Она спросила:

— Ты о чем говоришь, дуреха?!

Мелания прервала свой счастливый вальс и плюхнулась на кровать рядом с Лизой.

— Мы с Гришей сегодня на рассвете уплывем из города, — с радостью в голосе рассказывала Мелания. — Он будет ждать меня у спуска со львами, оттуда мы отправимся в порт и уплывем навсегда. Его приятель нам поможет бежать.

— Дура ты! — воскликнула Лиза. — Софья тебя всюду отыскать сможет!

— А пусть попробует! — улыбнулась Мелания. — Когда она спохватится, мы будем уже очень далеко! На другом конце света!

Лиза вздохнула. У нее не было слов. Она опустилась обратно на подушку и с головой укрылась одеялом.

Мелания толкнула ее, спросив:

— Ты даже не порадуешься за меня?

Лиза молчала. Не дождавшись ее ответа, Мелания накинула на плечи темно-синий пеньюар и поспешно вышла из комнаты.

Последний день в ожидании свободы тянулся для Мелании мучительно долго. Но все же ночь пришла в город. Мелания смотрела в окно, за которым небо постепенно темнело, а первые звезды, как искорки счастья, только начинали мерцать. Она чувствовала, как в ее душе накапливается смесь тревоги и ожидания. Каждый звук за окном пробуждал в ней острое чувство, будто время решило жадно схватить ее за горло, не позволяя вырваться. Мелания знала, что за заветной дверью ее ждало что-то небывалое: мир, свободный от оков, обещания новой жизни.

Закутавшись в одеяло, Мелания лежала неподвижно, время от времени поглядывая на висевшие на стене часы. Циферблат часов слабо освещал тусклый лунный свет, пробивающийся сквозь неплотно зашторенное окно. Снизу доносились звуки граммофона, женский смех и мужская пьяная брань. За дверью изредка слышались чьи-то шаги. Лиза тихонько посапывала на соседней кровати.

Мелания не спала уже вторую ночь подряд и очень боялась того, что проспит назначенный час. Сон постепенно стал окутывать ее своим теплым покрывалом, но она не сдавалась и продолжала лежать с открытыми глазами...

Наконец, на часах пробил заветный час — три часа ночи. Мелания вскочила с постели и стала второпях собираться. Она посмотрела на Лизу: та крепко спала. За окнами уже начинал зарождаться рассвет. Мелания надела широкие мужские штаны, светлую рубаху и поверх нее серый жилет. Вещи были ей слегка великоваты. Но это было даже на руку: широкая одежда скрывала под собой женские формы. На дне сумки, что принес Григорий, Мелания нашла светло-коричневый картуз и, собрав длинные волосы в пучок, натянула его на голову. Она надвинула картуз на глаза, чтобы ее сложнее было узнать. Мелания посмотрела на себя в зеркало и подумала:

«Если внимательно не приглядываться, то прямо парень и есть».

Она осторожно приоткрыла дверь и выглянула в коридор: там не было ни души. Мелания быстро проследовала к лестнице. Внизу было шумно, значит, еще не все клиенты разошлись. Она спустилась по ступенькам и выглянула из-за угла: в смежной комнате было несколько человек. Путь к выходу был свободен, и Мелания, переведя дух и набравшись храбрости, направилась к двери. Но не успела она сделать и трех шагов, как из соседней комнаты вышел бандит Клима. Он двигался ей навстречу. По неровной походке Мелания поняла, что мужчина был пьян. Она на миг застыла на месте, надвинула картуз поглубже и продолжила свой путь к выходу, притворившись, что тоже пьяна. Мужчина поравнялся с ней и бросил на нее косой взгляд. Сердце Мелании бешено забилось, ладони взмокли. Она опустила голову и быстро прошмыгнула к выходу. Мужчина зашагал дальше.

Прохладный утренний ветер ударил Мелании в лицо потоком свободы. Она взглянула на небо и подумала:

«Все получилось».

Она быстро зашагала вдоль дороги. Небо было пасмурным. Казалось, вот-вот начнется дождь. Мелания шла, стараясь не думать о погоде, но холодный ветер, проникающий сквозь одежду, заставлял ее плечи сжиматься. Каждый шаг отзывался глухим эхом, словно сама дорога знала о ее тревогах.

Вдруг Мелания остановилась и оглянулась на размытую даль, где небо встречалось с горизонтом. Призрачные тени облаков создавали непонятные формы, и ей показалось, что

они нашептывали какие-то тайны. Нужно было идти дальше. Мелания сделала глубокий вдох и снова зашагала вперед, уверенно и с решимостью. Непогода не могла остановить ее, и она знала, что за этими серыми облаками рано или поздно появится солнце. С каждым шагом Мелания все больше чувствовала себя свободной. Она будто сбрасывала с плеч груз, который долго ее тяготил.

Ветер сорвал картуз с ее головы, и локоны медью рассыпались по плечам. Она хотела догнать улетевший картуз. Но к чему он ей теперь?

Вскоре впереди показались грациозные силуэты львов — всего несколько шагов отделяли Меланию от встречи с любимым. Подойдя ближе, она никого не увидела в назначенном месте. Мелания огляделась по сторонам: вокруг не было ни души. Мурашки пробежались вдоль позвоночника, сердце стало биться быстрее. Она чувствовала, что что-то было не так.

Мелания сбегала по ступенькам к реке и увидела Григория. Он сидел на корточках, прижавшись спиной к камню.

— Гриша! — крикнула она и подбежала к нему.

Тот не шевелился. Мелания схватила Григория за плечо. Он поднял голову и помутневшими глазами посмотрел на возлюбленную. Тонкая бордовая струйка крови вытекала из уголка его губ. Он попытался что-то сказать, но тут же потерял равновесие и свалился набок.

— Гриша! — закричала Мелания и опустилась на землю рядом с ним. — Что с тобой?

Распахнутый на груди Григория пиджак и рубаха были испачканы кровью. Из груди торчала деревянная рукоять ножа.

— Кто это с тобой сделал, родненький?! — шептала Мелания и водила своими ладонями по лицу Григория.

Она слегка коснулась рукояти ножа, но тут же отдернула руку назад. Мелания попыталась надавить на края раны вокруг острия, но ничего не выходило. Она приподняла голову парня и подложила по нее свои колени. Григорий приоткрыл глаза и посмотрел на Меланию. Его губы шевельнулись, и тихий хрип вырвался наружу:

— Это были люди Клима... Прости меня, родная...

Григорий больше не двигался. Его губы не шевелились, а глаза застыли. Сердце перестало биться. Мелания, осознав, что ее любимый мертв, издала пронзительный крик:

— Не-е-е-т! Не-е-е-т!!!

Она стала целовать Григория в лоб, щеки, но ничего уже нельзя было изменить. Он лежал неподвижно. Мелания прижалась лицом к его плечу. Закричать не хватало голоса. Она тихо шепнула:

— Гришенька, родненький мой, не оставляй меня здесь одну.

Нестерпимая боль железными тисками сжала сердце Мелании и солеными потоками растеклась по лицу. Она закрыла глаза, пытаясь удержать в памяти каждый момент их совместной жизни — смех, бесконечные вечерние разговоры, нежные объятия на берегу Невы. Каждое воспоминание превращалось в острое лезвие, что резало душу, заставляя задыхаться от горя. Вокруг них царил тишина, даже ветер стих в эти мгновения. И только речные волны тихо плескались, облизывая шершавый гранит.

Мелания осторожно приподняла голову Григория, посмотрела на его лицо, которое когда-то светилось радостью, а теперь стало неподвижным и безжизненным. Она нежно провела пальцами по его щеке, словно надеясь, что это прикосновение сможет вызвать в нем хоть какой-то отклик, хоть искорку жизни. Но Григорий не отвечал. В его глазах уже не было света, который Мелания всегда воспринимала как защиту от всего худшего.

Свинцовые тучи накрыли Ленинград. Холодный дождь хлестал в лицо Мелании, смывая боль. словно само небо плакало сейчас вместе с ней. Промокшая до нитки, она бесцельно брела по улицам города. Больше в этом мире у нее ничего не осталось. Смысл жизни будто растворился под этим дождем.

Сколько часов она так бродила, Мелания и сама уже не помнила. Вдруг сквозь пелену дождя она увидела ненавистное ей здание, откуда она только сегодня убежала, а сейчас ноги сами привели ее обратно. Вероятно, потому что идти-то больше было некуда. Мелания подошла к двери и шагнула внутрь. Сразу у порога чья-то крепкая рука схватила ее за запястье и куда-то потащила. Она только услышала мужской голос:

— Явилась, шавка!

Мелании было все равно, что с ней сделают за попытку побега. Не успела она и опомниться, как перед глазами возникла фигура Софьи. Она стояла с надменной улыбкой, подбоченившись. Софья иронично сказала:

— Ну что, дрянь, набегалась?! Похожа на бездомную собаку.

Мелания равнодушно посмотрела на матушку. Сил спорить и даже просто слушать ее не было. Софья продолжила:

— Я все знала о вашем побеге. Твой Гришенька получил то, что заслужил. Ты моя курочка, что несет золотые яйца. Как же я могу тебя потерять?! Я бы тебя сейчас так поколотила, да вечером у тебя концерт. Ты должна выглядеть безупречно!

Голос Софьи в голове Мелании становился все тише и тише. Земля уплыла из-под ног Мелании, и она рухнула на пол без чувств...

Когда Мелания пришла в себя, она уже лежала в своей комнате на кровати. Мелания окинула взглядом потолок, пытаясь понять, что с ней произошло. Недавняя боль нахлынула новой волной воспоминаний, слезы потекли из глаз. За окнами все также лил дождь. Время словно остановилось. Мелания приподняла голову и осмотрела себя: вся одежда была мокрой, руки и рубаха были перепачканы кровью. Она встала с кровати и начала снимать с себя одежду Григория, бросая ее на пол. Вся эта жуткая сцена на берегу Невы снова и снова всплывала в ее памяти.

«Кто мог выдать нас Софье, если никто не знал о побеге?» — вдруг эта мысль словно током ударила Меланию, пронзив все тело.

Она присела на стул и стала размышлять, оживляя в своей памяти события последних дней.

Дверь в комнату отворилась. Вошла Лиза. Она бросила колкий взгляд в сторону Мелании и стала молча переодеваться.

Все кусочки пазла в голове Мелании сложились. Она посмотрела на Лизу и тихо спросила:

— Как ты могла так поступить со мной?

— Ты про что говоришь? — поинтересовалась Лиза и застегнула замок на черной юбке. Мелания встала со стула и подошла к подруге. Она выдернула блузку из ее рук и швырнула на пол, крикнув:

— Ты одна знала, что мы с Гришей хотим уплыть из города! Ты же моя подруга!

Лиза наконец скинула с лица маску доброты. В ее некогда приветливых глазах сейчас была лишь испепеляющая ненависть. Она оттолкнула Меланию и закричала:

— Какая, к черту, подруга?! Я столько раз тебе рассказывала, как полюбила одного из наших клиентов, как я мечтала о нем, как была счастлива, когда он приходил ко мне! А тут явилась ты, и он стал только к тебе захаживать. Тоже мне, артистка! Тварь ты, а не артистка!

Мелания поняла, что тем парнем, в которого была влюблена Лиза, был Григорий, ее Григорий. Мелания замотала головой, не веря в происходящее. Она тихо сказала:

— Я этого не знала. Но то, что сделала ты, — мерзко! Они убили Гришу, понимаешь, убили! Его больше нет.

Лиза на секунду переменялась в лице. Очевидно, для нее это стало неожиданностью. Потом она подняла с пола блузку и, накинув ее, буркнула, выходя:

— Убили, туда ему и дорога!

От этих слов Мелания словно обезумела. Ярость закипела в ее венах. Она догнала Лизу в коридоре и вцепилась ей в волосы, вопя:

— Дрянь! Убийца!!!

Девушки сцепились в драке. Они упали на пол и стали хлестать друг друга по лицу. Мелании было больно не только физически, но и морально. Она смотрела в безумные глаза Лизы и не могла понять, как могло все так обернуться. В сердце стремительно росла обида.

На их крики прибежал Клим. Он, увидев драку, схватил Меланию за плечи и резко развернул к себе. В его глазах пылала злость.

— Ты что, с ума сошла? — выкрикнул он, но Мелания вырвалась из его хватки и снова ринулась к Лизе, которая, в свою очередь, тоже не собиралась уступать.

Все же девушек растащили по разным сторонам.

— Ты мне больше не подруга! — неистово кричала Мелания. — Лучше не попадайся мне на глаза! Ненавижу!

[1]Фет А.А. Стихотворения. Проза. Письма. — М.: Советская Россия, 1988. — 459 с.

ГЛАВА 5. ЛЮЦИФЕР

Июнь 1924 года. Ленинград.

После того холодного дождливого утра на берегу Невы, когда все мечты Мелании разбились вдребезги, прошло несколько дней. Но те события не покидали ее ни во сне, ни наяву: перед глазами постоянно возникали застывшее лицо Григория и нож, торчащий из его груди. Ложась ночью спать, Мелания каждый раз мысленно ругала и проклинала мать, бросившую ее в детстве. Она считала, что именно она — причина всех ее бед и несчастий.

Дни без Григория тянулись мучительно медленно, в них не было ни малейшего просвета. Густая печаль накрыла Меланию, словно кольчугой, становившейся с каждым днем все тяжелее и неподъемней. С Лизой она старалась не видеться. Бывших подруг расселили по разным комнатам. Теперь она жила с другой девушкой — Ольгой.

Наступил вечер очередной пятницы. А это значило, что в борделе вновь соберутся пьяные горожане, чтобы посмотреть на выступление Мелании. Но она точно решила для себя, что сегодня этого выступления не будет. Мелания готовила очередной побег, на этот раз — последний, поскольку она твердо решила, что ни при каких обстоятельствах больше сюда не вернется. Она была готова прятаться по подвалам и подворотням всю оставшуюся жизнь.

Вечером в борделе собралась толпа, жаждущая увидеть музыкальное представление. Гул и брань доносились до комнаты Мелании, но она не торопилась. Мелания не спеша надела длинное белое платье, светлые туфли на широком каблуке, распустила волосы, вколдов в них несколько заколок в форме цветков лилии. Закончив свой туалет, она размеренным шагом спустилась по лестнице на первый этаж. В прокуренном зале было полно гостей. Софья уже сидела за пианино и нервно сжимала губами свой любимый мундштук. Мелания окинула взглядом всех присутствующих в зале и незаметно юркнула в толпу, затерявшись в ней. Ей нужно было пробраться на кухню к черному ходу. В это время он обычно открыт, поскольку привозят молоко для столовой. И чтобы не забыть о молочнике, тетя Нина оставляет дверь открытой.

Мелания, протиснувшись сквозь толпу, быстро зашагала в сторону кухни. Времени у нее было немного, всего несколько минут, пока не поймут, что в комнате наверху ее нет. Мелания подбежала к двери кухни и толкнула ее — дверь отворилась. Вдруг сзади раздался голос тети Нины:

— Девочка, ты куда собралась?

Мелания вздрогнула и обернулась. У плиты с кастрюлей в руках стояла повариха. Она смотрела на Меланию с едва заметной улыбкой. Мелания взмолилась:

— Тетя Нина, я хочу уйти. Навсегда. Позвольте мне это сделать! Не зовите никого!

Повариха молча смотрела на Меланию. В ее теплых глазах промелькнуло сочувствие. Она махнула рукой в сторону беглянки и поставила кастрюлю на стол, пробормотав:

— Все равно поймают.

Мелания прошмыгнула в дверной проем и бросилась бежать. Бежала она так быстро, как только позволяли туфли. Бежала вперед, не оглядываясь и больше не чувствуя страха. Незаметно для себя, она оказалась у того самого места на берегу Невы, где навсегда простилась с Григорием. Грусть новой волной захлестнула ее. Мелания долго стояла, глядя на то место, где лежал ее возлюбленный. Чей-то громкий крик заставил Меланию вернуться к реальности:

— Клим, девка там!

Мелания испуганно огляделась по сторонам. В проулке она увидела Клина и еще двух его подручных. Они стремительно направлялись к ней. Мелания скинула с ног туфли и бросилась бежать. Глазами она выискивала место, где могла бы спрятаться. Ее взгляд приковал высокий

шпиль колокольни Петропавловского собора. В надежде найти спасение в святом месте, Мелания направилась к нему. Спустя несколько минут она уже стояла у высокой колокольни. С земли казалось, что высота колокольни достигала небес, будто бы она была преодолением земных невзгод, а золотая луковка, блистая на солнце, напоминала о былом великолепии империи. Иногда Мелания слышала звон этих колоколов, осыпавший город мелодией.

Дверь в колокольню была незаперта, словно кто-то оставил ее специально открытой. Мелания забежала внутрь и стала стремительно подниматься по лестнице на самый верхний ярус. Она бежала мимо колоколов, величественно висевших на массивных цепях, прочно закрепленных на деревянных балках. Вокруг царил особая, почти неземная атмосфера. Каждое эхо шагов раскатывалось по мощным стенам, создавая ощущение, что сама архитектура дышит, зажимая в себе вековую историю. Каменные столбы, устремленные к небесам, словно хранили тайны прошедших эпох, заставляя каждого, кто входил сюда, почувствовать величие момента. В воздухе ощущался легкий запах воска и древних книг, обрамлявший собой этот священный простор.

На своем пути Мелания не встретила ни одной живой души. Она подошла к окну на верхнем ярусе, загороженному защитной сеткой, и посмотрела сквозь него вниз.

«Какая высота», — подумала она.

Внизу слышались мужские голоса. Они становились все ближе и ближе. Клим нашел ее. Взгляд Мелании метался по сторонам. Она не знала, как спрятаться от преследователей. С горечью Мелания осознала, что загнала сама себя в ловушку, из которой не было выхода.

— Попалась, пташка, — ухмыляясь, произнес Клим. От Мелании его отделяло теперь всего несколько шагов.

Он остановился, перевел дыхание и добавил:

— Давай, идем обратно. Гости ждут.

— Не подходи! — крикнула Мелания и резко повернулась к окну. Она облокотилась о перила и взглянула на город. С высоты колокольни открывался завораживающий вид. Лучи вечернего солнца, пробиваясь сквозь легкие облака, нежно касались блестящих куполов и ярких фасадов зданий, создавая завораживающую игру света и тени. На фоне величественной Невы раскинулись гранитные набережные, вдоль которых спешили горожане. Взгляд Мелании охватил обширные площади и узкие улочки, где каждый камень хранил истории веков. Вдалеке высился Зимний дворец, олицетворяя роскошь и мощь империи.

— Не глупи, — ошетинился Клим. — Ты что задумала?

— Если приблизишься ко мне, я спрыгну вниз! — воскликнула Мелания.

Слезы заблестели на ее ресницах. Волна отчаяния и боли вновь подступила к горлу.

— Мама, где ты?! — еле слышно шепнула Мелания.

Но, вновь осознав, что мать давным-давно покинула ее, она словно впала в безумие. Мелания громко заревела, обхватив голову руками.

— Я не дамся вам! — вопила она. — У меня теперь один выход отсюда — только вниз!

Мелания выбила ногами защитную решетку, та шумно покатила вниз. Она перелезла через перила и стала на край окна.

Клим замер на месте. Он был явно напуган и не знал, чего ожидать от Мелании. Клим попытался успокоить ее:

— Я не трону тебя. Отойди от окна!

Мелания смотрела то вниз, то на Клима. Высоты она сейчас боялась гораздо меньше, чем его. На мгновение Мелания застыла, страх сковал ее тело. Сердце бешено колотилось.

Заметив, что Клим сделал несколько шагов в ее сторону, Мелания испуганно дернулась. Ее рука соскользнула с перила. Она потеряла равновесие и сорвалась вниз. Прохладный поток воздуха ударил ей в лицо, земля уже была перед глазами, как вдруг Мелания ощутила сильный рывок вверх и почувствовала, что чьи-то крепкие руки держат ее, обнимая сзади. Она словно

парила в воздухе. Кто-то или что-то поднимало ее. Странные звуки, похожие на взмахи больших крыльев, слышала Мелания перед тем, как потерять сознание. Эти звуки становились все тише и тише. Наконец, все вокруг перестало существовать.

Когда Мелания открыла глаза, перед собой она увидела небо и плывущие по нему легкие, пушистые облака.

«Я жива? — промелькнула первая мысль в ее голове. — Скорее да, чем нет».

Мелания привстала и села. Она смотрела перед собой и не понимала, где находится. Мелания сидела на железном скате крыши многоэтажного дома. Был все также вечер. Впереди виднелись дома, атласная гладь Невы, прохожие, спешащие куда-то. Внизу кипела вечерняя жизнь.

— Что я тут делаю? — тихо спросила Мелания саму себя. — Где я?

Низкий мужской голос донесся откуда-то сзади:

— Ты все еще в этом грешном мире.

Мелания резко обернулась на голос и увидела в нескольких метрах от себя высокого мужчину в белом фраке, стоявшего спиной к ней. Он неспешно повернулся, позволив Мелании рассмотреть себя: его фигура, утонченная, но мускулистая, отражала идеалы физической красоты и силы. Кожа отливала мягким золотистым оттенком, а глаза, темные и пронизывающие, напоминали бездонные пропасти, полные мудрости и тайн. Высокие скулы, словно выточенные скульптором, придавали чертам его лица выразительность. Брови, слегка изогнутые, выражали уверенность. Нос прямой и немного широковатый, гармонично вписывался в общий облик. Полные и чувственные губы завершали портрет.

Высокая фигура незнакомца, увенчанная белым цилиндром, буквально притягивала взгляд Мелании. Белый фрак из дорогого шелка, обнимающий его стройные плечи, подчеркивал элегантность. Гладкие, как будто выточенные из мрамора, черты лица отражали уверенность и харизму. Густые, темные волосы были тщательно уложены под цилиндром, а аккуратно подстриженные бакенбарды создавали четкий контраст с его золотистой кожей. Под фраком была надета белая рубашка с высоким стоячим воротником и изящная бабочка. Завершали образ мужчины белые лакированные туфли.

Он грациозно двигался в сторону Мелании.

— Ты спас меня? — робко спросила она.

Мужчина молча подошел к ней и присел рядом, устремив взгляд куда-то вдаль.

Мелания вновь спросила:

— Кто ты такой?

Незнакомец повернулся и посмотрел ей прямо в глаза. Приподняв цилиндр в знак приветствия, он произнес:

— Честь имею представиться, имя мне — Люцифер.

Услышав это, Мелания громко расхохоталась. Незнакомец продолжил смотреть вдаль и, когда смех Мелании стих, негромко произнес:

— Какой замечательный вид! Люблю этот город!

— Так кто ты такой? — не унималась Мелания.

— Ответ на свой вопрос ты уже получила, — чуть громче сказал незнакомец.

— То есть, величайшее зло во всем мире сейчас сидит рядом со мной и любитесь видами?! — иронично воскликнула она. — Да еще и облаченный во все белое! Ну, тебе лет тридцать, не больше! И уж никак не тысячи лет!

Мужчина вновь бросил на Меланию свой пронзительный взгляд, спросив:

— Как же ты тогда объяснишь тот факт, что ты — живая и здоровая — сейчас сидишь здесь, а не безжизненно лежишь под той колокольней?

— Да я не знаю! — крикнула Мелания, поднимаясь на ноги. — Может я вовсе сейчас в предсмертной горячке или сплю и вижу сон!

Мелания начала метаться по крыше, крича:

— Мне нужно уйти отсюда! Где выход?

Вдруг она замерла и, посмотрев на Люцифера, громко спросила:

— Это ведь Софья тебя прислала за мной, так?

Незнакомец поднялся и подошел к Мелании. Он загадочно улыбнулся и ответил:

— У Софьи нет такой власти надо мной.

Мелания не понимала, шутит ли он или просто-напросто издевается над ней. Немного подумав, она сказала:

— Если ты действительно Люцифер, то докажи мне это!

— И как же я должен это доказать? — поинтересовался он.

Мелания стала ходить по крыше взад-вперед, размышляя над тем, какое доказательство потребовать. После недолгих раздумий она наконец придумала:

— Сейчас лето. Очень тепло. Вот пусть прямо сейчас пойдет снег и начнется метель!

Люцифер ухмыльнулся и сказал:

— Будь по-твоему. Смотри!

Он повернулся к Мелании спиной и устремил свой взгляд вдаль. Тучи стали сгущаться над городом. Они становились все темнее и темнее. Несколько мгновений — и с неба повалил белый пушистый снег. Мелания стояла, словно ослепев. Она не верила своим глазам: крупные хлопья снега плавно опускались с неба и устилали скат крыши. Мелания подбежала к краю и посмотрела вниз: прохожие озирались по сторонам в недоумении. Они начинали ежиться от холода, поскольку были легко одеты, ускоряли шаг. Мелания наблюдала за всем этим с открытым от удивления ртом. Ее глаза светились детским азартом. Она шепнула:

— Пусть снег станет черным!

Прямо на ее глазах падающий с неба снег окрашивался в черный цвет. Это был вовсе не пепел, а самый настоящий снег. Мелания ловила ладонями кружевные снежинки, но не обычные, а черного цвета. Ветер усилился. Город накрыла черная метель. Горожане в панике убегали с улиц в поисках укрытия от внезапного странного снегопада. И только Мелания, словно дитя, кружилась по крыше и радовалась летнему черному снегу.

Люцифер щелкнул пальцами — метель над городом стихла, снег быстро растаял, превратившись в воду, вечернее солнце снова появилось на небосклоне.

— Я думаю, теперь все очевидно, — сказал Люцифер, и его лицо озарила бархатная улыбка.

Мелания кивнула. Она подбежала к Люциферу и стала разглядывать его со всех сторон, прощупывать пальцами его крепкую спину. Она бормотала:

— Там, на колокольне, я слышала взмах крыльев, будто сквозь сон. Значит, ты умеешь летать. Где же тогда крылья?

— Очередное доказательство ищешь? — поинтересовался Люцифер.

— Я хочу увидеть твои крылья! — воскликнула Мелания.

Мужчина с легким негодованием взглянул на нее и отошел в сторону. Он сказал:

— Смотри!

Странный звук раздался за спиной Люцифера — и два больших белых крыла распростерлись над крышей. В этих крыльях таилась мощь и грация. Казалось, крылья раскинулись шире, чем горизонты вечности. Каждое перо мерцало в лучах закатного солнца, как отголосок забытой мечты, двигалось с грацией, лишённой земной тяжести, — они будто бы напоминали о всевозможных страданиях и радостях, зарытых в неизбывном потоке времени.

Ноги Мелании подкосились от увиденного, и она свалилась с ног.

Люцифер спрятал крылья и подошел к ней, протянув свою руку. Он тихо сказал:

— Я думаю, доказательств более чем достаточно.

Мелания с легкой опаской посмотрела на него, но все же подала ему руку. С его помощью она поднялась на ноги, но те не слушались ее. Мелания прошла несколько шагов и вновь уселась на край крыши. У нее больше не было ни вопросов, ни каких бы то ни было слов. Во рту пересохло. Она молча смотрела на город. Люцифер бесшумно присел рядом с ней. Он нарушил установившееся молчание:

— Я вижу, ты потрясена.

Мелания нервно сглотнула слюну, затем сказала:

— Может, я сошла с ума... Почему ты спас меня?

Не дождавшись ответа, она продолжила:

— Ты — падший ангел. Для чего тебе я? Ты могущественный, живешь вечно...

Люцифер томным голосом сказал:

— Вечность... Что вы, люди, знаете о ней? Наши понятия времени и пространства отличаются от ваших. Все вовсе не так, как вам кажется. Все вокруг не так, как видите вы. Я был свидетелем того, как рождались боги, как они танцевали в пламени первых солнц, наивные и всемогущие. А затем наблюдал, как они угасают, поддавшись своим амбициям, своим страхам, своим ничтожным человеческим желаниям. Людям кажется, что бессмертие — это дар. Но это клетка. Золотая, украшенная самоцветами, но клетка. Видеть, как поколения сменяют друг друга, как стремления и мечты, казавшиеся незыблемыми, рушатся, словно карточные домики от дуновения ветра истории...

Ком подступил к горлу Мелании. Сейчас она наконец-то осознала, кто ее собеседник в белом фраке. Она еле слышно выдавила из себя:

— Тебе нужна моя душа?

Люцифер усмехнулся:

— Душа?! Для чего?! Ты сказок начиталась! Чужая душа мне ни к чему, тем более человеческая! От нее нет никакого толку. Ваши души — это пыль.

Люцифер бросил беглый взгляд на Меланию и продолжил:

— Крошечные искры в бескрайней тьме, фейерверк слабоволия и эфемерных надежд. Вот что собой представляет человеческая душа, именуемая вами же «бессмертной». Смехотворно. Вы цепляетесь за этот миф, как за спасательный круг в море хаоса, которое сами же и порождаете. Вы считаете себя вершиной творения, венцом эволюции. Но я вижу лишь жалких марионеток, дергающихся в конвульсиях амбиций и страха. Вы строите империи, чтобы потом с наслаждением их разрушать. Творите искусство, чтобы потом его осквернять. Обещаете вечную любовь, чтобы предать на следующее утро.

— Чего тогда ты хочешь? — поинтересовалась Мелания. — Мою жизнь?

— И снова нет! — воскликнул Люцифер. — Для чего мне короткая жизнь смертного существа, если я владею вечностью?! Ваша жизнь — самая циничная шутка мироздания. Вы рождаетесь, словно мошки на закате, трепещите крыльями в свете мимолетных удовольствий, а затем угасаете, словно догоревшая свеча в ночи. Целая жизнь умещается в мгновение ока, если смотреть с моей перспективы.

Мелания задумалась. Немного помолчав, она спросила:

— Тогда для чего ты здесь?

Люцифер поправил цилиндр на голове и сказал:

— Я знаю всю твою нелегкую жизнь, Мелания. Знаю, что тебе пришлось пережить. И я хочу предложить тебе исполнение любых твоих желаний, конечно же, за небольшую плату.

— Исполнение любых желаний? — усмехнулась Мелания. — А Гришу моего сможешь воскресить?

— Воскресить-то могу, — пояснил Люцифер. — Но это будет уже не тот Григорий, которого ты знала. Его душа покинула мир живых и больше ему не принадлежит. А человек без души тебе вряд ли нужен...

Мелания глубоко вздохнула и буркнула:

— Значит, не под силу тебе это!

— Ты не услышала меня! — раздраженно воскликнул Люцифер. — Прежнего Гриши больше нет! И его не вернуть!

Мелания вздрогнула от тона Люцифера. Она должна понимать, что перед ней само зло во плоти, и не перечить ему.

Люцифер спросил:

— Чего ты хочешь сейчас больше всего?

Не сомневаясь ни секунды, Мелания ответила:

— Хочу посмотреть своей матери в глаза и спросить у нее, почему она меня бросила и обрекла на все эти муки и на эту беспросветную жизнь?

Люцифер тихо сказал:

— Твоя мать умерла несколько лет назад. Ее нет больше в этом мире.

Услышав эти слова, Мелания задрожала. Отчаяние накрыло ее. Ведь она так мечтала когда-нибудь встретить мать и сказать ей, как сильно ненавидит ее. Мелания понимала, что этого человека уже нет в живых, но ненависть в сердце не стала меньше, а, наоборот, только усилилась, поскольку уже никогда не сможет выплеснуться наружу. Мелания шепнула:

— Пусть так. Я все равно никогда не смогу ее простить.

Люцифер оживился и воодушевленно сказал:

— А я предлагаю тебе шикарную жизнь! Все, что ты не пожелаешь!

— И как долго будут исполняться мои мечты? — перебила его Мелания.

Тот ответил:

— До тех пор, пока тебе самой это не надоест.

— А что взамен? — робко спросила Мелания.

— Самую малость, — ехидно улыбувшись, ответил Люцифер. — В назначенный день и час, когда ты будешь в ней больше всего нуждаться, я заберу ее у тебя — твою надежду.

— Надежду? — усмехнулась Мелания. — К чему она мне? Никогда ни на что и ни на кого я не надеялась. Тем более, если у меня будет все, чего я ни пожелаю.

Люцифер поднялся в полный рост, указав Мелании жестом, чтобы та тоже поднялась. Мелания послушалась.

— Мы должны скрепить нашу сделку, — сказал Люцифер.

— Кровью? — дрогнула Мелания.

— Нет, — успокоил ее Люцифер и поднял левую руку.

На среднем пальце его изящной, но сильной руки сверкнул золотой перстень. Внутри большого красного камня был заточен огонь. Мелания видела, как языки пламени колыхались внутри. Она не могла оторвать взгляд от перстня. Каждое гранение камня словно шептало о старинных легендах и забытых клятвах.

— Прикоснись ладонью к этому камню! — попросил Люцифер.

Ни секунды не сомневаясь, Мелания подняла правую руку и протянула ее ладонью к перстню. Дотронувшись до него, она почувствовала жар, а затем сильную боль от ожога. Мелания громко вскрикнула и отдернула руку. Боль тут же прошла. Она взглянула на свою ладонь. В ее центре было клеймо в виде латинской буквы «L» с вензелями. В этот момент Мелания поняла, что назад пути нет, и она только что заключила сделку с самим злом. Что-то надломилось внутри нее. Мелания понимала, что такой, как прежде, ей никогда уже не быть. Мир вокруг вдруг стал ярче. Привычные звуки обыденной жизни наполнились новой значимостью. С каждой минутой внутри возникало все большее желание познать неизведанное. В глубине души Мелания знала, что она не хотела бы отказываться от этого пути, несмотря на все его опасности. Вдруг легкий испуг промелькнул в ее глазах. Она воскликнула:

— Софья же будет меня искать! Как быть с ней и с Климом?

Люцифер громко рассмеялся:

— Они уже не помнят о тебе! В твоих руках теперь великая власть и сила, а ты думаешь о какой-то там Софье!

Мелания успокоилась и распрямила плечи:

— И вправду, что это я?!

Ее новый знакомый громко хлопнул в ладоши и спросил:

— Итак, желай! Чего ты хочешь сейчас?

Мелания опустила взгляд и посмотрела на свои босые ноги, перепачканные в грязи. Она улыбнулась и иронично сказала:

— Для начала мне не помешали бы туфли.

Тут же на ногах Мелании появились новенькие туфли. Она удивленно ахнула, рассматривая свои ноги. Туфли были словно из сказки — идеально белые, без единой царапинки, с изящным ремешком, обвивающим щиколотку.

— Неплохо, — пробормотала она, поднимая голову и глядя на своего таинственного благодетеля. — А что еще ты можешь?

Люцифер ухмыльнулся, и в его глазах мелькнул огонек:

— Все, что ни пожелаешь.

— Я хочу иметь свой дом, — воодушевленно сказала Мелания. — Нет, не дом, а большой особняк, похожий на царский дворец!

— Уже исполнено! — улыбнулся Люцифер, и его темные глаза заблестели.

Мелания ощутила легкое головокружение. Железная крыша под ногами задрожала. Сильный рывок — и она вместе с Люцифером исчезла, словно их тут и вовсе не было. Они перенеслись в другое место.

Белая ночь опускалась на город, окутывая его волшебным туманом. Улицы, освещенные мягким светом фонарей, казались мистическими, а отражения в Неве созвучно перекликались с мелодией вечернего ветерка. Световые блики мягко покачивались на речных волнах.

Спустя несколько мгновений Мелания вместе с Люцифером очутилась у входа в огромную усадьбу. Ворота, величественно возвышающиеся на фоне обширного парка, олицетворяли собой изысканность и респектабельность. Изготовленные из качественного кованого железа, они были украшены изящными орнаментами и витиеватыми узорами, которые словно рассказывали свою собственную историю. Каждый элемент этих ворот — от тончайших завитков до мощных столбов с каменными постаментами — говорил о мастерстве ремесленников, трудившихся над их созданием. По обеим сторонам ворот раскинулись цветущие клумбы. Вход, обрамленный зелеными арками, увитыми вьющимися растениями, задавал тон окружающей атмосфере величия. Когда ворота распахнулись, изнутри донесся легкий звук фонтана, который, как будто подчеркивая торжественность момента, стекал в тщательно ухоженный пруд. За воротами Мелания увидела широкую аллею, усыпанную цветами и окаймленную старыми деревьями, что приглашали гостей войти в мир, где время, кажется, остановилось, и каждый шаг наполнен духом роскоши и благородства.

— Это теперь мой дом? — спросила Мелания своего спутника, шагая по брусчатой дорожке.

— Твой, — ответил Люцифер. — Ты это заслужила.

Величественный фасад усадьбы, олицетворение архитектурного совершенства, восхищал своим великолепием. Высокие колонны, покрытые тонким слоем мраморной отделки, поддерживали широкий балкон, с которого открывался захватывающий вид на прилегающие сады. Специально отобранные породы дерева придавали окнам оригинальность: резные рамы, украшенные цветочными мотивами, словно живые произведения искусства, переливались в свете фонарей.

Сложные карнизы и фризы изысканно обрамляли стены, указывая на мастерство зодчих, трудившихся над созданием этого шедевра. На фасаде выделялись большие арочные окна, обрамленные гардинами из легчайших тканей. Лестница, ведущая к парадному входу, была обрамлена зелеными кустарниками, которые напоминали о роскошных пейзажах барочной эпохи. Каждый элемент усадьбы, будь то скульптура, фонтан или ажурная решетка с цветами, словно рассказывал свою историю.

Мелания вбежала вверх по ступенькам и шагнула за широкие деревянные двери парадного входа. Люцифер молча проследовал за ней.

Войдя в главный холл, Мелания попала под чарующий свет восточных фонарей, отражающихся в позолоченных зеркалах, обрамленных деревянной резьбой. Стены, украшенные изысканными обоями с цветочным орнаментом, создавали атмосферу уюта и роскоши. В центре холла была расположена дубовая мебель с мягкими бархатными подушками. Вокруг низких столиков — старинные подносы с хрустальными рюмками и фарфоровыми вазами, наполненными свежими цветами. От мраморного камина, обложенного ониксом, повеяло теплом, а его огонь танцевал на стенах, создавая игру теней. Переведя взор вверх, Мелания увидела великолепную лепнину на потолке, где каждая деталь была тщательно проработана мастерами. По обеим сторонам холла были двери в богатые гостиные, где антикварные предметы искусства гармонично соседствовали с современными интерьерами того времени, создавая уникальный сплав стилей и эпох. Широкие коридоры с высокими потолками скрывали за собой залы, полные антикварной мебели. Огромные зеркала отражали роскошные люстры, с которых лился яркий свет.

Мелания, словно дитя, бегала по просторным коридорам усадьбы. Она не могла поверить, что вся эта роскошь теперь принадлежит ей.

Великолепная лестница, ведущая на второй этаж усадьбы, излучала атмосферу притягательной элегантности. Каждая ступень, выполненная из темного орехового дерева, словно хранила в себе шепот времени, подчеркнутый гляцевой отделкой. Ограждения лестницы, изящно закрученные, были украшены резьбой, напоминающей изумительные природные мотивы — виноградные листья и нежные цветы, которые выглядели так, словно вот-вот оживут. Перила, покрытые бархатной тканью, манили прикосновением. На стенах, обогащенных теплой пастельной гаммой, висели картины в массивных рамах, изображающие спокойные пейзажи и величественные портреты.

Мелания поднялась на второй этаж. Каждый шаг по лестнице говорил о величии и статности, создавая ореол, который окутывал всю усадьбу.

Второй этаж поразил ее еще больше. Там располагались просторные холлы, залитые мягким светом. На полах был выложен массивный паркет. В каждой спальне высились огромные кровати с балдахинами, обтянутыми бархатом, стояли сундуки, хранящие вещи и тайны. Уютные уголки для чтения были созданы при помощи мягких кресел и элегантных торшеров. Бассейн в одной из уютных ниш второго этажа, отделанный мозаикой, создавал внешний вид маленького тропического рая. Керамические вазы с живыми цветами дополняли атмосферу, а большие окна открывали вид на раскидистые деревья сада.

Мелания задышалась от счастья. Уставшая, она плюхнулась на кровать в одной из спален на втором этаже. Люцифер с любопытством наблюдал за ней. Он прошел к окну и присел на стул.

— Это будто в сказке! — воскликнула Мелания, окидывая взглядом высокие потолки комнаты.

— Это все наяву, — заверил ее Люцифер и взял с журнального столика газету.

Он пробежался глазами по тексту и положил газету обратно.

— Чего еще желаешь? — поинтересовался Люцифер.

Зевнув, Мелания ответила:

— Устала я сегодня. Спать хочется.

Люцифер поднялся со стула и направился к выходу. У двери он обернулся и сказал:

— Ежели пожелаешь, чтобы я пришел, то произнеси мое имя. Впрочем, твои желания будут исполняться, даже если меня не будет рядом. Просто проговори желание вслух.

Мелания кивнула, глядя вслед удаляющемуся Люциферу. Дверь за ним захлопнулась. Мелания откинулась на шелковую подушку и стала медленно погружаться в сон.

На следующее утро она, превосходно выспавшись на своей новой кровати с балдахинном, была полна сил и энергии. Мелания подскочила с кровати, едва открыв глаза. Она обежала весь свой огромный дом, дабы удостовериться, что это был не сон, что дом и все его многочисленные комнаты на месте. После прогулки по дому Мелания набрала горячей воды в белоснежную ванну. Такого блаженства от водных процедур она никогда не испытывала. Ароматная пена окутывала ее тело нежным теплом, растворяя все заботы и тревоги. Каждый вдох наполнял легкие ароматом эфирных масел, создавая атмосферу полного уединения и спокойствия. Мелания закрыла глаза, позволяя мыслям утек в небытие, а звуки мира снаружи растворились в водной глади. В эти мгновения она вспоминала о своих мечтах, о тех желаниях, которые когда-то казались недостижимыми. Мелания представила себя на берегу моря, где волны нежно ласкали песок, а солнце звало к новым приключениям.

Закончив нежиться в ароматной пене, Мелания вышла из ванной и подошла к большому шкафу в углу комнаты. Она распахнула дверцы, покрытые резьбой. Внутри были наряды на все случаи жизни: повседневная одежда была перемешана с одеждой из дорогих тканей, шелка, бархата, парчи. Все вещи были рассортированы по цветам и оттенкам. Мелания надела длинное расклешенное книзу платье с поясом нежно-голубого цвета. Волосы она заплела в косу, вплетя туда голубые ленты.

Мелания подошла к огромному трюмо. На его полированных поверхностях отражались искры света. Над столешницей возвышалось большое зеркало в обрамлении. На полках стояли флаконы, изящно выполненные и наполненные таинственными ароматами. Внимание Мелании привлекла большая шкатулка из темного дерева. Ее поверхность была украшена резьбой, столь изысканной, что казалось, будто сама природа вдохнула жизнь в этот деревянный предмет. Цветочные узоры, переплетающиеся с плавными линиями, будто передавали шепот давно исчезнувших эпох, рассказывая истории о страстной любви и утраченных мечтах. Любопытство взяло верх, и Мелания открыла шкатулку. Внутри, на темно-синей бархатной отделке, лежали драгоценности: изысканные кольца с распустившимися цветочными бутонами, ожерелья, переливающиеся как солнечные лучи, золотые и серебряные серьги, сверкающие роскошью. Мелания достала со дна шкатулки золотое ожерелье с сапфирами и точно такие же серьги, примерила их перед зеркалом.

— Превосходно! — воскликнула она, глядя на свое отражение.

Но Мелания заметила еще кое-что в зеркале: в ее внешности что-то изменилось. Не было больше той наивности в глазах. Черты лица стали острее.

Она направилась к лестнице, чтобы спуститься на первый этаж. Шагая по ступенькам, Мелания подумала:

«Как-то пусто и скучно здесь. Так не годится!»

— Люцифер! — воскликнула она, и тут же увидела внизу у лестницы грациозно стоящего Люцифера.

На нем был также надет фрак, но уже не белый, а цвета слоновой кости. Драгоценные пуговицы, выложенные из белоснежных жемчужин, сверкали под мягким светом. На обширных лацканах фрака расцветали диковинные броши-цветы, лепестки которых представляли собой изумруды и сапфиры.

Люцифер сверкнул белозубой улыбкой и спросил:

— Уже соскучилась по мне?

Мелания подошла к нему и сказала:

— Не дело это! Я одна в таком огромном доме. Нужны слуги, кухарка. Я одна не смогу все в чистоте содержать!

Она вышла на веранду и махнула в сторону сада:

— Цветов полно, а садовника нету! Нехорошо!

— Как же нету? — удивился Люцифер. — Взгляни-ка туда.

Он указал жестом в сторону розовых кустов, из-за которых показалась голова пожилого садовника в шляпе. Мелания ахнула. Тут на веранду вбежала полная женщина средних лет в одежде кухарки. Она, запыхавшись, проговорила:

— Мелания Петровна, не желаете ли чаю испить?

Мелания открыла рот от удивления. Она присела на скамейку, сказав:

— Да, желаю чаю! И вкусный десерт!

Кухарка поспешила удалиться с веранды, но хозяйка остановила ее словами:

— Накрой нам тут, на веранде. И как зовут-то тебя?

— Дуняша, — ответила кухарка и скрылась из виду.

Через несколько минут Мелания и Люцифер сидели на веранде за накрытым белой кружевной скатертью столом. Вокруг благоухали цветы, источая сладковатый аромат, который сливался с прохладным утренним воздухом. За спиной раздавался легкий шелест листвы, словно деревья обсуждали чьи-то секреты.

Горячий чай, разлитый по фарфоровым чашкам, наполнил своим ароматом всю веранду. Яркие пирожные с фруктами и шоколадные тарталетки выглядели как произведения искусства, каждое из которых обещало незабываемое наслаждение.

— Я никогда не пила такого вкусного чая! — изумилась Мелания и сделала глоток из своей чашки.

Люцифер восторженно смотрел на нее. Он спросил:

— Какие еще будут пожелания у тебя? Слуг у тебя теперь полон дом. Может, желаешь отомстить кому-то? Поквитаться за старые обиды?

Мелания с удивлением посмотрела на собеседника и отставила чашку в сторону, возрадив:

— Нет! Не сейчас. Ты прав, я хочу мести, и я проучу всех своих обидчиков, но сначала нужно придумать, каким образом это лучше сделать.

Мелания вдруг громко расхохоталась.

— Почему тебе так весело? — поинтересовался Люцифер.

Та пояснила:

— Я представила, как наняла всех своих врагов сюда в прислуги. Петра определю в конюхи, Лизу-болтушку — в уборщицы, Клим будет открывать двери гостям и кланяться им, а Софья будет варить мне супы.

Мелания снова засмеялась, представляя все это.

— Могу устроить, — тихо сказал Люцифер.

— Нет! — отмахнулась она. — Я на эти физиономии уже вдоволь насмотрелась! Больше не хочу! Не здесь, не в своем собственном доме!

Память словно прохладной волной накрыла Меланию. Она еле слышно спросила:

— А Софья не помнит меня? Ты заставил ее забыть обо мне и не искать?

Люцифер ответил:

— Скажем так: она помнит все, но поделаться ничего не может.

Мелания с облегчением выдохнула.

— Кстати, — сказала она, — мне нужен автомобиль и водитель. Буду по городу ездить.

Люцифер ухмыльнулся:

— Гляди, а там, за фонтаном, разве не твой автомобиль стоит?

Мелания выбежала из-за стола и направилась к фонтану. Там, переливаясь в лучах солнца, стоял новенький автомобиль «Rolls-Royce» бежевого цвета. Автомобиль пленял взор своим грациозным силуэтом и изысканными линиями, каждая из которых свидетельствовала о мастерстве британских кузовных мастеров. Уникальный дизайн автомобиля с его шикарными хромированными деталями создавал ауру величия. Интерьер был оформлен с безупречным вниманием к деталям. Мягкая кожа, полированное дерево и светоотражающие элементы создавали атмосферу безмятежной роскоши.

За рулем автомобиля сидел молодой мужчина в темном костюме и галстуке. Он посмотрел на свою новую хозяйку и, белозубо улыбнувшись, сказал:

— Доброго дня, Мелания Петровна! Изволите проехаться?

Девушка мотала головой. Ей все еще было сложно верить своим глазам. Казалось, что это все происходило вовсе не с ней.

Летний вечер окутал все вокруг мягким светом. Солнце, уже склонившись к горизонту, расплескивало по небу непревзойденные оттенки розового и золотистого. Воздух наполнялся сладким ароматом вечерних цветов, которые распускались, словно шепча свои тайны вечерней прохладе. На фоне размеренного щебетания птиц издали доносился звук воды, стекающей по камням у пруда, где лилии, как нежные хрустальные чаши, отражали лучи заходящего солнца.

Мелания сидела в саду на широких качелях, слегка покачиваясь взад-вперед. Теплый ветерок играл с ее длинными волосами, принося запахи цветущих роз и жасмина. Она закрыла глаза, позволяя тихому шелесту листьев и пению птиц погрузить себя в состояние полнейшего блаженства. Каждый взмах качелей уносил ее мысли далеко от суеты повседневной жизни, наполняя душу спокойствием и гармонией. Из открытых окон дома доносились тихие звуки патефона. Внезапно за спиной послышался треск. Мелания обернулась и увидела Люцифера. Он стоял в лучах заходящего солнца и улыбался. Его темные глаза искрились, словно отражая огни заката, а длинные тени разрастались, затекая танец вокруг него.

— Я испугал тебя? — спросил он.

— Немного, — ответила Мелания, чувствуя, как ее слова тонут в густом летнем воздухе.

Люцифер присел рядом на скамейку, закинув ногу на ногу. Он поинтересовался:

— Мечтаешь о чем-то? Или просто наслаждаешься теплым вечером?

Мелания кивнула.

— Я просто очень давно не чувствовала себя в такой безопасности, — тихо произнесла она. — Только Гриша дарил мне тепло и заботу. С ним я не боялась ничего.

Слезы сверкнули на ее ресницах, но она не дала им воли, быстро смахнув их.

— Его погубили из-за меня, — продолжила Мелания. — Это жестокие люди, им нужна одна лишь выгода и нажива. Они продавали меня. Продавали, словно картошку на базаре.

— Мир вообще не справедлив, — констатировал Люцифер. — Я чего только не видел за свою долгую жизнь.

— Скажи, — обратилась Мелания к своему собеседнику, — ты сам когда-либо любил? Или вам не положено?

Люцифер глубоко задумался, будто не хотел отвечать, но все же дал ответ:

— Любил. Но любовь — наивная фантазия смертных, сладкая ложь, которой вы упиваетесь, словно дешевым вином. Вы воспеваете ее в стихах, молитесь ей в молитвах, готовы убивать и умирать во имя ее. А я, Люцифер, вижу ее истинное лицо — химеру, сотканную из эгоизма, страха и похоти.

Мелания оживилась и с любопытством посмотрела на Люцифера, спросив:

— И кто твоя возлюбленная? Простая девушка?

— Девушка, — обронил Люцифер, — но не простая.

Мелания с легкостью соскользнула с качелей и присела на скамейку поближе к своему собеседнику. Она не унималась:

— Ну, расскажи, прошу, кто она? Очень любопытно!

— Давно это было, очень, — отмахнулся Люцифер.

Мелания никак не успокаивалась:

— Нечестно так! Ты знаешь все обо мне, а мне не рассказываешь и капельки из своей тысячелетней жизни!

Люцифер тяжело вздохнул. Легкая тень печали скользнула по его лицу. Он сказал:

— Ее звали Ева.

Мелания открыла рот от удивления:

— Та самая Ева? Первая женщина?

Люцифер кивнул.

— Вот это да! — воскликнула Мелания и снова спросила. — А почему вы не вместе?

Люцифер встал со скамьи и посмотрел в сторону заходящего солнца. Он явно не желал отвечать на этот вопрос и перевел тему:

— Прекрасный нынче вечер! Как твои слуги? Угодили тебе?

Мелания довольно воскликнула:

— О да! Дуняша такой вкусный ужин сегодня приготовила. Выше всяких похвал!

— Я рад, — улыбнулся Люцифер.

Мелания произнесла:

— Вечер и вправду прекрасный! Вот бы стать птицей и пролететь над ночным городом, любуясь его красотами.

Люцифер взглянул на нее и, приподняв левую бровь, сказал:

— Хочешь полетать, давай полетаем. У меня же есть крылья. Только не испугайся!

Мелания воодушевилась, ее глаза заблестели азартом.

— А вдруг нас увидят? — испугалась она.

— Меня видят только тогда, когда я этого желаю, — объяснил Люцифер. — Сейчас меня можешь видеть только ты.

— Хорошо, — успокоилась Мелания.

Люцифер спросил:

— Ты готова?

Та утвердительно кивнула. Он подошел к ней сзади и обхватил своими крепкими руками за талию. Звук расправившихся за спиной Люцифера крыльев разрезал тишину. Мелания вздрогнула, но не отстранилась. В это мгновение между ними возникла некая невидимая нить, связывающая их тела, как будто они были частью одной целой истории, вплетенной в ткань времени.

— Ты не боишься? — тихо спросил Люцифер, касаясь своей щекой волос Мелании.

Она ничего не ответила, а лишь повернула голову, чтобы взглянуть на него. В ее глазах читалось нечто большее, чем страх, — это была искра смелости, готовности встретиться с чем-то неизведанным. Люцифер взмахнул своими белоснежными крыльями и стал подниматься все выше и выше, держа в руках Меланию. Мощные крылья рассекали воздух и уносили их обоих все дальше от земли.

В бездне ночи, где звезды мерцали, словно забытые мечты, Мелания парила в объятиях Люцифера. Ее волосы развивались, как золотистый шелк, а глаза блестели искрой, которая могла осветить самый темный уголок души. Их полет был грацией и мощью, танцем света и тени, где каждый миг становился вечностью. Люцифер держал ее крепко, но бережно, как будто бы она была самой хрупкой драгоценностью на свете. Он шептал ей о судьбах звезд и о том, как мир заключен в бесконечности. Мелания смеялась. Ее смех, как звонкий серебряный колокольчик, раздавался в небесной пустоте.

Мягкий свет уличных фонарей отражался в водах Невы, создавая волшебную палитру. Город засыпал, окутанный дымкой, но в воздухе все еще витала энергия творения и вдохно-

вения. Мелания ощущала прохладный ветер на лице, когда они проносились мимо куполов Исакия и шпилей Петропавловской крепости. Люцифер, с ухмылкой на губах и блестящими глазами, говорил о том, как люди сами создают своих демонов, а их страхи путаются в паутине заблуждений.

— Смотри, — произнес он, указывая на темные переулки, — как легко потерять себя, если не знать, куда идти. Мелания чувствовала, как слова Люцифера проникали в ее душу, будто сладкий яд. Они летели над тихими крышами, и каждая из них хранила свои секреты, свои мечты, свои разочарования. Город трепетал в полумраке. Мелания поняла, что этот полет был не только физическим, но и духовным путешествием в глубины собственного сознания, где мрак и свет переплетались в бесконечном танце.

ГЛАВА 6. ВОЗМЕЗДИЕ

Июнь 1924 года. Ленинград.

Прошло уже несколько дней после первой встречи Мелании с Люцифером. Она жила в своем поместье, наслаждаясь жизнью. Целыми днями она гуляла по саду, слушала пение птиц в тени у пруда, разъезжала по городу на дорогом автомобиле в сопровождении личного водителя. Дни пролетали быстро. В них больше не было ни печали, ни страданий, только радость и счастье. Однако в глубине души Мелания таила сильную обиду на своих врагов. Эта обида терзала ее, не давала спать по ночам. Перед сном Мелания частенько размышляла о том, как отомстит всем, кто когда-то обидел ее. И вот, когда план мести был продуман до мельчайших деталей, Мелания решила встретиться с Люцифером.

Облаченная в розовый шелковый халат, она стояла на просторном балконе своей спальни на втором этаже. Летний вечер нежно обнимал ее за плечи, словно поклонник, принося с собой ароматы цветов. За пределами горизонта закат распускал свои багряные и золотистые бутоны, окрашивая небо в волшебные оттенки. На столике рядом стояла чашка с горячим чаем, пар от которого поднимался вверх, словно стремясь попасть в этот завораживающий закат. Мелания сделала глоток и улыбнулась, думая о том, как этот вечер был идеален для размышлений.

— Люцифер, — произнесла она, закрыв глаза.

В комнате послышались неторопливые шаги, а через несколько секунд в балконный проем вошел тот, кого Мелания только что позвала. Он был одет в тот же белый фрак, что и в день их первой встречи, однако цилиндра на голове не было.

— Добрый вечер, — поприветствовал он Меланию и учтиво кивнул в ее сторону.

— Добрый, — кивнула она в ответ.

Люцифер поинтересовался:

— С какой целью хотела меня видеть?

Мелания улыбнулась и ответила:

— Соскучилась. Захотелось поговорить.

— У тебя полон дом слуг, пусть развлекают тебя! — воскликнул Люцифер.

Мелания с легкой досадой в голосе сказала:

— Понимаю, у тебя великие дела, а я отвлекаю тебя.

— Я всегда рад тебя видеть, Мелания, — проговорил Люцифер, облокотившись на парапет балкона. Его взгляд устремился в сторону горизонта. Глядя на его профиль, Мелании вдруг показалось, что лицо Люцифера светится в лучах заходящего солнца.

— Я хотела у тебя спросить, — сказала она, — эта твоя внешность настоящая или ты просто выбрал такой облик для людей?

Люцифер ухмыльнулся:

— Конечно же, не настоящая. Точнее, таким я был когда-то. А вот мое демоническое обличье не каждый осмелится увидеть.

— А я бы очень хотела увидеть тебя настоящего, — тихо произнесла Мелания. — Такого, каков ты есть на самом деле.

Глаза Люцифера удивленно расширились. Он спросил:

— Ты уверена, что хочешь этого? И готова к этому?

Она кивнула, попросив:

— Очень хочу! Предстань передо мной в демоническом обличьи!

— Ну что ж, будь по-твоему! — сказал Люцифер и слегка отстранился в сторону.

Яркий огонь ослепил Меланию, заполнив собой все пространство балкона. Человеческий облик Люцифера растворился в этом огне, и она увидела огромного демона. Он величественно

возвышался над ней, сверкая своими глазами, похожими на два черных оникса. Демоническое обличие Люцифера поражало воображение и внушало страх. Его тело, словно выкованное из раскаленного металла, сверкало огненными оттенками — от глубокого красного до ярко-оранжевого, излучая тепло, способное сжечь все вокруг. Кожа была покрыта блестящей чешуей, отражающей свет ослепительными вспышками. Голова демона была увенчана рогами, которые извивались в причудливых формах, напоминающих пламя. Его челюсть, заполненная острыми, как кинжалы, зубами, казалась готовой к испепелению своей жертвы. Руки оканчивались длинными и изогнутыми когтями, каждый из которых способен с легкостью разорвать человеческую плоть. Одевание Люцифера было сделано из смятого дыма и огненных языков, которые непрестанно колебались, создавая искусный танец вокруг его сущности. Когда он двигался, раздавался звук треска и шипения, словно от горящего дерева.

От этого ужасающего зрелища в жилах стыла кровь. Мелания почувствовала, как земля уплывает из-под ног, голова закружилась. Она без сознания рухнула на пол.

Открыв глаза, Мелания увидела, что лежит на кровати в окружении разноцветных атласных подушек. Она приподняла голову и заметила Люцифера в прежнем человеческом обличии. Он вальяжно сидел в кресле напротив. Мелания села, свесив ноги с кровати. Перед глазами все еще было огненное лицо демона, которое она увидела перед тем, как потерять сознание. Мелания тихо произнесла:

— Извини меня. Я, очевидно, не была готова к такому.

— А я тебя предупреждал, что не каждый к этому готов, — язвительно проговорил Люцифер.

Он встал с кресла и подошел к ней, присел рядом. Мелания непроизвольно отпрянула в сторону.

— Да не бойся ты! — воскликнула Люцифер.

— Я не боюсь! — возразила Мелания. — Если бы боялась, не пошла бы на сделку с тобой!

Она коснулась клейма на своей ладони, оставленного перстнем Люцифера, и добавила:

— Прости, конечно, но страшнее зрелища я никогда в жизни не видела. Да и, наверное, ничто не может быть ужаснее этого.

Люцифер иронично хихикнул:

— Я простой повелитель Ада. Темный мир гораздо больше, и Ад — всего лишь небольшая его часть. Я просто дитя. Наш повелитель гораздо ужаснее. От одного взгляда на него люди слепли.

Мелания поинтересовалась:

— Повелитель — это самый главный?

Люцифер кивнул и добавил:

— Кстати, в скором времени он собирается посетить землю со своей свитой.

Мелания изумилась:

— Для чего ему это?

— Он любит наблюдать за смертными, испытывать их, обличать пороки, — пояснил Люцифер.

— Надеюсь, он тоже будет среди людей в человеческом обличии? — уточнила Мелания.

— Да, в человеческом, — успокоил ее Люцифер.

Мелания встала с кровати и подошла к трюмо. Она посмотрела на свое отражение в зеркале, сделала глубокий вдох и сказала:

— На самом деле я позвала тебя, чтобы сообщить, что готова отомстить всем своим обидчикам. Всем до единого!

— Хорошо, — обронил Люцифер. — Говори, что мы будем делать дальше.

Мелания повернулась к нему и голосом, полным решимости, сказала:

— Я сейчас тебе все подробно расскажу. И сегодня ночью мы уже начнем воплощать этот план в жизнь

Было далеко за полночь. Мелания, полная решимости, вошла в комнату Софьи. Ее черное платье плавно струилось по полу, а накидка, будто тень, окутывала ее фигуру. Комнату тускло освещал торшер, стоявший на прикроватной тумбочке. Софья крепко спала. Мелания подошла к ней и присела на краешек кровати. Мелания окинула спящую взглядом, полным ненависти. Она глубоко вздохнула, пытаясь подавить бушующие внутри нее эмоции. Мелания знала, что этот момент настал — время проявить все свои чувства, все те обиды, что накапливались годами. На лице Софьи было выражение полной безмятежности.

— Как ты можешь спать так спокойно? — прошептала Мелания, ее голос звучал, как шепот предстоящей бури.

Она протянула руку и схватила Софью за подбородок.

— Неужели ты никогда не думала о том, что причиняешь боль другим? — произнесла Мелания, возвращая свои мысли к тому, как бесстыдно Софья шла по жизни, словно все ей было по плечу.

От прикосновения Мелании Софья проснулась. Она испуганно отпрянула в сторону.

— Ты что здесь делаешь?! — заорала она и, оттолкнув Меланию, вскочила с кровати.

Софья схватила со стула темно-коричневый халат и накинула его себе на плечи. Она была в ярости:

— Отыскалась, тварь безродная! Я тебе задам сейчас!

Мелания подбежала к Софье и выпалила ей в лицо:

— Закрой свой рот! Сама ты тварь!

Софья попыталась ударить Меланию по лицу, но та увернулась и оттолкнула матушку.

Софья пронзительно завизжала:

— Клим! Клим!!!

Мелания ехидно улыбнулась и сказала:

— Можешь не орать! Его здесь нет. Я уже искала его.

Софья продолжила звать на помощь:

— Илья! Федор!

На крики Софьи прибежали приспешники Клим. Они бросились к Мелании и хотели схватить ее, но тут она произнесла:

— Замерли!

И мужчины, словно оцепенев, замерли на месте. Они не могли пошевелиться.

— А теперь выйдите из комнаты и оставьте нас! — приказала им Мелания.

Мужчины послушно вышли.

— Что за чертовщина?! — пробормотала Софья и стала звать их обратно, но никто так и не вернулся.

Мелания вальяжно уселась на диван, закинув ногу на ногу, и, широко улыбнувшись, сказала:

— Как видишь, матушка, ты просто бессильна без своих бандитов. Это ведь они делают за тебя всю грязную работу.

Софья растерянно смотрела по сторонам, бормоча:

— Что тебе нужно? Ты зачем пришла?

Мелания потерла ладоши и объяснила:

— Я пришла, чтобы свести с тобой счеты. Я долго размышляла над тем, как наказать тебя за твою жестокость, за твою жадность. И наконец придумала.

Мелания встала с дивана и подошла вплотную к Софье.

— И что, поколотишь меня? — рассмеялась матушка Мелании прямо в лицо.

— Зачем же, нет, — иронично сказала Мелания. — Ты как-то сказала мне, что если пожелаешь, то я должна буду обслужить целую роту солдат. Припоминаешь?

Софья нервно сглотнула слюну, буркнув:

— И что с того?

Мелания посмотрела в сторону двери и пояснила:

— Так они уже заждались тебя за дверью. Все жаждут женской ласки и тепла. Ты сейчас обслужишь их всех до единого. Сама.

Дверь распахнулась, и в комнату стали входить мужчины в гимнастерках. Они громко стучали по полу своими тяжелыми солдатскими сапогами. Звуки шагов, словно гром, заполняли пространство комнаты, заставляя сердце Софьи биться чаще. Среди солдат были и совсем юные, и пожилые. Все они, словно зачарованные, смотрели на матушку, поедая ее глазами. В комнате уже не осталось свободного места, а мужчины все входили и входили, некоторые ожидали своей очереди в коридоре.

Софья испуганно взглянула на Меланию. Голосом, полным отчаяния и страха, матушка взмолилась:

— Голубушка, умоляю, не губи меня!

Софья упала на колени и стала руками цепляться за подол платья Мелании.

— Я ни в чем не виновата перед тобой! — слезно вопила Софья.

Мелания склонилась над ней и произнесла:

— Ты купила меня, а потом продавала, словно картошку на базаре! А теперь говоришь, что не виновата? И Гришу убили по твоему приказу!

В глазах Софьи был неподдельный страх. Вся надменность исчезла с ее лица. Теперь перед Меланией была вовсе не та всемогущая женщина, отдававшая приказы налево и направо и решающая судьбы других людей. Мелания разорвала халат на Софье, обнажив ее плечи, что вызвало еще больший интерес в глазах солдат.

— Получай удовольствие, милочка! — тихо сказала Мелания и вырвала подол платья из цепких рук Софьи.

Протиснувшись между солдатами, Мелания вышла прочь из комнаты. Пронзительный женский крик о помощи разносился по всему борделю. Но помочь ей никому было не под силу.

Мелания прошла по длинному коридору по направлению к комнате, где теперь жила Лиза. Следующей ее целью была именно она — та, которая притворялась ее подругой, а сама все докладывала Софье. Мелания подошла к нужной комнате. Дверь перед ней распахнулась сама по себе. Она вошла внутрь. В нос ударил запах сигарет, смешанный с дешевыми женскими духами. В тишине комнаты, заполненной мягким светом ламп, патефон с низким, метким звучанием вдруг затянулся. Пластинка, как живое существо, задрожала, заливая комнату заторможенным шарканьем.

У окна на кровати лежала Лиза с очередным клиентом. Они были наполовину раздеты. Мелания не в силах слышать звук, издаваемый иглой по поверхности пластинки, подошла к патефону и рукой смахнула его с тумбочки. Тот упал на пол, издав громкий звук, от которого Лиза вдруг опомнилась и наконец-то заметила, что в комнату кто-то вошел. Она оттолкнула мужчину от себя и крикнула, обращаясь к Мелании:

— Какого черта ты тут делаешь?!

Мелания посмотрела на мужчину и приказным тоном проговорила:

— Пошел вон!

Мужчина стал поспешно одеваться.

— Ты что это тут командуешь? — воскликнула Лиза.

— Я пришла поквитаться с тобой, подружка, — сказала Мелания и присела на стул.

Мужчина накинул пиджак и вышел из комнаты. Когда он открывал дверь, до Лизы из коридора донеслись отдаленные крики Софьи.

— Что это за крики? Софья кричит? — удивленно спросила Лиза и поспешила встать с кровати.

Она накинула на плечи белую блузку и хотела отправиться на помощь к матушке, но Мелания остановила ее, сказав:

— Не советую тебе туда идти. Матушка уже свое получила, теперь твоя очередь.

Лиза взглянула на Меланию. Она не могла узнать в ней свою прежнюю подругу. Перед ней словно сидел другой человек. В глазах Лизы появилось некое волнение. Она с опаской в голосе спросила:

— Что ты сделала с Софьей?

— Только то, что она заслужила! — воскликнула Мелания.

Крики в коридоре все не утихали. Лиза подбежала к двери и хотела выйти из комнаты, чтобы помочь Софье. Но дверь не открывалась. Она дергала за ручку, толкая дверь, но все безуспешно.

— Не пытайся выйти! — приказала Мелания. — Ты выйдешь лишь тогда, когда я разрешу.

— Открой дверь, сумасшедшая! — не унималась Лиза.

Спустя пару минут она все же поняла, что дверь открыть ей не удастся. Лиза подошла к кровати и присела на край.

— Что ты хочешь, Мелания? — поинтересовалась она.

— Я долго думала, как наказать тебя за то, что по твоей вине убили Гришу, — протяжно сказала Мелания. — Убить тебя было бы слишком легко. Ты не заслуживаешь смерти.

В глазах Лизы читался страх. Она нервно потирала ладони. Мелания продолжала:

— Как ты сама вообще можешь жить после того, как предала меня и нашу дружбу?!

— Ну, прости меня, дуру! — взмолилась Лиза. — Я просто любила Гришу. Я встретила его задолго до тебя и полюбила. Я не могла видеть, как вы счастливы вместе.

— Настолько любила, что убила его? — спросила Мелания.

Лиза начала метаться по кровати, крича:

— Я не знала, что все так получится. Я не думала, что Софья прикажет его убить. Я сама корю себя за это постоянно. Ни дня не проходит, чтобы я не чувствовала своей вины.

— Чувствуешь вину, значит, не все еще потеряно! — сказала Мелания.

Она встала со стула и подошла к Лизе. Мелания заглянула ей в глаза, тихо сказав:

— Живи и мучайся! До конца своих дней!

Мелания провела ладонью по щеке Лизы и добавила:

— Только мучиться теперь придется молча, поскольку языка у тебя больше нет, и теперь никому и ни на кого ты не сможешь донести!

Лиза зажала руками свой рот и замычала. Она пыталась что-то сказать, но не могла, так как действительно лишилась языка. Лиза пыталась пальцами нащупать язык во рту, однако его не было. Лиза истошно заревела. Она все больше паниковала, ощущая, как ее сердце колотится в груди. Лиза не могла понять, что случилось и почему ей стало так трудно дышать.

У двери Мелания обернулась и спросила:

— Кстати, а ты не знаешь, где Клим?

Лиза молча смотрела на Меланию.

— Ах, да, прости, — усмехнулась та, — ты же не можешь мне ответить.

Оставив Лизу одну, Мелания вышла из комнаты. Лиза не слышала больше ничего, лишь шорох собственных мыслей заполнял воздух вокруг. Она пыталась осознать, что же только что с ней произошло. Взгляд ее метался по комнате. Она уселась на пол и зарыдала тихими, почти беззвучными слезами. Страх овладел ею, и Лиза почувствовала, как его темные лабиринты начинают затягивать ее в свои недра.

Мелания спустилась по лестнице и покинула бордель. Она шла с высоко поднятой головой и довольной улыбкой на лице. Мелания почувствовала, как ночной воздух остужает ее раскалившуюся кожу. По левую руку от нее шагал мужчина в белом фраке, видимый только ей. Вместе они прошли по узким улочкам, мимо забытых фонарей, и свернули за угол, словно растворившись в предрасветном тумане.

Остаток ночи Мелания провела в полудреме. Она не могла уснуть и бесконечно рисовала в своем воображении сцены мести своим обидчикам.

Утром, едва лишь город начал наполняться первым светом, Мелания встала с постели, чувствуя внутри себя бурю. Каждый штрих ее мыслей оставлял глубокий след, и она понимала, что пора действовать. Она оделась быстро, выбрав длинное белое платье, как бы символизировавшее ее решимость. В зеркале Мелания увидела не только отражение своего лица, но и силу, которую она обрела в своих тревожных фантазиях. Она вышла на улицу. Солнечные лучи коснулись ее кожи. Каждый шаг был полон уверенности, хотя внутри все время шевелились тени обид. Мелания приказала водителю ехать к Лиговскому проспекту. Именно там Клим частенько охранял девушек Софьи от всякого уличного беспредела.

Когда они были в назначенном месте, Мелания обратилась к водителю:

— Остановись здесь и жди меня!

Она вышла из автомобиля и направилась в сторону девушек, которые стояли кучкой у кирпичного здания и о чем-то перешептывались. Девушки сразу узнали Меланию, ведь когда-то она и сама занималась здесь проституцией вместе с ними. Но сейчас она здесь находилась с другой целью. Мелания знала, где обычно находился Клим со своими приспешниками. Она прошла мимо девушек и свернула в подворотню. Напряжение внутри нее росло.

Внезапно из-за угла вынырнул Клим, его глаза были полны настороженности. Мелания не дрогнула, лишь слегка прикусила губу и продолжила двигаться к нему навстречу. Пройдя несколько шагов, она наконец увидела их всех — Клима и его бандитов. Они весело смеялись и совершенно не подозревали о приближающейся опасности. Мелания подошла ближе. Сердце стучало в унисон с ее шагами. Она вспомнила о тех днях, когда сама была частью этого мира, и ощутила, как старые чувства снова начинают всплывать на поверхность. Собравшись с мыслями, она вспомнила, что теперь у нее другая цель — отомстить.

Клим, сжав кулаки, громко воскликнул:

— Граждане, поглядите-ка, кого к нам занесло! Совсем живая!

Мужчины устремили на Меланию горящие глаза. Они были готовы напасть на нее и схватить. Мелания, осознав, что бояться следует им, а не ей, с нескрываемой злостью в голосе сказала:

— Шило, ты как всегда здесь! И твои верные прислужники тоже!

— Для тебя я не Шило! — прошипел Клим, подходя к Мелании вплотную.

Мужчины окружили ее со всех сторон. Они только и ждали приказа, чтобы начать действовать.

Мелания окинула их взглядом и громко рассмеялась, сказав:

— Решили напугать меня?! Не в этот раз!

Она перестала смеяться, ее лицо приобрело зловещее выражение. Она скомандовала:

— Оставьте нас с Климом вдвоем!

Мужчины послушно вышли из подворотни.

— Что это? Гипноз? — пробормотал Клим.

— Возможно, и гипноз, — улыбнулась Мелания. — Как дела у твоей госпожи? У Софьи Андреевны?

Клим, словно обезумев, заорал:

— Собака, как ты могла такое сделать с матушкой?! Она промучилась всю ночь до утра, а на рассвете отдала Богу душу.

— Акстись, Клим! — усмехнулась Мелания. — На кой Богу сдалась ее мелочная, продажная душонка?!

— Закрой свой рот! — крикнул Клим и замахнулся рукой на Меланию. — Я поколочу тебя сейчас!

— Больше никогда! — выкрикнула Мелания и оттолкнула его руку.

Клим вдруг почувствовал, как какая-то неведомая сила стала поднимать его вверх. Тело Клина замерло, паря над землей. Невидимые нити распяли его тело в воздухе. Взгляд Клина метался по сторонам. Он искал объяснение этому странному событию.

— Что происходит? Почему я не могу пошевелиться? — закричал он, когда взгляд Мелании, полный ненависти, встретился с его взглядом.

Не получив ответа, Клим ощутил, как паника нарастает внутри. Страх сковывал его голо-
совые связки.

— Помнишь, как ты вырывал ногти девушкам? — иронизировала Мелания. — И надо мной тоже так издевался. Так вот сейчас предлагаю тебе ощутить это самому.

Клим посмотрел на Меланию, его глаза сузились от недоумения. Пребывая в смешанных чувствах, он ощутил, как холод все глубже проникает ему под кожу.

— Ты ведь это несерьезно? — скрипящим голосом спросил Клим, пытаясь понять, где кончается ее ирония и начинается правда.

Мелания продолжила:

— Смеяться над чужими страданиями легко, не так ли? Ты тогда не думал о последствиях. А теперь я предлагаю тебе примерить ту же роль.

Она подошла ближе. В ее голосе звучала решимость, с которой она никогда раньше не говорила. В этот момент Клим понял, что это вовсе не игра. Он хотел возразить, но слова застревали в горле.

С его пальцев стали один за другим слетать ногти. Какая-то невидимая сила медленно срывала их с пальцев и бросала вниз. Сначала он не понимал, что происходит. Считая это простым недоразумением, Клим пытался игнорировать болезненные ощущения, что пронзали пальцы, но вскоре осознал, что это не просто боль. Лишь когда на земле лежали первые потерянные ногти, он взвыл от боли, его голос смешался с шорохом темной силы, что гнездилась вокруг. Боль от каждого последующего вырванного ногтя была острее предыдущей. Клим чувствовал, как дрожь пронизывала его окровавленные руки.

— Прекрати! — взвыл он, словно раненый зверь.

На крики из подворотни сбежались девушки, они не понимали, что именно происходит, но спасти Клина они явно не хотели. Девушки стали кричать:

— Так ему! Поделом! Изверг!

Когда последний вырванный ноготь Клина упал на землю, Мелания спросила:

— Шило, тебе понравилось? Как считаешь, девушкам это тоже нравилось?

Невидимая хватка ослабла, и Клим упал на землю. Он сидел на коленях и судорожно всхлипывал, словно маленький ребенок. Но на этом его наказание еще не было завершено. Мелания и не думала останавливаться. Ее глаза горели, в памяти снова и снова всплывали воспоминания, как Клим избивал ее, как она после этого не могла даже пошевелиться.

Стена кирпичного здания напротив вдруг задрожала. Из нее вылетел кусок кирпича и устремился прямо в спину Клина. Тот вскрикнул от неожиданного удара. Из стены стали вылетать новые куски кирпичей, их становилось все больше и больше. Все они устремлялись лишь в одном направлении — к Климу. Он стал корчиться от боли, закрывая окровавленными руками голову, но это мало спасало: острые камни били по рукам, плечам, животу. Когда очередной камень попал по голове Клина, тот уже был не в силах сопротивляться и упал навзничь. Каж-

дый новый удар вырывал из груди Клим сдвленный стон. А камней становилось все больше. Они летели со всех сторон, словно град падали с неба.

Мелания поняла, что Климу уже недолго осталось. Она повернулась и собиралась уйти, но вдруг замерла и в последний раз обратилась к нему:

— Больно, наверное?! Пусть подушка смягчит удары!

Только Мелания произнесла эти слова, как с неба опустилась большая белая подушка и накрыла Клим полностью. Ему стало тяжело дышать: подушка сдавила лицо. Клим стал задыхаться и хрипеть. Мелания, мельком взглянув в его сторону, зашагала дальше и скрылась из подворотни. Груда камней обрушилась с неба и заживо погребла под собой Клим.

— Ты удовлетворена? — спросил Люцифер Меланию, когда они направлялись из подворотни к автомобилю.

Мелания широко улыбнулась и ответила:

— Еще как! Даже дышать легче, когда понимаешь, что этих тварей больше нет на свете. Люцифер открыл ей дверцу, и та нырнула в автомобиль.

— Отыщи мне Петра, моего дорогого папочку! — обратилась Мелания к своему спутнику. — Теперь его черед!

Лучи полуденного солнца, проникая сквозь листву деревьев, рисовали на брусчатке Сенатской площади сложные узоры, в которых танцевали блики и тени. Воздух, насыщенный таинственными ароматами цветущих растений, пленял прохожих и приглашал их посмотреть на увлекательное зрелище. Горожане, словно жуки, метались от одной тени к другой в поисках спасительного охлаждения.

В центре площади возвышался деревянный эшафот, возведенный специально для очередного акта возмездия Мелании. Предназначался он для публичной порки. Вокруг толпились люди. Кто-то в толпе удивлялся:

— Давненько такого не видели!

Милиционеры в униформе разгуливали по площади, следя за порядком. Никому из них даже в голову не приходило, что здесь намечается противоправное деяние, оно и понятно, ведь ко всему этому действию руку приложил Люцифер.

Поодаль от эшафота, в широком кресле с резными подлокотниками и обитым изумрудным бархатом, словно на троне, восседала Мелания. Она ждала, когда на площадь доставят Петра. Люди в толпе стали расступаться, и Мелания увидела его. Петр медленно шагал по площади, прихрамывая на одну ногу. Светлая рубашка на его груди была разорвана. За спиной Петра возвышалась фигура палача. Это был крупный мужчина плотного телосложения с крепкими руками и ногами. Он толкал Петра в спину, приказывая ему шагать быстрее. Следом за палачом сквозь толпу пробиралась Варя. Она плакала и что-то говорила отцу. Петр остановился у первой ступеньки эшафота и посмотрел на Меланию. Его взгляд выражал страх и отчаяние, переплетенные с недоумением. Мелания почувствовала, как сердце колотится в груди. Она не могла отвести взгляд от резких черт его лица, которые ей были так знакомы. Каждый шаг, приближающий Петра к его судьбе, заставлял ее замирать.

— Стойте! — крикнула Мелания и, встав с кресла, не спеша подошла к приемному отцу.

Варя продолжала что-то шептать, но звуки ее голоса терялись в гомоне толпы. Тут она обратилась к сестре:

— Ты что задумала, Мелания?

— Постой и помолчи! — приказала она Варя, и та замолчала.

Мелания видела, как слезы спадали по щекам сестры, оставляя за собой мокрые следы.

— Здравствуй, папочка! — ехидно воскликнула Мелания.

Петр бросил косой взгляд в ее сторону. Он молчал и, несмотря на угрозу, сдерживался, показывая силу духа, на которую не каждый был способен. Его грудь вздымалась в ритме тяжелого дыхания, а глаза искали утешение, но находили лишь безразличие окружения.

Молчание Петра лишь раззадорило Меланию, и она взорвалась:

— Помнишь, как избивал меня розгами все детство? А я, несмышленное дитя, не могла сопротивляться тебе. Я лишний раз боялась взглянуть на тебя. Сейчас ты узнаешь, каково это — чувствовать нескончаемую боль и свое бессилие одновременно.

Петр, ссутулившись, стал взбираться по ступенькам эшафота. Однако Мелания не унималась:

— Ты продал меня в бордель, как кусок мяса! Ты даже не представляешь, что мне пришлось там пережить по твоей милости. В чем я была виновата перед тобой?! В том, что родилась на свет?!

В сопровождении палача Петр поднялся на эшафот. Он повернулся к толпе и посмотрел сквозь нее потухшим взглядом.

— Желаеть молчать? — воскликнула Мелания. — Хорошо, молчи! Значит, умрешь молча.

Она повернулась и направилась к своему креслу. Вдруг она почувствовала, как кто-то схватил ее за ладонь. Мелания повернулась и увидела стоящую на коленях Варю. Та смотрела на сестру, словно маленький зверек, и молила:

— Заклинаю тебя памятью нашей матери, пощади отца! Умоляю!

— Мама Катя умерла? — удивилась Мелания, и едва уловимая тень печали скользнула по ее лицу.

— Да, — ответила Варя, — прошлой зимой. Болезнь совсем ее довела.

Мелания вырвала руку из хватки Вари и, наклонившись в ее сторону, сказала:

— Царствие ей небесное! Лишь она меня любила. Но это ничего не меняет.

Варя стала цепляться за подол платья сестры и снова молить ее о пощаде:

— Не губи! Прошу!

Мелания вырвала подол из рук Вари и с силой пнула ее ногой в плечо. Варя упала на землю, а Мелания проследовала к своему изумрудному креслу. Садясь в него, она громко командовала:

— Начинайте!

Руки и ноги Петра толстыми веревками привязали к деревянному столбу в центре эшафота. Петр никак не сопротивлялся, будто принял свою судьбу. Его взгляд был устремлен вдаль, к легким облакам, висящим над городом. В этот момент он не ощущал ни страха, ни гнева — лишь странное спокойствие, зная, что не приклонится перед своей участью.

Толпа собралась вокруг, шептания и вздохи смешивались в гулкий хор, наполняя воздух напряжением. Каждый ждал, когда начнется свершение, и справедливость восторжествует. Люди пришли, чтобы посмотреть на зрелище, но никто не хотел думать о том, что за ним стояло. Взгляд Петра невольно привлекал внимание: он, казалось, понимал что-то большее, чем они могли осознать.

— Папа! — вырвался из толпы крик Вари, и в этот момент сердце Мелании пронзила острая боль. Она почувствовала, что должна что-то сделать, но ноги словно приросли к земле.

Тонкая длинная розга, сжатая сильной рукой палача, взмыла в воздух и с силой опустилась на спину Петра. Тот дрогнул. Звук от удара разнесся по площади, отражаясь от стен зданий, как эхо безжалостного приговора. Петр почувствовал, как щемящее чувство пронизывает его тело — боль накрыла его, как волна, и порывисто унесла вдаль. Рука палача вновь поднялась, и в этот момент время будто остановилось. С каждой новой порцией боли Петр ощущал, как воевали в голове его мысли. Каждый удар становился напоминанием о тех страданиях, что он причинил когда-то Мелании.

Петр повернул голову, заглянув в лицо своего мучителя. В глазах палача не было ни жалости, ни страха — только холодная, бездушная привязанность к своей роли.

Удары следовали один за другим. Боль захлестнула Петра. Его сознание затуманилось. Но он не кричал от боли, он лишь протяжно стонал. Когда лохмотья рубахи на спине пропитались кровью, палач остановился.

— Потерял сознание! — крикнул он Мелании.

— Продолжай! — приказала она.

Удары посыпались с новой силой, но Петр уже никак не реагировал на них.

Мелании наскучило это зрелище. Она встала с кресла и направилась к своему автомобилю, снова приказав палачу:

— Бей, пока не сдохнет!

Мелания подошла к своему автомобилю, где ее ждал Люцифер.

— Ты действительно хочешь его смерти? — поинтересовался он.

— Я делаю миру большое одолжение. Такие, как он, не должны существовать! — выплеснула Мелания.

— Как пожелаешь! — улыбнулся Люцифер и распахнул перед ней дверцу автомобиля.

Роллс-Ройс Мелании подъехал к воротам ее особняка. Дверца автомобиля открылась, и она не спеша вышла из него. Мелания легкой походкой направилась к воротам. В это мгновение громкий выстрел пронзил тишину. Мелания почувствовала резкую боль в области живота, будто ее пронзили насквозь чем-то очень острым. Она сделала несколько шагов, затем пошатнулась и упала на землю прямо у ворот. Пятно ярко-красной крови стало медленно расплываться по белой ткани платья. Мелания пыталась зажать рану руками. Вдруг она услышала громкий крик:

— Шлюха! Я долго тебя искал! Это по твоей вине убили моего сына Гришку!

Мелания подняла глаза и увидела в нескольких шагах от себя пожилого мужчину в просторном коричневом костюме. Его седые волосы слегка развивались на ветру, а выражение лица сочетало в себе мудрость и печаль. Взгляд мужчины был встревоженным. Он бросил пистолет на землю и присел на корточки у ограды, обхватив свою голову руками. Незнакомец словно сам пришел в ужас от того, что только что совершил.

— Люцифер... — прохрипела Мелания.

Она лежала на земле, мир вокруг нее начинал плыть, как будто кто-то потянул за невидимую нить, разрывающую реальность. Боль в животе превратилась в острое жжение, которое поглотило все ее мысли. Вдруг ей показалось, что звук выстрела гремит в ее голове, перекрывая стук сердца, с каждой пульсацией все слабее и тише.

Мелания вытянула руку, пытаясь коснуться травы, но тело ее не слушалось. Слезы наворачивались на глаза, словно смешиваясь с кровью, которая продолжала окрашивать ее платье. Внезапно над Меланией возникло лицо Люцифера. Он наклонился к ней, пытаясь что-то сказать, но звук его голоса слился с поскрипыванием горизонта. Мелания искала ответ на вопрос, который, казалось, завис в воздухе:

— Я умираю?

Люцифер спокойно сказал:

— Ты не можешь умереть, пока на твоей ладони моя печать.

Мелания приподняла голову и увидела, как маленький блестящий кусочек металла покидает ее тело. Он вспарил над животом и завис в воздухе, спустя мгновение просто растворился в воздухе.

Мелания ощутила, что боли больше нет, кровь перестала течь из раны. Она попыталась пальцами нащупать на своем животе пулевое отверстие, но его больше не было. Она, не торо-

пясь, встала с земли и отряхнула подол платья. Незнакомец так и сидел, прислонившись спиной к ограде. Он громко всхлипывал и бормотал:

— Мне просто сказали, что это ты виновата Мой сынок Гришенька

Мелания взглянула на него и холодным тоном приказала к Люциферу:

— Убей его!

Услышав эти слова, незнакомец быстро вскочил с земли и замотал головой, шепча:

— Нет... Нет... Нет...

Все произошло очень быстро: Люцифер расправил в сторону мужчины одно свое крыло, черкнув его острым краем по горлу незнакомца. Алые капли крови окропили белоснежное оперение крыла. Мужчина схватился руками за горло и стал хрипеть. Кровь пульсирующим фонтаном вытекала из его шеи, просачивалась сквозь морщинистые пальцы рук и стекала на грудь.

Мелания молча наблюдала за происходящим. Никакого отклика в ее душе не вызвала смерть отца Григория. В сердце росло ощущение пустоты, и оно постепенно заполнялось ненавистью, как черное озеро. Тьма, овладевающая душой Мелании, манила сладостной властью. В этом мире, полном лицемерия, она хотела, чтобы ее рука стала инструментом справедливости.

В эту минуту, когда пожилой мужчина хрипел, умирая, у ворот ее особняка, некогда чистые зеленые глаза Мелании заволокла едва уловимая тень. Глаза, сиявшие прежде, словно два изумруда, теперь потускнели и, скорее, походили на запылившиеся сокровища. Зеленый цвет глаз сменился каре-зеленым.

ГЛАВА 7. ПРОГУЛКА В БУДУЩЕЕ

Август 1924 года. Ленинград.

Афишные тумбы по всему Ленинграду пестрели портретами Мелании. Афиши обещали прохожим незабываемые вечера, полные музыкальных изысков и театральных чудес. Каждый вечер улицы заполнялись шепотом горожан, обсуждающих ее невероятный талант и обаяние, которое пленяло даже самых равнодушных к искусству.

Мелания появилась из ниоткуда, как яркая комета, и быстро завоевала сердца публики. Ее имя стало символом нового дыхания культуры в послевоенном городе, где искусство и вера в будущее вновь обретали силу. Имя Мелании Никитиной гремело по всему Советскому Союзу. За пару месяцев она стала мировой звездой, давала по несколько концертов в неделю, даже выезжала с концертной программой за границу. Повсюду собирались полные концертные залы. Люди шли толпами, чтобы насладиться яркими образами ее выступлений, зная, что каждый концерт — это нечто большее, чем просто выступление. Это было событие, где зрители забывали о повседневной рутине и погружались в мир, полный магии. Мелания стала не только звездой, но и символом новой эпохи, когда искусство снова начинало светить, поднимая настроение и даря тепло людям. Конечно же, такой ошеломительный успех и популярность пришли к ней не просто так: Люцифер беспрекословно исполнял все ее желания.

Зал Большого драматического театра в этот вечер предстал во всей своей величественной красоте, отражая дух времени и стремление к новому. Высокие своды, увенчанные роскошными лепными украшениями, создавали атмосферу торжественности и значимости. Великолепные хрустальные люстры, словно звезды, спускались с потолка, освещая зал теплым, мягким светом, подчеркивая каждую деталь интерьера. Массивные потолочные балки придавали пространству особую грандиозность, а панели, украшенные резьбой, говорили о прошлом, о вековых традициях.

Зрители, среди которых можно было заметить студентов, преподавателей и просто любителей музыки, оживленно перешептывались о Мелании и красоте ее голоса. Воздух был наполнен сладковатым запахом цветов, а звуки смеха и разговоров создавали неповторимый музыкальный фон.

В зале не было ни одного свободного места, а люди все продолжали и продолжали прибывать, заполняя партер и ложи. Бордовый бархат тяжелого занавеса расступился. Мелания появилась на сцене, и все вокруг замерло в предвкушении. Длинное платье из легкого розового шелка нежно обвивало ее стройную фигуру. Платье, расшитое тончайшими золотыми нитями, переливалось на свету, напоминая о великолепии ушедших эпох. Кружевные манжеты аккуратно обвивали ее запястья, в то время как юбка, легкая и воздушная, касалась пола. Ее волосы, собранные в сложную прическу, украшали живые цветы, которые добавляли свежести и выразительности образу. Лицо, как будто выцарапанное из мрамора, отличалось невинной красотой: мягкие линии, прозрачная кожа и губы, словно розы на утреннем солнце.

Заиграл оркестр. Звучание первой ноты напомнило каждому в зале о его заветной мечте. В этот миг все разногласия, мечты и переживания соединились в единое целое, наполняя пространство волшебством музыки:

*Мой мир любви наполнен светом,
Луны хрустальной серебром.
И стаи птиц летят за ветром.
Вокруг все дышит волшебством.*

Пение Мелании обладало особой магией. Каждый из присутствовавших в зале ощущал, как ее голос, словно мягкий бархат, окутывал душу и заставлял сердца биться в унисон. В звуках мелодий скрывалась неизведанная глубина, а в текстах таились глубокие чувства, которые перекликались с переживаниями людей в зале. С каждым аккордом Мелания открывала новые глубины, вскрывая самые потаенные уголки человеческого бытия. Слушатели забывали о времени, погружаясь в мир ее музыки, где не существовало границ. И это неудивительно, ведь тексты и музыка в песнях Мелании создавались темными силами. Рождались эти композиции где-то по ту сторону, куда обычный человек не осмеливался заглянуть.

Часовой концерт закончился, однако зрители не хотели расходиться: они долго не отпускали Меланию, стоя аплодировали ей и забрасывали сцену цветами. После долгих поклонов Мелания наконец покинула сцену. Держа в руках охапку цветов, она прошла по длинному коридору по направлению к грим-уборной. Мелания вошла в комнату. Это было просторное помещение с зеркалами, освещенными настольными лампами. Стены были обклеены афишами с изображениями известных артистов. Мелания бросила цветы на стол и, сев на стул у зеркала, начала снимать грим. Она улыбнулась своему отражению, понимая, что этот вечер был важным шагом на ее пути к мечте. Эмоции еще бурлили внутри, и она не могла избавиться от ощущения, что все прошло даже лучше, чем она того ожидала. На мгновение Мелания задумалась, глядя на свое отражение в зеркале. В голове крутились мысли о том, что еще пару месяцев назад она была никем, по принуждению занималась проституцией, а сегодня она — артистка мирового уровня.

Мелания заметила движение в зеркале позади себя. Она испуганно обернулась, воскликнув:

— Фух, господи!

— Нет, это всего лишь я, — иронично сказал Люцифер.

Поняв, что это он, Мелания с облегчением выдохнула и спросила:

— Что ж ты так подкрадываешься? Напугать меня хочешь?

— Вовсе нет, — улыбнулся Люцифер. — Давно не виделись.

Люцифер в красном фраке вальяжно сидел в кресле позади Мелании. Его образ сливался с алыми бархатными драпировками кресел и дивана, создавая эффект огненного вихря. Фрак, строгий и элегантный, излучал роскошь, а идеально отутюженные складки подчеркивали изящество фигуры. На пике этого удивительного наряда блистал золотистый галстук-бабочка, отражая мягкий свет светильников, словно загораясь новым блеском каждый раз, когда Люцифер поворачивался. На его голове был цилиндр в тон фраку.

— Это хорошо, что ты пришел, — произнесла Мелания, вытаскивая из своих волос заколки.

— Что-то хочешь обсудить? — поинтересовался Люцифер. — Жизнь артистки уже наскучила?

Мелания повернулась к собеседнику, сказав:

— Мои глаза поменяли цвет. Не понимаю, почему

Она снова повернулась к зеркалу и стала рассматривать в нем свои глаза.

— Ты дружишь с тьмой, — сухо сказал Люцифер. — Что ж тут непонятного?

Мелания немного помолчала, затем добавила:

— Впрочем, я хотела поговорить не об этом.

Люцифер слегка прищурил глаза, выражая любопытство.

— Слушаю, — сказал он, слегка кивнув головой.

— В конце месяца хочу устроить бал, — пояснила Мелания. — Такой бал, что давали во времена императора: огромный красивый зал, много гостей, все в бальных нарядах. Я в детстве читала об этом много сказок и всегда представляла себя принцессой на таких балах.

— Никаких препятствий для этого не вижу, — произнес Люцифер.

— Мне нужна будет твоя помощь, — продолжила Мелания, немного смущаясь. — Я хочу, чтобы ты создал атмосферу, достойную этого события. Атмосферу чего-то особенного, что поднимет настроение каждому гостю и сделает вечер незабываемым.

Люцифер, заинтересованный предложением, провел рукой по подбородку, обдумывая детали. Его взгляд стал более проницательным, и в воздухе повисла напряженная тишина, словно мир вокруг них замер в ожидании. Люцифер знал, что его силы позволяют реализовывать самые смелые фантазии, но также понимал, что за этим может последовать нечто неожиданное.

— Разумеется, — сказал он протяжно, его голос напоминал шепот ветра. — Я могу устроить настоящее зрелище и даже пригласить самих ангелов, если нужно. Но ты готова к тому, что такое великолепие может вызвать интерес не только среди гостей, но и среди тех, кто обычно предпочитает оставаться в тени?

Мелания, немного колеблясь, кивнула. В ее глазах зажглось пламя решимости.

— Я готова, — произнесла она. — Этот бал станет не обычным праздником, а настоящим событием, которое изменит жизнь этого города.

— Для бала отлично подойдет Зимний дворец, — сказал Люцифер, поправляя цилиндр на голове.

— Да! — воскликнула Мелания. — Но на балу должны быть только самые богатые и влиятельные люди города.

— Об этом можешь не беспокоиться, — заверил ее Люцифер. — Все сочтут за честь принять приглашение самой Мелании Никитиной.

Мелания улыбнулась. Она увидела, как Люцифер сложил перед собой ладони, а когда раскрыл их, то там уже лежал сверкающий конверт. Его поверхность переливалась всеми оттенками темного золота.

— Возьми! — подкинув в воздух конверт, воскликнул Люцифер. — Это приглашение на твой бал.

Золотой конверт воспарил в воздухе и плавно опустился на колени Мелании. Своими тонкими пальчиками она открыла конверт и достала оттуда изящную пригласительную открытку, в которой говорилось о месте и времени проведения бала.

— Очень красиво, — улыбнулась Мелания и отложила конверт в сторону.

Спустя мгновение улыбка на ее лице сменилась выражением грусти. Заметив это, Люцифер спросил:

— Что-то не так?

Мелания опустила глаза и вполголоса сказала:

— В моей судьбе сейчас происходит так много хорошего, но рядом нет самого важного в жизни человека — мамы. Я всегда одна. Одна по жизни

Люцифер молча слушал свою собеседницу. Та продолжила:

— Я всю жизнь пытаюсь понять, почему она бросила меня и за что так со мной поступила.

Люцифер перебил Меланию:

— Я могу показать тебе кое-что из твоего прошлого, если, конечно, ты сама пожелаешь.

Ни секунды не сомневаясь, Мелания воскликнула:

— Да, желаю!

Мужчина в красном фраке не спеша встал с кресла и протянул Мелании свою правую руку. Та устремила к Люциферу и вложила свою ладонь в его. Вмиг пространство комнаты словно сжалось в одну маленькую точку, а когда разжалось обратно, это было уже совсем другое помещение: затертые временем деревянные стены с массивными бревнами, искривившимися под тяжестью лет, излучали ароматы соломы и выветрившегося сена. Пространство было окутано мягким полумраком, а редкие солнечные лучи пробивались сквозь грязные стеклянные окна.

— Где это мы? — озираясь по сторонам, спросила Мелания.

— В конюшне одного знатного человека, — объяснил Люцифер. — На дворе сейчас одна тысяча девятьсот третий год.

Мелания услышала громкое ржание лошадей. Вырезанные вручную деревянные бортики денников были покрыты глубокими трещинами. В углу, на старенькой подстилке из сена, уютно устроилась старая лошадь с мудрым взглядом, готовая поделиться историями о былых скачках и путешествиях. На стенах висело множество ремней, седел и уздечек. Повсюду были традиционные ведра, мастерски сформированные из металла, некогда сверкавшие.

— Но что мы тут делаем? — шепотом спросила Мелания.

— Сейчас все увидишь, — пояснил Люцифер. — Кстати, можешь не шептать, нас никто не видит и не слышит.

Мелания хотела еще что-то спросить у своего спутника, но женский крик в конце конюшни отвлек ее внимание. Женщина изредка, но громко вскрикивала. Казалось, что ей было очень больно. Мелания, шурша подолом своего платья, зашагала мимо денников с лошадьми в ту сторону, откуда доносились крики.

В самом конце конюшни, в пустом деннике, она увидела девушку, лежащую в углу на куче сухой соломы. Ее длинные русые волосы были растрепаны и спадали на лицо, скрывая черты, которые казались Мелании и знакомыми, и незнакомыми одновременно. Лицо девушки было испачкано слезами и пылью. На ней было поношенное темное платье, больше походившее на старую тряпку. Мелания прищурилась, пытаясь рассмотреть, что же тут происходит. Ее сердце забилося быстрее: кто эта незнакомка и как она оказалась здесь, среди конского навоза и хлама?

Незнакомка в деннике периодически вскрикивала, хватаясь руками за свой большой живот.

— Она рождает, — слабым голосом произнесла Мелания.

— Да, — сказал Люцифер, — она рождает тебя.

Незнакомка, замерев на мгновение от боли, вновь вскрикнула. В ее глазах застыло удивление, смешанное с ужасом. Мелания подошла ближе. Она стала изучать незнакомку, словно искала в ней ответ на свои давние вопросы. Мелания заглянула в бездонные глаза девушки — своей родной матери, которую она видела впервые. В этот момент Мелания осознала, что их судьбы были переплетены, как корни старого дерева под землей. На мгновение ей показалось, что мать взглянула прямо на нее.

— Она посмотрела на меня! — воскликнула Мелания.

— Нет, — отмахнулся Люцифер, — тебе показалось.

Мелания присела на корточки рядом с матерью и обратилась к своему спутнику:

— Я хочу поговорить с ней. Пожалуйста!

— Категорически не рекомендую! — воскликнул Люцифер.

— Но почему? — удивилась Мелания.

Люцифер взял Меланию за плечи и потянул вверх. Та послушно встала.

— Если ты заговоришь с ней, — пояснил Люцифер, — то это изменит прошлое, соответственно, изменится и настоящее. Время исказится. И когда мы с тобой вернемся назад в настоящее, может случиться так, что у тебя не будет одной ноги или тебя и вовсе не будет в живых.

Спустя несколько минут затхлый воздух конюшни пронзил звонкий плач младенца. Мать неумело перерезала пуповину ржавыми ножницами и завернула младенца в какую-то старую тряпку, лежащую рядом. Она дрожащими руками прижала ребенка к своей груди. Горькие слезы потекли по ее щекам.

Мелания изумилась:

— Смотри, Люцифер, она прижала меня к груди. Значит, любила

В это же мгновение пространство денника схлопнулось, а вокруг уже была ночная улица. Ветер трепал волосы на голове Мелании. Мелкий холодный дождь назойливо ударял по лицу.

Мелания присмотрелась и поняла: они стояли сейчас у того самого дома, где она выросла. Вспомнив о детстве, Мелания ощутила, как ее сердце наполнилось горькой тоской. Каждый уголок улицы, где она когда-то играла с друзьями, сейчас напоминал ей о времени, которое ускользнуло навсегда.

— Что мы делаем здесь? — поинтересовалась Мелания.

— Смотри! — воскликнул Люцифер, и Мелания устремила свой взгляд вперед. По проселочной дороге шагала девушка в сером плаще с корзинкой в руках. Когда она подошла ближе, Мелания узнала в ней девушку из денника — свою мать. Та не спеша вошла в калитку и прошла к крыльцу.

Мелания, распираемая любопытством, подошла ближе к калитке. Мать поставила на крыльцо корзинку и присела около нее, перебирая руками.

— Я в корзинке? — спросила Мелания.

Люцифер тихо ответил:

— Ты.

Мать постучала в дверь и поспешно убежала с крыльца. Она пробежала через калитку всего в нескольких сантиметрах от Мелании и растворилась в ночи.

— Ненавижу! Ненавижу!!! — закричала Мелания ей вслед.

Она застыла на месте, сердце ее бешено колотилось. Мелания снова почувствовала себя брошенной, во второй раз. В голове был целый рой обидных слов, которые ей хотелось в тот момент бросить вслед матери, но от переполнявшей ненависти все слова обрывались и терялись. Беспомощность и гнев накрыли Меланию, как морская волна.

Мгновение — и эта ветреная, дождливая ночь была уже позади. Вокруг снова были стены grim-уборной, расклеенные афишами, охапка цветов на столе, зеркала. Напротив, в кресле, вальяжно сидел мужчина в красном фраке.

Мелания присела на стул. Она дрожала толи от холода той осенней ночи, толи от осознания всей чудовищности того поступка, который совершила ее мать. Она посмотрела на Люцифера и спросила:

— Как может мать так поступить со своим ребенком?

Люцифер ничего ей не ответил.

До самого рассвета Мелания и Люцифер гуляли по набережной Невы. Мелания сетовала на свою судьбу, рассказывала, как сильно она ненавидит свою мать. А Люцифер внимательно слушал, позволяя словам Мелании проникнуть в свою сущность, словно прохладный ветер, обдувающий гладь реки.

— Ты не понимаешь, как мне тяжело, — сказала Мелания, ее голос дрожал от подавляемых эмоций. — Я всегда пыталась понять, почему и за что. Но она с такой легкостью оставила меня на пороге и ушла. Просто ушла.

Ее тон становился все более лихорадочным, и Люцифер, будто бы находясь на грани между эмоциональным откликом и холодной безразличностью, осторожно подбадривал ее:

— Но все же, разве не стоит взглянуть на это с другой стороны? Мать, возможно, хотела для тебя лучшей жизни.

Мелания лишь закатила глаза.

— Лучшей жизни?! — скептически произнесла она. — Терпеть издевательства теткинго мужа? Продавать свое тело за деньги?

Люцифер, глядя на ее лицо, увидел в нем отражение страха и жажду свободы.

— Сегодня ты сама можешь выбирать, кем быть, — тихо сказал он.

Остановившись у старинного моста, Мелания вдруг спросила:

— Скажи, а ты только в прошлое можешь путешествовать? Или в будущее тоже?

Люцифер загадочно улыбнулся и ответил:

— Могу и в будущее.

Глаза Мелании загорелись азартом.

— Правда? — произнесла она, прижимая руки к груди. — Что там, в будущем? Как живут люди?

Люцифер, наклонившись ближе, шепнул:

— Это мир невероятных технологий и неожиданных открытий. Однако за всем этим блеском скрываются тени, порожденные человеческими желаниями и страхами.

Мелания с нетерпением слушала, представляя себе невообразимые механизмы и свободное передвижение между галактиками. Но что-то в словах Люцифера вызывало у нее тревогу и интерес одновременно.

— Я хочу это увидеть! К примеру, какой будет Ленинград через сотню лет.

Люцифер рассмеялся, этот звук напомнил раскат грома. Он сказал:

— Путешествие во времени — это возможность увидеть, но не вмешиваться. Я лишь наблюдатель. Однако помни: познав будущее, ты можешь навсегда изменить свое восприятие настоящего.

— Я готова рискнуть, — воскликнула Мелания. — Покажи мне жизнь в будущем!

— Мне придется стать видимым для окружающих, поскольку тебе потребуется сопровождение по городу, — произнес Люцифер. — Нам обоим необходимо сменить внешний вид, ведь в будущем так уже не одеваются.

Он щелкнул пальцами. Наряды на нем и на Мелании стали совершенно другими. Мелания посмотрела на свой новый облик: легкое зеленое платье с ярким узором и удобные туфли в тон. Она оглядела Люцифера, теперь облаченного в стильный кожаный пиджак и темные джинсы. Его облик стал современным, но все еще сохранял ту загадочную харизму, которая завораживала окружающих.

— В этом временном контексте мы должны быть незаметными, — произнес он, оглядываясь по сторонам.

Мелания кивнула, здесь не было места для сомнений. В глубине ее души разгоралось опасение, но оно смешивалось с чувством бодрствующей уверенности. Она понимала, что изменения в облике — это всего лишь начало. Город будущего, в который они шагали, был полон тайн и неожиданных встреч.

— Пойдем, — сказал Люцифер и протянул Мелании руку.

Взявшись за руки, вместе они сделали шаг вперед, длиною в сотню лет.

Городской шум, смешанный с гулом машин, оглушил Меланию. Они стояли на том же самом месте, что и секунду назад, но город вокруг выглядел иначе. Был уже не рассвет, а солнце стояло высоко над горизонтом, который обозначался островками высоких зданий, отражающих солнечный свет. Мелания обернулась к своему спутнику, и хотя она знала, что этот миг стал границей между прошлым и будущим, в душе все еще витало послевкусие привычной жизни.

— Мы точно в Ленинграде? — ее голос дрожал от волнения.

— Это Санкт-Петербург, сейчас две тысячи двадцать четвертый год, — тихо произнес Люцифер, но его слова были услышаны даже в гаме толпы.

Мелания кивнула, понимая, что каждое мгновение здесь было пропитано энергией перемен. Она сделала еще шаг, и эта неведомая судьба предстала перед ней с открытыми объятиями. Величие момента охватило ее всю, наполняя стремлением к новым открытиям.

Толпы людей проходили мимо, создавая атмосферу динамики и возможностей. Все куда-то спешили, не замечая ничего по сторонам. Длинные колонны машин нескончаемо двигались по проезжей части, издавая мелодичный гул, словно симфонию городской жизни. В воздухе витал запах свежесваренного кофе и выпечки из ближайшей пекарни, искушая нетерпеливых прохожих сделать хотя бы краткую остановку. На углу стоял уличный музыкант, его мелодия

сливалась с шумным фоном города, создавая уникальную гармонию. Взгляды людей иногда цеплялись за него, но быстро ускользали, возвращаясь к суете жизни. Люди были погружены в свои мысли и заботы, словно невидимые нити тянули их в разные стороны. Эта суета была частью повседневной жизни.

— Куда они все так спешат? — удивилась Мелания.

— Жить, — иронично ответил Люцифер. — Люди в этом веке настолько жадны до власти и денег, будто собираются жить вечно.

— Как красиво! — изумилась Мелания, глядя на белоснежный теплоход, грациозно скользящий по водной глади Невы.

— Туристам показывают красоты города, — пояснил Люцифер.

Спустя полчаса Мелания уже стояла на палубе этого теплохода. Ветер играл с ее волосами, придавая ей еще больше очарования. Она с восторгом смотрела на отражение зданий в воде, когда гид начал рассказывать о знаменитых памятниках и их истории. Каждый поворот Невы открывал новые горизонты и живописные виды, от которых захватывало дух. И хотя Мелании был хорошо знаком этот город, сейчас она смотрела на его красоты совершенно другими глазами.

— А вот это Дворцовый мост, — произнес мужчина-гид, указав рукой на величественное сооружение. — Он соединяет два берега и украшает вечерний Петербург подсветкой.

Мелания увлеченно слушала. Каждая деталь, каждое слово влекли ее все глубже в атмосферу города, наполняя сердце радостью и вдохновением. Нежные блики солнечного света танцевали на поверхности воды. Мелания уловила легкий запах полыни, смешанный с воздухом, полным историй. Она понимала, что этот миг станет одним из самых запоминающихся в ее жизни, и что Санкт-Петербург навсегда останется в ее душе как символ красоты и гармонии.

Мелания подняла голову и оглядела набережную, усеянную живыми цветами. Город словно улыбался ей, приглашая исследовать его тайны. Вскоре она заметила, как художник, сидящий на краю моста, с упоением запечатлевал на холсте красоту окружающего пейзажа. Мелания видела, как его кисть плавно скользила по холсту, будто танцует в унисон с мелодией, которую слышал только он.

Вдруг солнце спряталось за облаками, и атмосфера вокруг изменилась. Город наполнился новыми оттенками, словно сменил одежду. Мелания улыбнулась, понимая, что именно в этих переменах заключена истинная красота Санкт-Петербурга — в природе, людях и их эмоциях, переплетенных в одно целое.

После восхитительной речной прогулки Мелания и Люцифер неторопливо прогуливались по набережной. Мелания с восторгом глядела по сторонам, не понимая, как за сто лет город мог так измениться. Здесь теперь кипела жизнь.

— Какие высокие здания! Огромные! — восхищалась она. — Все так красиво!

Люцифер сказал:

— Да, за целый век люди изобрели много нового. Повсюду компьютеры, техника.

— Что такое компьютеры? — спросила Мелания.

Люцифер улыбнулся:

— Это такие машины, которые всю работу выполняют вместо человека.

— Ого! — воскликнула Мелания. — Наверное, интересно.

Люцифер посмотрел на девушку с мольбертом, стоящую у парапета. Она пристально смотрела перед собой и водила кистью по холсту. Люцифер тихо спросил у Мелании:

— Видишь ту художницу у парапета?

Та кивнула в ответ.

— Так вот, эту девушку зовут Александра, — объяснил Люцифер. — И она твой потомок.

Мелания смотрела на девушку, открыв рот. Она изумленно спросила:

— Это моя внучка?

— Нет, — замотал головой Люцифер. — Скорее, прапраправнучка.

— Я могу подойти к ней и поговорить? — поинтересовалась Мелания.

— Можешь, только осторожно, — предупредил ее Люцифер. — Ничего лишнего ты не должна сказать.

Они подошли ближе. Их шаги были тихими, словно звуки ветра, скользящего между деревьями. Художница не обернулась, она была сосредоточена на своем произведении, на мольберте, готовом стать свидетелем искусства, витков вдохновения и тревог. Краски на поверхности холста уже начинали формировать нечто замечательное — сцена, полная света, будто сама душа художницы выплескивалась на холст. Мелания заметила, что рука девушки, держащая кисть, слегка дрожала, но это не мешало ей создавать волшебство.

— Красиво рисуете, — сказала Мелания, внезапно нарушив тишину.

Незнакомка резко обернулась, в ее глазах мелькнули удивление и настороженность. Она сказала, улыбнувшись:

— Спасибо. Только картины пишут, а не рисуют.

Мелания внимательно посмотрела на девушку. Она привлекала внимание своей яркой, но одновременно загадочной аурой. Ее одежда, сотканная из смелых узоров и неоновых оттенков, отражала дух города. Длинные волосы, окрашенные в оттенки синего и фиолетового, развивались на ветру. На руках, украшенных множеством браслетов и татуировок, были видны следы краски — как знаки ее преданности искусству. Ее лицо — чистое полотно, на котором смешались эмоции: решительность, страсть и малейшая доля уязвимости. Крупные темные глаза светились, а улыбка придавала образу некую таинственность.

— А вы тоже увлекаетесь живописью? — поинтересовалась художница, продолжая водить кистью по холсту.

— Нет, — отмахнулась Мелания. — Я певица.

Незнакомка посмотрела на Меланию и удивленно приподняла брови, сказав:

— Простите, не узнаю Вас.

Люцифер с недовольством посмотрел на Меланию и покачал головой. Вспомнив о том, что нельзя говорить ничего лишнего, Мелания добавила:

— Я не очень известна. Только начала заниматься творчеством.

— Поняла, — сказала художница. — Я пишу не просто картины, я пытаюсь запечатлеть чувства, которые не способны выразить себя сами.

— Довольно красиво получается, — констатировал Люцифер.

— Спасибо, — сказала незнакомка. — А вы туристы что ли?

— Они самые, — кивнул Люцифер.

Художница повернулась к Мелании и стала пристально вглядываться в ее лицо. Она вдруг сказала:

— Мне кажется, что я Вас знаю. Ваше лицо мне очень знакомо.

— Да что Вы! — махнула рукой Мелания. — Мы никак не могли раньше встречаться.

— Офигеть! — удивилась художница. — У меня фотографическая память на лица. И я почти уверена, что писала Ваш портрет.

— Афиге Что? — пробормотала Мелания.

— Точно! — неожиданно вскрикнула художница. — Я писала портрет прапрабабушки по старой фотографии, сделанной еще до войны.

Мелания испуганно посмотрела на Люцифера. Тот попытался разрешить возникшую ситуацию:

— Многие люди в мире похожи друг на друга. В этом нет ничего удивительного.

Художница пожала плечами, сказав:

— Может быть, но лицо прям один в один. Глаза, нос. Говорили еще, что эта моя прапрабабка была известной певицей. Прямо как Вы!

Люцифер понимал, что дальше продолжать этот диалог было бы опасно. Он торопливо взял Меланию под руку и сказал:

— Нам пора идти. Дела, дела

— Удачи! — тихо сказала художница и принялась снова за работу.

Мелания дернула рукой, освободившись от хватки Люцифера, и обратилась к девушке:

— Простите, могу ли я Вас обнять на прощание?

Этот вопрос вызвал у художницы легкое недоумение. Она сказала:

— Да, пожалуйста!

Мелания подошла к девушке и обняла ее. Странные чувства в этот момент наводнили ее сердце. Объятие было мягким, но в нем была странная сила, способная разрушить границы, которые были выстроены временем. Мелания чувствовала тепло, исходящее от незнакомки, и это тепло оказалось неожиданно знакомым, родным.

— Будьте счастливы, Саша! — шепнула Мелания, отстраняясь от девушки. Та лишь улыбнулась в ответ.

Взяв Люцифера под руку, Мелания зашагала дальше вдоль набережной.

Художница вновь погрузилась в свое творение. Вдруг она повернула голову в сторону удаляющихся незнакомцев и тихо спросила себя:

— Саша? Откуда она узнала мое имя?

Прогулка по городу будущего продолжалась. Невский проспект – широкая улица, устланная брусчаткой, словно магнит притягивала к себе как местных жителей, так и туристов. Долгие годы здесь встречались судьбы и пересекались миры. Гости из прошлого шагали мимо величественных зданий, украшенных колоннадами и барельефами. Со всех сторон манили окна уютных кафе, где можно было насладиться ароматным кофе и отведать свежую выпечку.

— О какой войне говорила моя правнучка? — вдруг спросила Мелания.

Люцифер отвел взгляд в сторону и ответил:

— Мелания, в свое время ты обо всем узнаешь. Не торопись!

Он остановился и посмотрел на Меланию, добавив:

— Ты задаешь слишком много вопросов. Я же тебе сказал, что здесь, в будущем, мы просто наблюдатели. Ты итак сболтнула лишнее своей правнучке.

— Ну прости! — оправдывалась Мелания. — Это на меня так действует этот бешеный ритм. Толпы народу кругом, машины бесконечно едут друг за другом, эти огромные светящиеся доски на столбах, в которых двигаются люди и надписи.

Люцифер громко рассмеялся:

— Это не доски, а билборды. С их помощью создают рекламу.

С каждым новым шагом Невский проспект раскрывал новые грани: живопись на стенах, уличные художники с искренними улыбками, лавки со старыми книгами, наполненные историей. В этом месте действительно сливалось время и пространство, наполняя душу вдохновением и покоем. В каждом шаге был слышен шорох страниц из прошедших эпох, а уличные музыканты дарили свои мелодии, заполняя пространство волнами звука. Одна мелодия привлекла внимание Мелании. Она остановилась посреди тротуара, наслаждаясь пением. Хрупкая девушка, закрыв глаза, обхватила микрофон руками. Она исполняла популярную песню современной музыкальной группы. Слова песни тронули душу Мелании. Каждый аккорд, каждое переливание нот уносило ее в далекие места, где романтика и мечты танцевали под звуки ветра и дождя:

Уставшие нежные пальцы клавиш коснутся —

И грустные ноты любви заполнят весь зал.

Нам больше с тобой в них не окунуться,

*Ведь поезд последний давно покинул вокзал.
Остывшее небо заплачет, как скрипка, рыдая.
И ветер осенний сыграет на струнах сердец.
А хмурая осень, нам листья под ноги бросая,
Напомнит о том, что всему наступает конец.*

— Какие красивые слова в этой песне, — изумилась Мелания. — Всему наступает конец
Как точно!

— Да, красиво, — согласился с ней Люцифер.

— Я непременно хочу исполнить эту песню на балу, — заявила Мелания.

— Люди в двадцатом веке не могут слышать песню, которая будет написана лишь спустя сто лет, — усмехнулся Люцифер. — Возникнет временной парадокс. И если ты это сделаешь, то нам придется убить всех твоих гостей.

— Как все сложно! — воскликнула Мелания.

Она увидела за углом надпись на здании «Вкусно — и точка» и изумленно спросила своего спутника:

— Правда, так вкусно?

Люцифер пожал плечами и предложил:

— Давай зайдем и пообедаем.

Интерьер ресторана погрузил гостей в атмосферу уюта. На первый взгляд зал поража́л гармонией цветов и текстур. Мягкие, теплые оттенки бежевого и коричневого акцентировались оливковыми рисунками, создавая идеальный баланс уютного домашнего комфорта и стильного ресторана. Стены были украшены авторскими картинами, выполненными в стилистике современного искусства. Низкие деревянные столы приглашали гостей расслабиться и насладиться общением. Мягкие диванчики в углах заведения были обрамлены зелеными растениями, которые добавляли в интерьер нотки свежести и жизненной энергии.

Мелания удобно устроилась за столиком в углу. Люцифер тем временем ушел, чтобы сделать заказ. Через несколько минут он вернулся и сел за столик рядом с Меланией.

— Что это за штуки? — поинтересовалась Мелания, указывая пальцем на терминал самообслуживания.

— Это как раз то, о чем я тебе говорил, — пояснил Люцифер. — Это компьютеры. Они нужны для того, чтобы сделать заказ самостоятельно.

— Как интересно, — шепнула Мелания.

Вскоре молодой парень в униформе официанта принес к их столику поднос с едой. Мелания с интересом разглядывала тарелки с блюдами, которые официант аккуратно расставлял на столе. Также она бросила беглый взгляд на бейдж на груди парня и, когда он ушел, смеясь, сказала Люциферу:

— Что за имя-то у него такое странное? Агнар.

— В этом времени много новых имен, — объяснил Люцифер Мелании.

Она пожалала плечами, наблюдая за тем, как ее спутник расставляет тарелки на столе. Он спросил:

— Кстати, а ты знаешь, что означает твое имя?

Мелания нахмурила брови. Она явно не поняла вопроса:

— Мое имя? В каком смысле?

Люцифер пояснил ей:

— В переводе с греческого языка Мелания означает «черная» или «темная».

— Ну, теперь ясно, — сказала Мелания. — Поэтому я и заключила сделку с темными силами.

Люцифер ничего не ответил на ее слова. Он принялся есть картофель фри.

— Что это за блюдо такое? — поинтересовалась Мелания у него.

— Это картошка фри, — объяснил он.

Мелания отмахнулась:

— Как-то не очень похоже на картошку.

Она взяла ломтик и отправила себе в рот.

— Как вкусно! — воскликнула Мелания.

— А если макнуть в соус, будет еще вкуснее, — сказал Люцифер и продемонстрировал.

Мелания повторила за ним.

— Да, так еще вкуснее, — согласилась она.

— На десерт я заказал нам тирамису, — сказал Люцифер.

— Тира Что? — недоумевала Мелания.

— Десерт такой, итальянский, — пояснил Люцифер.

Тирамису также пришлось Мелании по вкусу. Она сказала:

— Я таких вкусовостей никогда не пробовала прежде.

— Наслаждайся, — усмехнулся Люцифер.

Мелания посмотрела на девушку с мобильным телефоном в руках, сидящую за соседним столиком, и спросила:

— А что это за штуки такие у всех в руках? Они в них смотрят, разговаривают с ними.

Тоже компьютеры?

— Нет, — сказал Люцифер, — это мобильные телефоны.

— Я знаю, что такое телефон, — сказала Мелания. — Но эти какие-то слишком маленькие.

Люцифер с улыбкой посмотрел на нее и произнес:

— Это карманные телефоны. По ним можно звонить, отправлять сообщения, слушать музыку, делать фотографии.

— Ого! — воскликнула Мелания. — А можно мне тоже такой телефон?

— Нет! — отрезал Люцифер. — Ты в свое время не сможешь его использовать. Это технически невозможно.

— Очень жаль, — с досадой в голосе шепнула Мелания.

Незаметно на город опустился вечер, наполнив улицы особой магией. Солнце медленно катилось к горизонту, оставляя за собой багряные и золотистые оттенки. Легкий ветерок приносил ароматы свежей выпечки из уютных кафе, где огоньки ламп создавали атмосферу теплоты и уюта. У водных просторов, в которых отражались яркие огни города, прогуливались романтические пары. Мелодии аккордеонов смешивались с легким шумом речных волн, создавая симфонию, что заставляла сердце замирать в ритме заката. Петербург в этот час словно предлагал прохожим свою душу, полную тайн и легенд, величия и воспоминаний.

Проходя мимо Дома ленинградской торговли на Большой Конюшенной улице, Мелания вдруг замерла у одной из витрин.

— Что ты там увидела такого интересного? — спросил у нее Люцифер.

Она, не отводя глаз от сверкающей витрины, указала пальцем на манекен:

— Посмотри, какое шикарное платье!

Люцифер, тихо подсмеиваясь, подошел ближе, чтобы рассмотреть манекен. Вечернее платье красного цвета было из легкого, струящегося материала, переливающегося в свете огня. Уткнувшись в стекло, Мелания мечтательно произнесла:

— Мне бы так хотелось его примерить

В ее глазах зажглись искорки, и Люцифер заметил, как ее губы слегка поджались, когда она представила себя в этом наряде на своем балу.

— Почему бы тебе не зайти в магазин? — спросил он, все еще чувствуя легкое веселье.

Мелания вздернула брови, явно колеблясь:

— Думаешь?

Люцифер кивнул.

Они вошли в торговый центр. Величественное здание, расположенное в самом сердце города, поражало своим архитектурным стилем, сочетающим в себе элегантность классики и современные элементы. Огромные витражи на потолке, украшенные сложными узорами и изысканными мотивами, притягивали к себе внимание. Полы, выложенные мрамором, отражали каждый шаг, создавая ощущение легкости и воздушности. По обе стороны от главного входа располагались стильные витрины, каждая из которых — это произведение искусства, демонстрирующее коллекции модных брендов и уникальные товары. Центральная часть пространства была отведена под великолепную лестницу, обрамленную металлическими перилами. Лестница вела на второй этаж, где были расположены уютные кафе и выставочные залы. В торговом центре царил атмосфера спокойствия, словно время замедлило свой бег, позволяя каждому насладиться великолепием окружения.

Мелания сразу же стала искать тот магазин с манекеном. Найти его удалось без труда. Войдя внутрь павильона, она сразу же устремила свой взгляд на заветное красное платье. Однако вокруг было столько красивых вещей, что глаза просто разбегались от такого разнообразия: изумрудные блузы, золотистые юбки, нежные шали. Мелания медленно приблизилась к манекену, ощущая, как с каждым шагом она становилась все ближе к мечте. Длинное красное платье, словно сгусток огня, притягивало ее взгляд, сверкая переливами ткани. Мелания не могла удержаться от искушения. Она аккуратно коснулась атласной поверхности платья, ощутив тепло материала, будто он дышал, ожидая своего часа стать частью чего-то великого.

— Я не могу устоять перед этим платьем! — воскликнула Мелания.

В этот момент к гостям подошла молодая женщина-консультант. Она, улыбаясь, спросила:

— Могу ли я Вам чем-то помочь?

— Да, можете, — сказал Люцифер. — Девушке очень хочется примерить это платье.

Женщина-консультант улыбнулась и обратилась к Мелании:

— Отличный выбор! Это дизайнерское платье из последней коллекции. Пройдемте в примерочную.

Мелания проследовала за женщиной. Люцифер присел на белый кожаный диван в углу павильона и стал ждать. Спустя несколько минут ширма примерочной распахнулась, и оттуда вышла Мелания. Она стояла в свете ламп, как загадочная муза, окутавшая пространство своей элегантной аурой. Красное вечернее платье обтягивало талию, подчеркивая каждый изгиб, на бедрах распадалось и переходило в шлейф. Высокий боковой разрез спереди обнажал красоту ног. Легкая атласная ткань платья создавала ощущение, будто она танцует с ветром, мягко колеблясь в ритме музыки, доносящейся издалека. Волосы Мелании каскадом спадали по обнаженным плечам, словно теплый солнечный свет, отливающий золотом. На губах играла изысканная улыбка, а глаза, сверкающие, как две яркие звезды, притягивали взгляды других посетителей магазина.

Мелания подошла к Люциферу и, улыбаясь, сказала:

— Это безумно красиво! Еще и туфли в тон подобрали.

Мелания подняла правую ногу, демонстрируя Люциферу красные туфли на высоком каблуке.

— Я хочу в этом платье пойти на бал, — пробормотала она, ожидая одобрения от Люцифера.

— Мелания, но такой моды нет в твоём времени, — возразил он. — Как ты будешь объяснять, откуда взяла такое платье?

— Плевать! — воскликнула Мелания. — Скажу, что мне его привезли из Европы по индивидуальному заказу.

Люцифер развел руками:

— Будь по-твоему!

Женщина-консультант вежливо поинтересовалась:

— Так что, берете?

— Да, берем! — кивнула Мелания. — Упакуйте нам, пожалуйста.

— Одну минуту, — удаляясь, сказала женщина.

Мелания присела на диван рядом с Люцифером. Она вся сияла от счастья.

— Тебе это платье настолько сильно нравится? — спросил Люцифер.

— Безумно! — воскликнула Мелания. — Кажется, я о таком платье мечтала всю жизнь!

Люцифер с легкой иронией в голосе произнес:

— Я считаю, что оно слегка откровенно для начала двадцатого века.

Мелания хотела возразить Люциферу, но чей-то крик ее перебил. Она увидела, что в прикассовой зоне разгорается скандал: расфуфыренная блондинка громко кричала на консультантов и стучала по стойке своей дорогой сумочкой, украшенной то ли стразами, то ли драгоценными камнями. Мелания не понимала, что происходит, но блондинка периодически поглядывала в ее сторону. Тут Мелания поняла, что речь идет о красном платье.

— Видимо, не судьба тебе купить это платье, — сыронизировал Люцифер. — Этой женщине оно, кажется, тоже нравится.

Мелания не успела ничего ответить, так как блондинка, держа в руках мальтику, уже направлялась к ним. Она была одета в дорогой дизайнерский брючный костюм оливкового цвета. На ее руках и шее было множество украшений. Она подошла и, не церемонясь, громко выпалила в сторону Мелании:

— Послушай меня, подруга, это платье я забронировала еще неделю назад для банкета. Поэтому оно мое.

Мелания поднялась с дивана и тихо сказала:

— Простите, но я его уже примерила, и оно мне очень идет.

Блондинка переложила мальтику в другую руку и крикнула:

— Да мне плевать, что там тебе идет или не идет! Поищи себе другое платье!

Женщина развернулась и хотела было уйти, но слова Мелании ее остановили:

— Мне тоже плевать, что Вы хотите именно это платье!

Блондинка пришла в ярость:

— Да ты знаешь, с кем разговариваешь, соплячка?! Я сейчас позвоню мужу, и он купит мне весь этот магазин вместе с тобой внутри!

Люцифер попытался вмешаться в ссору:

— Простите, мы не знали, что это платье было забронировано за Вами.

Но женщина не обращала на него никакого внимания. Она продолжала кричать:

— Платье мое! Эти курицы, работнички магазина, сняли бронь и продали мое платье!

— Женщина, спокойнее! — повысил голос Люцифер.

Блондинка перевела на него свой взгляд и нагло сказала:

— А ты, клоун, сядь и не отвечивай!

Люцифер наклонился к уху Мелании и шепнул ей:

— Уступи. Я тебе сотню таких платьев достану.

— Ну уж нет! — закричала Мелания. — Принципиально не уступлю!

— Пошла отсюда вон! — не унималась блондинка.

— Сама пошла вон! — не уступала Мелания.

Женщины-консультанты подошли и попытались как-то сгладить ситуацию, предлагая замену красному платью, но унять напыщенную блондинку не удавалось. Казалось, что еще чуть-чуть, и она перейдет к рукоприкладству. Женщина пригрозила Мелании:

— Если ты сейчас же не исчезнешь, я позвоню мужу, и он выкинет тебя отсюда.

— Прекрати мне угрожать, профурсетка! Губы-то у тебя большие, а вот мозги маленькие!
— разошлась Мелания.

— Ах ты, сучка! — вышла из себя женщина и попыталась ударить Меланию по лицу.

Мелания увернулась, резко отступив назад, и ее глаза сверкнули от злости. Она схватила со столика вазу с цветами и встала в боевую позу, готовая защитить себя.

— Больше никто меня в этой жизни не тронет! Ты не имеешь права так со мной разговаривать! Я не боюсь тебя! — крикнула она. Тревожные нотки в голосе выдавали ее внутреннюю борьбу.

Блондинка тяжело дышала, ее лицо исказилось яростью:

— Ты думаешь, что сможешь выйти отсюда целой? Я тебе такое устрою, что ты не забудешь!

В воздухе повисло искрящееся напряжение.

Мелания стиснула зубы, ее сердце колотилось в груди.

— Ты не знаешь, с кем связалась! — выпалила она. — Ты даже вообразить себе не можешь, что я могу сделать с тобой!

Стены комнаты эхом отразили ее крик. Мелания тихо добавила:

— Если ты не уйдешь сейчас, то для тебя это обернется настоящим кошмаром!

Блондинка остановилась, замерев на мгновение. На ее лице застыл страх. Казалось, что в глазах Мелании она увидела что-то, что заставило ее отступить.

Люцифер, опасаясь, что этот конфликт может действительно закончиться кошмаром, спокойно подошел к Мелании и, взяв из ее рук вазу, осторожно вернул ее на столик. Он наклонился к блондинке и что-то шепнул ей на ухо. После этого женщина больше не стала спорить. Она развернулась и поспешно покинула магазин. Мелания с облегчением выдохнула. Выдохнули и продавцы-консультанты. Люцифер окинул всех взглядом и, улыбнувшись, сказал:

— Инцидент исчерпан! Пройдемте на кассу!

Расплатившись за покупки, Мелания под руку с Люцифером вышла из магазина. Остановившись в фойе, она посмотрела на своего спутника и спросила:

— Что ты такое нашептал ей, что она так быстро убежала? И даже забыла о платье.

Люцифер улыбнулся, не желая отвечать. Но Мелания не унималась:

— Ну, расскажи! Это какие-то твои волшебные штучки?

— Нет, — протяжно сказал Люцифер, — я лишь посоветовал ей поспешить домой, поскольку там сейчас, в этот самый момент, ее муж изменяет ей с домработницей.

Мелания громко рассмеялась:

— Вот так номер!

Но правду или нет сказал Люцифер, она не знала наверняка.

И вдруг Мелания увидела ее: за стеклом ювелирного магазина, на светящейся витрине, лежала сверкающая диадема. Мягкий свет, отражаясь от граней камней, создавал иллюзию волшебства, заставляя сердце биться быстрее. Каждый бриллиант в этом украшении словно горел собственным огнем, притягивая взгляд и обещая нечто большее, чем просто красоту. Мелания задержала дыхание, не в силах оторвать взгляд. В ее голове внезапно всплыли образы: бал, на котором она будет в этой диадеме, восхищенные взгляды мужчин, легкая зависть женщин.

— Я хочу ее! — прошептала Мелания.

— Что? — не понимал Люцифер.

Он попытался по взгляду Мелании понять, о чем идет речь. Он обернулся к витрине и все понял.

— Если хочешь, то получишь, — сказал Люцифер и жестом указал Мелании на вход в ювелирный магазин.

Та послушалась его и направилась к входу, пробормотав:

— Надеюсь, тут не будет такой же сумасшедшей дамы, которой тоже нравится эта диадема.

Утомленные приятными покупками, гости из прошлого наконец-то покинули торговый центр. Петербург уже был окутан таинственным покровом. Огни города мерцали, отражаясь в каналах, как звезды на безоблачном небосводе. Гул уличных фонарей создавал волшебную атмосферу. Однако жизнь города не собиралась угасать: люди спешили мимо, звуки музыки доносились из уютных кафе.

— Я немного устала, — сказала Мелания, рассматривая пакеты с покупками в своих руках.

— Еще бы! — воскликнул Люцифер. — Ты обошла все магазины.

Мимо проехал автомобиль «Ламборгини Ревуэльто» красного цвета и аккуратно встал у тротуара. Водитель — молодой парень — вышел из-за руля и направился к входу в торговый центр. Мелания, словно замороженная, смотрела на автомобиль. Она не спеша подошла к нему и стала разглядывать его со всех сторон.

Автомобиль был воплощением итальянской страсти и инженерной точности, объединяющим впечатляющую динамику с изысканным дизайном. Его обтекаемые линии создавали ощущение скорости даже в неподвижном состоянии. Ярко-красный кузов сверкал в свете огней, подчеркивая каждый изгиб и деталь.

— Боже мой! — шепнула Мелания. — Что за автомобиль?! Чудо!

Люцифер сложил руки перед собой и со стороны наблюдал за ней. Он сказал:

— Дай-ка я угадаю, ты и его себе хочешь?

— Хочу! — воскликнула Мелания и подбежала к Люциферу.

Она сложила ладони вместе и, моля, произнесла:

— Пожалуйста!

— Хорошо, — согласился Люцифер.

— Только я сама хочу его водить, — сказала Мелания. — Я видела, что в этом времени много девушек ездит за рулем.

— Много, — согласился Люцифер. — Но ты же не умеешь водить.

Мелания, лукаво улыбнувшись, посмотрела на Люцифера и заявила:

— Так ведь у меня есть ты! Один твой щелчок пальцами — и я уже умею водить!

— Хорошо, — сдался он. — У твоего особняка уже стоит этот автомобиль.

— Замечательно! — обрадовалась Мелания. — И я уже, кажется, умею водить.

Она громко рассмеялась. Следующая фраза Люцифера вернула ее к реальности:

— Мелания, нам пора возвращаться в твоё время.

С легкой досадой в голосе Мелания сказала:

— Пора, так пора.

Она посмотрела вокруг, осознавая, что яркие огни и звуки ночного города постепенно затихают. Ее улыбка исчезла, уступив место чувству неопределенности. Люцифер встал рядом, его фигура вырисовывалась на фоне исчезающих огней так, словно он излучал некий магнетизм. Мелания знала, что их время здесь закончилось, но в глубине души она не хотела покидать эту реальность.

— Ты знаешь, мне показалось, что ты и сам не очень хочешь возвращаться, — прокомментировала Мелания, пытаясь скрыть свою тоску.

Люцифер усмехнулся и ответил:

— Не согласен. Мелания, ты не должна бояться. Твое время ждет тебя.

Словно укол, его слова заставили ее задуматься. Она была не уверена, готова ли вновь столкнуться со своей реальностью. Мелания глубоко вздохнула, пытаясь собраться с силами.

Один миг — и они снова оказались в прошлом, в тысяча девятьсот двадцать четвертом году, у Дома ленинградской кооперации.

ГЛАВА 8. БАЛ СМЕРТИ

Август 1924 года. Ленинград.

В предвкушении грандиозного бала Мелания сидела за рулем своего красного «Ламборгини», который, сверкая в лучах заходящего солнца, направлялся к Зимнему дворцу. Вокруг искрилось множество огней, и даже улицы большого города казались подготовленными к ее появлению. Мелания представляла, как все взгляды окружающих устремятся к ней, когда она эффектно войдет на бал.

Фасад здания Зимнего дворца, украшенный изящными колоннами и изысканными барельефами, сверкал в лучах заката. Этот шедевр архитектуры в стиле русского барокко уже собрал у своих стен большое количество людей в бальных нарядах. Колонны автомобилей выстроились в несколько рядов. Мелания подъехала к зданию и заглушила двигатель. Легкая дрожь пробежала по ее телу. Она взглянула на себя в зеркало заднего вида и тихо шепнула:

— Пора, нас ждут великие дела.

Она вышла из автомобиля и ступила на красную ковровую дорожку, устлавшую путь к главному входу. Гости, увидев Меланию, стали кланяться, словно сама императрица пожаловала на бал. Мелания приветливо улыбалась в ответ, шагая по ковровой дорожке мимо своих гостей. Неудивительно, что всеобщее внимание было приковано только к ней, ведь она была звездой и к тому же являлась хозяйкой бала, да и выглядела словно королева: длинное красное платье с разрезом спереди, обнаженные плечи, изящные красные перчатки до локтя, туфли в тон на высоком каблуке. Волосы ее были собраны в удивительную по красоте прическу, которую венчала драгоценная диадема. Длинные серьги и кольцо с бриллиантами изящно подчеркивали лебединую шею. Наряд и аксессуары из будущего не могли ни привлечь внимание публики.

Массивные двери с изящной резьбой сами распахнулись перед Меланией. Она вошла внутрь. Высокие потолки, украшенные позолотой и витиеватой росписью, открывали взору великолепие, которое невольно заставляло затаить дыхание.

Свет, проникающий сквозь огромные окна, играл на мраморных полах, создавая каскады мягких теней и ярких бликов. Каждый уголок дворца дышал духом минувших эпох, когда здесь разливались звуки музыки и сверкали огни праздников. Интерьеры дворца излучали роскошь и элегантность и объединяли в себе элементы барокко и рококо. Огромные залы, устланные коврами, свисающие с потолков золотые люстры и изысканная мебель создавали атмосферу величия и аристократизма.

По широкой лестнице Мелания поднялась на второй этаж. Каждая ступенька, выложенная из белоснежного мрамора, казалась хранителем воспоминаний о величественных приемах и тайных встречах, проходивших в этих стенах. Огромные окна пропускали легкий рассеянный свет, который изящно танцевал на перилах, обогревая холодные поверхности золотыми искрами.

На последней ступеньке Мелания ощутила важность момента, словно попала в другую эпоху, где роскошь сочеталась с политическими интригами. Залы второго этажа раскрывали перед ней свои тайны. Она устремила свой взор на обилие прекрасных картин, скульптур и роскошных тканей, которые создавали неповторимый облик.

Два швейцара в черных костюмах и белых хлопковых перчатках распахнули перед Меланией массивные деревянные двери Николаевского зала. Она шагнула внутрь, ступив на блестящий паркет. В зале было несколько мужчин и женщин. Они стояли кучками, ведя о чем-то беседы.

Стены огромного зала, украшенные изысканными лепнинами и золотыми орнаментами, создавали атмосферу торжественности. Потолок зала, расписанный мастерами прошлого,

словно открывал перед гостями небесную сводчатую поверхность, где солнечные лучи игриво танцуют на художественных изображениях, придавая помещению особую ауру божественного света. Стены по периметру зала были украшены внушительными колоннами, выполненными из мрамора и служившими опорой для элегантных арок. Мягкие тона интерьера, оттененные глубокими синими и золотыми акцентами, наполняли пространство гармонией и спокойствием. На стенах располагались портреты величайших правителей, чьи взгляды, казалось, следили за каждым шагом Мелании. Огромные хрустальные люстры свисали с потолка, бросая яркий свет на собравшихся в зале гостей. В натертом до блеска паркете отражалось сияние сотен свечей, мягко танцующих на позолоченных напольных канделябрах, расставленных по всему залу. У стены около окна были накрыты банкетные столы с шампанским и изысканными закусками из мяса, рыбы, икры.

В углу зала дожидались своего часа приглашенные музыканты. Их инструменты, аккуратно расставленные на стульях, словно замерли в ожидании первого аккорда. Скрипка, виолончель и флейта, сверкая полированным деревом и металлом, казались живыми существами, готовыми в любой момент заговорить на волшебном языке. Музыканты перешептывались, обсуждая последние детали программы. Их лица были сосредоточены, но в глазах читалось легкое волнение.

Гости расступились перед вошедшей Меланией. В центре зала, обливаемый светом, люющим с хрустальной люстры, в черном фраке стоял Люцифер. Фрак, сшитый из тончайшего сукна, облегал его стройную фигуру, подчеркивая благородство осанки. Белоснежная рубашка с жабо добавляла образу изысканности, а лакированные туфли блестели, словно зеркала. Его лицо, обрамленное темными волосами, было спокойным, но в глазах читалась глубокая задумчивость. Рукой в белой перчатке он держал бокал шампанского, его длинные пальцы слегка сжимали хрусталь. Поверх перчатки на пальце сверкал перстень с заточенным внутри пламенем. Каждый жест Люцифера был исполнен грации, словно он сошел со старинного портрета, где время застыло в вечности. В присутствии Люцифера воздух казался гуще, а звуки приглушеннее, будто сама реальность склонялась перед его величием. Он был загадкой, существом, чьи мысли и намерения оставались скрытыми за маской безупречной элегантности.

Когда Люцифер увидел Меланию, он расплылся в улыбке и, взмахнув руками, шагнул ей навстречу. Его взгляд был наполнен теплом и легкой иронией, словно он знал что-то, о чем она даже не догадывалась. Его глаза, глубокие и загадочные, словно отражали всю тьму и свет Вселенной, притягивали к себе, не давая отвести взгляда.

— Мелания, — произнес он мягко, но с ноткой власти в голосе, — ты всегда приходишь именно тогда, когда я начинаю скучать.

Мелания слегка нахмурилась, чувствуя, как его присутствие окутывает ее, словно плотный туман.

— Я пришла не для того, чтобы развлекать тебя, Люцифер, — ответила она, стараясь сохранить холодность в голосе.

Он рассмеялся, и его смех, как эхо, разнесся по залу. Осмотрев Меланию с ног до головы, Люцифер добавил:

— Ты прекрасна, *ma chère* [1]!

Мелания слегка кивнула в сторону собеседника и ответила также по-французски:

— *Merci* [2].

— Как добралась на своем новом автомобиле? — спросил Люцифер, сделав глоток из своего бокала. — Нравится водить?

— О, да! — воскликнула Мелания. — Такое чувство, что всегда это делала!

— Превосходно! — улыбнулся Люцифер и жестом указал на противоположную стену зала. — Взгляни, там твое царское место. Ты — королева этого бала, ты заслуживаешь.

Глаза Мелании вспыхнули. У стены на пьедестале возвышался императорский трон, являя собой воплощение мощи и величия. Его спинка, украшенная резными узорами из чистого золота, изображала символы власти: орлов с распростертыми крыльями, львов, олицетворяющих силу, и переплетающиеся ветви дерева, символизирующие мудрость. Основание трона, высеченное из редкого черного мрамора, было инкрустировано драгоценными камнями, сверкающими при свете сотен свечей. Подлокотники, обтянутые пурпурным бархатом, были украшены серебряными нитями, образующими замысловатые узоры. Над тронном возвышался балдахин из тяжелого шелка, расшитый золотыми нитями, с изображением звездного неба, словно напоминая о мистическом покровительстве.

Мелания грациозно подошла к трону и поднялась на пьедестал. Она окинула зал своим взглядом, на губах застыла довольная улыбка. Мелания удобно уселась на мягкое сиденье, облокотившись о высокую спинку трона.

— Теперь можно и начинать! — воскликнула она.

Люцифер рукой подал сигнал в сторону оркестра — и торжественные аккорды заполнили собой все пространство. Зал стал постепенно заполняться гостями. Дамы, окруженные легким ароматом духов, шагали, словно павлины, демонстрируя свои роскошные бальные наряды, украшенные бисером и кружевами. Мужчины в строгих смокингах сопровождали их, гордо держа подбородки. Все гости бросали любопытные взгляды в сторону трона, на котором по-царски восседала Мелания.

Люцифер, наблюдая за этой сценой, улыбнулся. Он знал, что этот вечер станет чем-то грандиозным. Оркестр, одаривая гостей мелодиями, погружал их в мир, полный тайн и загадок, где каждый аккорд звучал как обещание чего-то великого.

Мелания, встав с трона, громко захлопала в ладоши, привлекая тем самым к себе внимание всех приглашенных. Толпа смолкла. Все устремили внимание на хозяйку бала.

— Дорогие гости! — громко сказала она. — Наш удивительный вечер начинается! Здесь все для вас! Угощения и шампанское! Наслаждайтесь вечером и этой чудесной музыкой!

Гости аплодисментами поприветствовали королеву бала. Шорох бальных платьев, звонкий смех и звон бокалов вперемешку с музыкой заполнили зал. Мелания спустилась со своего пьедестала и подошла к Люциферу. Тот протянул ей бокал с шампанским и, улыбаясь, сказал:

— Кажется, вечер обещает быть незабываемым.

Мелания сделала глоток из своего бокала и согласилась:

— Да, думаю, что так.

— О таком бале ты мечтала в детстве, *ma reine* [3]? — спросил Люцифер.

Сверкнув глазами, Мелания ответила:

— *Oui*[4].

Она сделала еще несколько глотков шампанского и спросила:

— Почему мы вообще говорим по-французски?

Люцифер тихо рассмеялся. Он ответил:

— В былые времена на балах так было принято. Мы с тобой поддерживаем эту традицию.

В этот момент чей-то голос окликнул Меланию. Она обернулась. Перед ней стояла женщина средних лет с пышными формами, прикрытыми лиловым бальным платьем. Женщина была в сопровождении своего кавалера — пожилого, седовласого мужчины с длинными, тонкими усиками. Незнакомка приветливо улыбнулась и, прищурив свои и без того маленькие глазки, громко спросила:

— Дорогая Мелания, откуда же Вы взяли такой ослепительный наряд? Ни в одном журнале мод такого не видела.

Мелания на мгновение растерялась, но, собравшись с мыслями, все же ответила женщине:

— Этот наряд был создан исключительно для меня в Париже. На днях его доставили в Ленинград.

— Превосходно! — восхищалась женщина, пристально разглядывая платье Мелании со всех сторон. — А какие очаровательные туфельки!

Мелания сдержанно улыбнулась и сказала:

— Так что ни в каком журнале мод Вы подобного не найдете. Этот наряд есть только у меня!

В разговор вмешался спутник дамы:

— Полагаю, что и Ваш автомобиль тоже из Европы? Такой техники никто прежде не видел.

Мелания не успела ответить. За нее это сделал Люцифер:

— Конечно же, уважаемый Семен Петрович! Автомобиль тоже из Европы. И он тоже изготовлен по индивидуальному заказу.

— Мелания, — обратилась к хозяйке бала женщина в лиловом платье, — не представите нам Вашего кавалера?

Испепеляя Люцифера своим взглядом, женщина добавила:

— Такой красавец! Вероятно, иностранец.

Люцифер ухмыльнулся и ответил. В его речи появился странный акцент:

— Так точно, сударыня, я есть иностранец, Люсьен. Из Голландия.

Заиграл вальс. Желая закончить неприятный разговор, Люцифер воспользовался случаем и пригласил Меланию на танец. Музыка окутала огромный зал мягкой мелодией, словно золотистой шалью, тянувшейся сквозь людские фигуры. Люцифер, чувствуя, как напряжение в воздухе начинает растворяться, протянул свою руку Мелании. Ее глаза, полные удивления, встретились с его взглядом. В этот момент ей стало очевидно, что это предложение не просто жест вежливости, а возможность уйти от неловкой беседы, которая накаляла атмосферу, как пламя накаляет угли в костре.

Когда они шагнули на паркет, Люцифер откинул мысли о предыдущей дискуссии и сосредоточился на движениях. Он вел Меланию с грацией хищника, ловко маневрируя между другими парами. Каждый шаг казался легким, как перо, а каждый поворот был заполнен нежностью и азартом, несомненно, сплетаясь с бесконечностью момента.

Среди звуков вальса их тела сплетались, и Мелания почувствовала, что ее сердце забилося быстрее. Она была в этой мелодии, в каждом вздохе и каждом прикосновении. Люцифер видел, как ее лицо постепенно освещается радостью, а тень недовольства уходит в небытие.

В зале, наполненном мягким светом свечей и шорохом бальных платьев, Мелания и Люцифер продолжали вальсировать, сливаясь в изысканном танце, словно воплощение величия и трагедии. Ее красное платье струилось по полу, оставляя за собой легкий след волшебства. Люцифер, облаченный в черный фрак, был воплощением утонченности, его глаза сверкали, словно звезды.

Музыка колыбалась, будто сама Вселенная терзалась в унисон с их движениями. Каждый поворот, каждая пауза были наполнены магией, они вели себя так, словно забыли о времени, обыденности и грехе. Гости расступились, освободив все пространство зала для этой красивой пары. Они, открыв рты от восхищения, с замиранием наблюдали за этим завораживающим танцем.

Мелания, чувствуя жар взгляда Люцифера, излучала смелость, а он, с легкой улыбкой на устах, пронзал ее душу взглядом, полным древней мудрости. И в этот момент, на грани между светом и тьмой, они стали единым целым, открыв двери в невидимый мир.

Вскоре гости тоже закружились в красивом танце. Женщины в разноцветных платьях, сверкающих в свете ламп и свечей, задавали тон, а мужчины, щеголяя в строгих костюмах,

ловко водили своих спутниц по кругу. Танец стал не просто развлекать, но и объединять всех присутствующих, создавая атмосферу легкости и радости.

Каждый шаг был наполнен эмоциями: кто-то смеялся, кто-то шептал на ухо забавные истории, а кто-то, уткнувшись в плечо партнера, просто наслаждался моментом. Взгляды пересекались, порой гоняясь друг за другом.

— Превосходно танцуешь, Мелания, — проговорил Люцифер, пронизывая партнершу пристальным взглядом.

— Благодарю, Люсьен, — засмеялась она в ответ.

Кружась по залу в ритме вальса, Люцифер не переставал пристально наблюдать за танцующими вокруг парами. Он вдруг прижал к себе Меланию чуть крепче и, склонившись ближе, спросил:

— Смотри, вот там, слева, видишь женщину в ярко-зеленом платье?

Мелания повернула голову влево, пытаясь взглядом отыскать женщину, на которую указал Люцифер.

— Да, вижу, — кивнула она. — У нее такая нелепая прическа!

Люцифер, не сводя глаз с этой женщины, стал рассказывать о ней Мелании:

— Это Анастасия Дмитриевна, работает в исполнительном комитете. Занимает довольно высокую должность. От первого брака имеет дочь. Недавно вышла повторно замуж. Так вот, ее новый муж, с которым она танцует в данный момент, очень любит ее дочь.

Мелания вопросительно посмотрела на Люцифера, спросив:

— Так что ж в этом плохого?

Люцифер пояснил:

— Он любит падчерицу не как свою дочь, а как женщину. Домогается ее, когда матери нет дома.

— Какой кошмар! — воскликнула Мелания. — А что же мать?

— Самое ужасное в этой истории — это то, что Анастасия в курсе всего происходящего, но предпочитает закрывать глаза на все это безобразие, дабы не потерять любимого мужа.

— Омерзительно! — искривила лицо Мелания. — Как такое вообще возможно?!

— А вот там, у колонны справа, мужчина в очках. Видишь? — спросил Люцифер.

— Который танцует с женщиной в голубом платье? — уточнила Мелания.

Люцифер кивнул и сказал:

— Это Андрей Сергеевич. Он женский врач. Делает подпольные аборты всем желающим девушкам. На его счету уже сотни неродившихся детей.

Ужас и отвращение исказили лицо Мелании. Она поинтересовалась:

— Для чего ты мне сейчас это все рассказываешь?

— Для того чтобы ты понимала, что собой представляют на самом деле все известные и уважаемые люди города, — заключил Люцифер.

— Так это ты их всех здесь собрал, разве не так? — спросила Мелания.

— Да, — согласился Люцифер, — но ты сама просила пригласить только самых влиятельных и уважаемых людей.

Мелания опустила глаза в пол, о чем-то задумавшись на несколько мгновений. Затем она спросила:

— Что еще можешь о ком-либо рассказать?

Люцифер пробежался взглядом по танцующим парам и, кивнув в сторону, произнес:

— Высокая женщина в темно-синем. Она убила свою сестру. Отравила ради наследства. И ей удалось выйти сухой из воды. Теперь живет в роскоши, и совесть ее вовсе не мучает.

Мелания повернула голову и посмотрела на эту женщину: ее вытянутое овальное лицо, обрамленное белым париком, выглядело нелепо, почти смешно; тонкие губы женщины рас-

плылись в улыбке. Она, подкатывая глаза, что-то рассказывала своему партнеру по танцу. Тот кивал ей в ответ.

Люцифер наклонился к уху Мелании и продолжил:

— Лысый мужчина в гимнастерке. Он командир корпуса. Очень любит издеваться над новобранцами. Жестоко издеваться.

Мелания молча посмотрела на мужчину в гимнастерке.

— Женщина в малиновом платье с веером, — говорил Люцифер, продолжая вскрывать чужие тайны. — Чтобы не запятнать свою репутацию, тайно родила от любовника и отдала ребенка в цыганский табор.

— Достаточно! — взорвалась Мелания. — Не хочу больше этого слушать! Я уже поняла, что ни одного достойного человека среди гостей нет! Моя дорогая мамаша прекрасно бы смотрелась среди них!

Вальс закончился. Мелания отпрянула от своего спутника и поспешно направилась к столу с шампанским. Люцифер последовал за ней. Мелания взяла один бокал и сделала несколько глотков, словно пытаясь утолить жажду.

— Во рту все пересохло от отвращения, — сказала она.

— Я тебя понимаю, — усмехнулся Люцифер.

— Скажи-ка, а среди музыкантов и официантов тоже нет ни одного порядочного человека? — поинтересовалась Мелания.

Люцифер ничего не ответил на ее вопрос, но по выражению его лица Мелания поняла, что так оно и было. Она поставила пустой бокал на стол и, протиснувшись сквозь танцующие пары, подошла к своему царскому трону, где достала из маленькой сумочки портсигар с мундштуком. Она хотела поспешно закурить, но не могла никак найти спички на дне сумочки. Люцифер поднес к сигарете свой перстень. Мелания быстро смекнула и прикурила от него.

Едкий дым закружился в воздухе. Мелания закрыла глаза, пытаясь привести свои мысли в порядок. Люцифер с любопытством наблюдал за ней. Иногда он не мог понять, что именно привлекало его в этой девушке: ее хрупкость или внутренний огонь, который светился в ней.

— Ты часто куришь? — спросил Люцифер, причмокнув губами, подчеркивая тем самым легкую небрежность в голосе, и добавил: — Курить вредно.

Мелания издала легкий смешок и открыла глаза. Она медленно потянулась, чтобы подправить прическу. Ей не нравилось, когда на нее смотрят так пристально, но в его взгляде не было угрозы, только любопытство.

— Я курю редко, — ответила она, слегка улыбнувшись. — Благодарю за заботу. Просто ты мне столько всего поведал во время танца

— Прошу прощения за это, — пробормотал Люцифер.

В зале продолжала звучать музыка. Гости веселились, танцевали, громко смеялись. Свет свечей мерцал в ритме мелодий, создавая атмосферу праздника и беззаботности. Каждая улыбка, каждый танцевальный шаг отражали радость момента, подхватывая скользкие воспоминания о давно прошедших балах. Каждый миг дарил новые впечатления. Кто-то поднимал бокал за удачу, а кто-то тихо шептал свои мечты на ушко любимому человеку. Ночь продолжалась, и вместе с ней — жизнь, полная надежд и ожиданий.

Когда музыканты наконец-таки сделали паузу, гости слегка заскучали. Несколько мужчин в явно нетрезвом состоянии подошли к Мелании, восседавшей на своем троне. Они обратились к ней:

— Мелания Петровна, голубушка! Порадуйте нас своим райским голосом!

Мелания слегка напряглась. Она вопросительно взглянула на стоящего рядом Люцифера. Тот лишь пожал плечами.

— Просим! Просим! Просим! — не унимались гости, громко аплодируя.

Мелания неторопливо встала с кресла, поправила платье на груди и громко сказала:

— Ну что же! Я вам спою, если вы так этого желаете!

Чтобы обсудить песню, которую собиралась исполнить сейчас, она подошла к музыкантам. Они сидели за столом, загроможденным нотными тетрадами и музыкальными инструментами. Атмосфера была напряженной, но в то же время заряженной ожиданием. Никто даже представить себе не мог, что эта песня может стать переломным моментом в сегодняшнем вечере.

— Все хорошо с инструментами и нотами? — поинтересовалась Мелания, глядя на одного из музыкантов. — Мы не можем позволить себе ни одной ошибки. Эта мелодия должна звучать как сон. Мне нужно, чтобы вы почувствовали каждую ноту.

Музыканты по очереди кивнули, с пониманием глядя друг на друга. Они начали разогреваться, перебирая аккорды и настраивая инструменты.

Мелания прошла в центр зала и остановилась. Гости обступили ее кругом. Когда зазвучали первые звуки мелодии, все в зале стихло, и только пламена свечей чуть слышно потрескивали в своем неторопливом танце.

Мелания запела:

Уставшие нежные пальцы клавиш коснутся —

И грустные ноты любви заполнят весь зал.

Нам больше с тобой в них не окунуться,

Ведь поезд последний давно покинул вокзал.

Гости словно растворились в этом пении. Они впервые слышали эту песню, но не знали, что написана она будет только спустя сто лет.

— Что ж ты творишь?! — еле слышно произнес Люцифер. — Ведь я тебя предупреждал, что нельзя этого делать

Его глаза на мгновение вспыхнули изнутри ярким пламенем, а на губах застыла довольная улыбка.

Как только затихли последние аккорды песни, зал взорвался громкими аплодисментами. Гости рукоплескали Мелании. Она поклонилась. Ее лицо светилось радостью изнутри. Женщины в зале вытирали свои мокрые от слез глаза, а мужчины неустанно кричали:

— Bravo! Bravo! Bravo!

Музыканты заиграли мазурку, приглашая всех собравшихся вновь пуститься в пляс. Мелания подошла к своему трону и удобно расположилась на нем.

— Зачем ты это сделала? — встревожено спросил у нее Люцифер.

— Мне так захотелось, — ответила она, не поднимая глаз на Люцифера.

— Ты ведь понимаешь, что теперь должно произойти? — вновь спросил он, и этот вопрос повис в воздухе, который, как показалось Мелании, стал немного гуще и горячее.

Она молча смотрела на танцующих гостей, следя за каждым их движением. Люцифер же следил лишь за выражением ее лица. Он громко повторил свой вопрос:

— Ты понимаешь, что теперь произойдет?

Мелания посмотрела на Люцифера. Ее взгляд словно проник в глубину его глаз. Она произнесла:

— Да, я понимаю.

— Никто из этого зала не должен выйти живым, — пояснил он. — Если кто-то из присутствующих запомнит слова твоей песни, а тем более где-то споет их или запишет, то возникнет временной парадокс. Материя времени нарушится.

Мелания стала нервно поправлять прическу на голове.

— Чего ты хочешь от меня?! — воскликнула она. — Что сделано, то сделано!

Люцифер окинул взглядом танцующих гостей: они словно светились изнутри от счастья и беззаботности, танцуя мазурку.

— Ты не понимаешь, — произнес Люцифер, шагнув ближе. — Любая мелочь, любая деталь способны разорвать ткань реальности.

Мелания резко повернулась к нему, ее глаза сверкнули от ярости и страха.

— Так убей их всех! — пожелала она. — Убей всех собравшихся в этом зале! Мир станет только чище! Воздух станет чище! Среди этих людей нет ни одного порядочного.

— Ты и вправду этого желаешь? — удивленно спросил Люцифер.

— Желаю! — уверенно ответила Мелания.

Выражение ее лица стало каменным. Суэта вокруг не прекращалась, но Мелания словно оказалась в другой реальности, где торжественный праздник все больше нагнетал атмосферу. Внутри нее бушевали эмоции — гнев, страх, недоумение. Мелания чувствовала, как каждый удар сердца напоминал ей о том, что несколько мгновений назад все вокруг невидимым образом изменилось. Взгляд ее застыл в пустом пространстве; мысли метались, но слова не находили выхода. Но вдруг бой башенных часов словно вернул ее к реальности. Мелания слегка вздрогнула.

— Полночь, — пробормотала она себе под нос.

— Да, уже полночь, — согласился Люцифер.

— Я хочу, — монотонно произнесла Мелания, — чтобы все эти люди танцевали, не переставая! Чтобы кружились в танце, пока не упадут замертво!

Услышав эти слова, Люцифер громко усмехнулся.

— Я что-то не так сказала? — переспросила Мелания.

— Нет, — ответил Люцифер. — Просто для меня это довольно знакомая ситуация.

— Как так? — удивилась Мелания.

Люцифер осторожно присел на широкий подлокотник трона и склонился ближе к Мелании. Он негромко сказал:

— Лет четыреста тому назад в Римской империи несколько сотен человек пострадали от «танцевальной чумы».

Мелания посмотрела на Люцифера. От удивления ее левая бровь приподнялась. Он продолжал свой рассказ:

— Одна юная особа, вроде тебя, тогда пожелала таким образом известить ненавистных ей людей в городе. Горожане танцевали несколько дней без отдыха, не могли остановиться. Потом умирали. Доктора тогда делали много предположений о причинах такого явления, но разгадать эту загадку так никто и не смог. Да и вряд ли когда-то сможет

— Ну конечно же! — воскликнула Мелания. — Вряд ли кто-то решит, что это дело рук падшего ангела.

Люцифер слегка качал головой, продолжая свой рассказ:

— Танцевал почти весь город. Одержимых пытались лечить, запирали их в монастырях. В Средневековье, как никогда, верили в злых духов и ведьм.

— И чем все закончилось? — поинтересовалась Мелания.

Люцифер едва заметно вздохнул и сказал:

— Погибли не все. Та девушка в последний момент пожалела горожан. Их пляски прекратились. Сейчас некоторые ученые полагают, что эти танцы не были какой-то одержимостью или проделками темных сил, а считают, что горожане отравились спорыньей.

— Очень интересно, — пробормотала Мелания.

— Да, кстати, — добавил Люцифер, — это был лишь первый случай. Спустя столетие «танцевальная чума» еще несколько раз вспыхивала в Западной Европе.

— Благодаря тебе? — усмехнулась Мелания.

В этот момент она подняла глаза и увидела, как двери зала с грохотом захлопнулись. Люстры погасли. Огромный зал теперь освещался лишь таинственным светом свечей. Внезапный ледяной сквозняк пробежался по полу, коснувшись обнаженных ног Мелании.

Люцифер указал на дверь:

— Теперь никто не сможет выйти. Мы не можем рисковать.

Музыка стихла, и в нависшей тишине возник неприятный шепот, который постепенно усиливался. В воздухе витала угроза.

Гости пустились в пляс. Музыканты, отбросив свои инструменты, также принялись танцевать, а их инструменты, словно по волшебству, паря в воздухе, играли сами по себе, издавая странную мелодию. Клавиши пианино, будто одушевленные, прыгали и извивались в такт веселым ритмам. Чьи-то невидимые руки водили смычком по скрипичным струнам. Звуки лились, как водопад, заполняя каждый уголок зала. Гости закружились в танце, и их лица светились счастьем, наполняя атмосферу теплым сиянием. Официанты, оставив подносы с закусками, ловко маневрировали среди танцующих тел.

Музыка продолжала звучать, притягивая все больше людей, и вскоре, казалось, даже стены начали танцевать, отзываясь на незримые звуки. Гости смеялись. Они еще не понимали, что происходит.

Музыка звучала все громче, ее темп ускорился. Ускорялись и люди в танце. Горевшие в канделябрах свечи мерцали, словно светомызыка. Они то гасли, погружая зал во тьму, то снова ярко вспыхивали, освещая танцующую толпу. Мелания готова была поклясться, что в те малейшие доли секунды, когда свечи еще до конца не погасли, но еще и не вспыхнули, она видела среди танцующих безликие черные тени. Эти тени лишь отдаленно походили на человеческие силуэты. Когда свет свечей освещал пространство зала, никого постороннего в нем не было, но лишь только свечи гасли, как темные силы окутывали толпу, летали под потолком. Мелания поняла, что это те самые гости из другого мира, о которых как-то упоминал Люцифер. Но она также поняла, что для нее эти потусторонние гости не опасны, ведь они, как и сама Мелания, были на темной стороне.

Спустя несколько часов танцы стали сумбурными и больше походили на конвульсивные движения. Мужчины дергали руками и ногами уже вовсе не в такт звучащей музыке, на их лицах выступила испарина. Женщины с растрепанными прическами то истерично смеялись, то плакали, то звали на помощь. Их крики уже начинали заглушать громкую музыку. Женщины периодически падали, но снова вставали и продолжали танцевать.

— Они будут так танцевать несколько дней, пока не умрут, — сделав глоток шампанского из бокала, сказал Люцифер.

— Мы же не будем сидеть здесь столько дней и просто наблюдать?! — воскликнула Мелания. — Можно как-то ускорить все эти пляски?

— Ускорить? — переспросил Люцифер.

— Да, ускорить, — кивнула Мелания в его сторону. — Тебе же все под силу.

Люцифер отставил в сторону свой бокал и вытянул вперед правую ладонь. Через мгновение на ней появился золотой кинжал с черной рукоятью. Люцифер сделал несколько шагов вперед в сторону танцующей толпы и резким взмахом кинжала рассек воздух. Лезвие кинжала словно разрезало пространство зала пополам. В воздухе возник едва заметный разрез, напоминающий блеклый луч солнца.

— Что ты сделал? — спросила Мелания.

Люцифер ответил:

— Я рассек материю времени. Теперь для них и для тебя время будет течь с разной скоростью: для них пройдут несколько дней, а тебе покажется, что прошло всего несколько минут.

Мелания заметила, что люди за разрезом, сделанным Люцифером, стали двигаться быстрее. Она смотрела на них словно на какие-то кадры кинофильма, перематываемые невидимым киномехаником.

Мелания почувствовала, как внутри нее закипает смесь удивления и тревоги.

«Как это возможно?» — подумала она, не отрывая взгляда от мелькающих фигур людей, которые и не подозревали о своем странном положении. Их жесты, разговоры и смех раздавались как в ускоренной видеозаписи. Сердце Мелании колотилось, но внешне она сохраняла спокойствие, стараясь осмыслить происходящее.

Люцифер, наблюдая за ее реакцией, улыбнулся своей таинственной улыбкой.

— Это лишь одна из сторон моего могущества. Я даю возможность видеть, как жизнь быстро проходит мимо, когда ты сам остаешься в тени, — произнес он с некоторой долей гордости.

Мелания поняла, что он не просто манипулирует временем, но и играет с самой природой реальности. Вдруг она ощутила чувство вины. Эти люди, бесцельно бурлящие за гранью реальности, были близки ей, были частью ее мира.

«Может, они не должны так быстро проживать последние часы своей жизни?» — подумала Мелания. Но мысль о том, что она может менять границы реальности и времени, казалась ей очень сладкой.

Ночь за окнами сменилась днем, а спустя всего несколько минут солнце уже катилось к горизонту. Вновь наступила ночь. Так повторялось не один раз. Свечи в канделябрах таяли на глазах, затем снова вырастали и таяли вновь. Время словно сошло с ума. Даже обычные законы физики не действовали в этом огромном зале.

Ночь и день сменялись безжалостно быстро, и никто из танцующих в зале не знал, сколько времени он уже провел здесь. Свет гас, и зал окутывался мраком. Канделябры затихали, оставляя едва уловимые искорки света.

Люди продолжали танцевать. Их лица были искажены гримасами ужаса и боли. Они пронзительно кричали. Эхо их криков отражалось от стен. Танцующие уже больше походили на механических кукол, натянутых на нитки страха. Вокруг гуляли тени, навевая ужас и отчаяние. Некоторые пытались остановиться, прижав руки к ушам, но это лишь усиливало выражение их боли. Их глаза искали спасение, но его не было. Стены окружающего пространства дышали, впитывали эту агонию, отражая образы страдания в своих трещинах. Лишь одиночество и тьма оставались свидетелями этого безумия. Взгляды, полные отчаяния, встречались на мгновение, но потом снова ускользали.

Прошло еще немного времени. Мелания увидела, как некоторые женщины, не выдерживая этих мук, стали расцарапывать ногтями свои запястья и шеи. Они пытались хоть как-то остановить этот танец смерти. Но, истекая кровью, они просто падали на пол и оставались лежать неподвижно. Мужчины громко стонали, их ноги были стертые в кровь. Каждый их шаг оставлял на паркете кровавые следы.

Мелания не могла больше наблюдать за всем этим. Не в силах больше слышать эти истошные крики, она крепко зажала уши ладонями и зажмурила глаза. Она попыталась укрыться от безумия, которое разрывалось вокруг. С каждой секундой ее сердце колотилось все быстрее, словно желая вырваться из груди. Мелания знала, что не может оставаться здесь долго: стены этой комнаты, наполненные глухими криками, сжимали ее, словно тиски. Она вспомнила моменты, когда смех и радость наполняли ее жизнь, когда ее мечты казались реальностью, а не этим кошмаром.

Спустя несколько минут, собрав все свои силы, Мелания все же открыла глаза. Сколько на самом деле прошло времени, она не знала. Но мрак рассеялся. Никаких криков больше не было слышно. В зале воцарилась тишина. За окнами был красивый рассвет, который никто из танцевавших уже не увидит. Весь паркет в зале был устлан неподвижными телами. Все гости замертво уснули в неестественных позах.

Мелания медленно встала, пытаясь осознать произошедшее. Каждое тело вокруг нее когда-то было частью веселья, смеха, радости. Мелания старалась не смотреть на мертвецов, но взгляды их пустых глаз преследовали ее, словно призраки минувшего.

Люцифера поблизости не было. Тишина, окутывающая зал, была пугающей. Мелания вспомнила звучавшую музыку, танцы, улыбки гостей. Внезапно ее охватила паника. Ей нужно выбираться, нужно найти выход из этого кошмара. Мелания сделала шаг вперед. Она крепко сжала кулаки, ощущая, как поток энергии наполняет ее. Не спеша, но энергично, Мелания зашагала к выходу по залитому кровью паркету. Казалось, что шлейф ее красного платья оставлял за собой кровавую полосу на полу. Она старалась не задеть мертвые тела на своем пути.

На пороге Мелания остановилась, взглянула на рассвет за окном. Раньше она думала, что утренний свет — это надежда, но именно сейчас он выглядел холодным и беспристрастным, даже пугающим. За пределами этого страха находилась ее свобода. Мелания глубоко вздохнула и с решимостью в сердце шагнула навстречу своей новой жизни, осознавая, что лишь она контролирует свою судьбу. Двери зала распахнулись перед Меланией, и она вышла в коридор.

Спускаясь по ступенькам широкой лестницы, Мелания тешила себя мыслью о том, что теперь все эти люди перестанут существовать для окружающего мира, а вместе с ними — и их постыдные дела и поступки. По лицу Мелании вновь промелькнула тень. Цвет ее глаз стал еще темнее, превратившись в карий.[1] *Ma chère* (фр.) — Моя дорогая.

[2] *Merci* (фр.) — Благодарю.

[3] *Ma reine* (фр.) — Моя королева.

[4] *Oui* (фр.) — Да.

ГЛАВА 9. ДОКТОР КАЛИНИН

Сентябрь 1924 года. Ленинград.

Острая боль в горле разбудила Меланию ранним осенним утром. Она попыталась сглотнуть слюну, и в горле словно вспыхнул огонь. Глаза невольно заслезились. Мелания поняла, что заболевает.

Она медленно поднялась с кровати, ощущая слабость во всем теле. Вчерашний пронизывающий ветер во время прогулки по парку, видимо, сделал свое дело. Она накинула теплый халат и направилась на кухню.

— Дуняша, — обратилась хриплым голосом Мелания к кухарке, — дай мне горячего чая с медом!

— Мелания Петровна, — с сожалением посмотрела женщина на свою молодую хозяйку, — неужто разболеться решили?

— Наверное, — прохрипела Мелания. — Я пыталась тебя из комнаты кликнуть, но голоса не хватило.

Дуняша отставила в сторонку кастрюлю с горячим супом и сказала:

— Ступайте к себе! Я сейчас Вам в постель все принесу.

Мелания неспешно побрела к себе в комнату. Все тело ломало, в голове стоял непонятный шум. Мелания вошла в комнату и улеглась под теплое одеяло.

— Люцифер, — тихо позвала она.

Но на этот раз мужчина во фраке не предстал перед ней. Срывающимся голосом Мелания повторила настойчивее:

— Люцифер! Люцифер!

В коридоре послышались торопливые шаги.

— Наконец-то! — воскликнула она. — А то я уже умираю!

Однако в комнату вошел не Люцифер. Это была Дуняша. Она держала в руках кружку горячего чая с медом. Кухарка улыбнулась и сказала:

— Бегу, хозяйшкa, уже бегу!

Мелания взяла кружку с чаем и стала пить маленькими глотками. Она не понимала, почему Люцифер не является к ней.

— Попейте чай, — сказала Дуняша, — а потом нужно немного поспать, чтобы хворь вышла.

Мелания сделала еще глоток и приказала кухарке:

— Дуняша, закрой балкон и задерни шторы. Сквозит сильно.

Кухарка все послушно исполнила.

— Дождь с самой ночи, — пробормотала она себе под нос, задерживая шторы. — И сырость такая на улице.

— Иди, Дуняша, — сказала Мелания. — Я еще посплю.

Кухарка вышла за дверь. Мелания сделала еще несколько глотков чая, поставила чашку на столик и, укутавшись с головой в одеяло, уснула.

Проспав еще несколько часов, Мелания наконец проснулась. По крыше стучал дождь. Тяжелые капли барабанили по черепице, создавая монотонный, успокаивающий ритм. В комнате было сумрачно, хотя за окнами уже давно наступил полдень.

Мелания медленно приподнялась и села на край постели, кутаясь в одеяло. Ноги коснулись прохладного пола. Мелания зябко поежилась. После чая с медом боль в горле стала не

такой сильной, но озноб так и не прошел. Взгляд Мелании скользнул по комнате. Все было на своих местах: старый комод, заваленный книгами, кресло-качалка у окна, трюмо с зеркалом. Вокруг был привычный порядок, который, казалось, совсем не соответствовал ощущению внутренней тревоги, не покидавшей Меланию. Ее мучил всего один вопрос. Она не могла понять, почему Люцифер не пришел по ее зову.

«Вероятно, у него какие-то важные дела», — мысленно предположила Мелания.

Она встала и подошла к окну. За мутным стеклом простирался серый, размытый пейзаж. Дождь лил, не переставая.

Вдруг на трюмо, среди пузырьков с духами, Мелания заметила большой лист бумаги, свернутый пополам. Она поспешно развернула записку:

Дорогая Мелания! Я знаю, что ты неважно себя сегодня чувствуешь. Я бы с радостью пришел к тебе на помощь, однако у меня возникли неотложные дела. Настоятельно рекомендую тебе показаться врачу. Его зовут Михаил Алексеевич Калинин. Он врач частной практики. Замечательный специалист. Я уже сообщил его адрес твоему водителю. Он тебя отвезет. Люцифер P.S. Да, и не забудь взять с собой зонтик.

— Превосходно! — недовольно воскликнула Мелания. — Он издевается что ли?! Путешествовать в будущее он может, а боль в горле вылечить — нет!

Уже через час Мелания стояла у большого дома, облицованного серым камнем. Это был дом доктора, о котором писал в своей записке Люцифер. Фасад дома дышал сдержанной монументальностью. Лишенный вычурных украшений, он выражал суровую эстетику. Большие прямоугольные окна, обрамленные лаконичными наличниками, смотрели на улицу с невозмутимым спокойствием. Отсутствие балконов и эркеров подчеркивало функциональность постройки. Скромный карниз, отделявший фасад от крыши, вносил некоторое разнообразие в монотонность серого камня. Тяжелые, окованные железом двери вели во внутренний двор.

Мелания закрыла свой маленький пестрый зонтик и шагнула по направлению к входной двери. Во дворе никого не было. Мелания постучала в дверь, но ей никто не ответил. Она постучала снова, более настойчиво. За дверью послышались шорохи, дверные петли слегка скрипнули, и на пороге возникла фигура пожилой женщины. Ее худощавое лицо выражало некую тревогу, а глубоко посаженные глаза смотрели с недоверием.

— Вам чего? — проскрипела она, словно давно не пользовалась голосом. — Что барабанить-то?! Я не глухая!

В руках женщина держала старую вязальную спицу, как будто это оружие могло защитить ее от внешнего мира. Мелания слегка поежилась от пронизывающего взгляда.

— Простите, пожалуйста, доктор Калинин здесь живет? — спросила она, стараясь говорить спокойно и доброжелательно.

Пожилая женщина продолжала сверлить ее взглядом и не спешила отвечать. Наконец она кивнула и отступила вглубь темного коридора.

— Проходите, он Вас ждет, — вновь проскрипела женщина.

Мелания переступила порог. В доме пахло спиртом и еще чем-то терпким, неуловимо знакомым и тревожным. Воздух казался сгустившимся, тяжелым, словно нависшее предгрозые.

В просторной гостиной царил полумрак, шторы были плотно задернуты. Высокие потолки с лепниной, словно кружево, придавали особый шарм внутреннему убранству. Свет ламп играл на паркете из темного дерева. У стены располагался небольшой камин из мрамора, над которым висело большое зеркало в резной раме, отражая приглушенный свет от абажуров. На стенах висели картины в изящных рамах, изображающие пейзажи и натюрморты. По углам стояли высокие торшеры с шелковыми абажурами, создавая уютную атмосферу.

— Хватит глазеть-то! — пробормотала женщина и потянула Меланию за собой в следующую комнату.

Запах спирта и лекарств усиливался с каждым шагом. Откуда-то из глубины послышался низкий мужской голос:

— Анюта, кто там?

Шмыгая ногами по полу, женщина проскрипела чуть громче обычного:

— Пациентка, доктор.

Она остановилась у приоткрытой деревянной двери и жестом указала Мелании на вход. Мелания толкнула дверь. Перед ней был кабинет. Он больше походил на кабинет врача, только вместо привычного запаха лекарств в воздухе витал приторно-сладкий аромат, напоминающий переспелые фрукты и старые розы. Комната была хорошо освещена: свет лился из окон и падал с потолка. Полированный стол у окна был завален бумагами, а высокий стеллаж — доверху забит книгами в кожаных переплетах.

Мелания нерешительно вошла, ступая мягко, словно боясь нарушить тишину. По углам комнаты, в тени, угадывались смутные очертания каких-то предметов — то ли чучела животных, то ли мраморные бюсты. Внутри кабинета стало душно, и запах казался еще более навязчивым, словно пытался проникнуть под кожу. Мелания отложила в сторону зонтик и подошла к письменному столу. На нем лежал раскрытый толстый том, испещренный непонятными символами. Рядом — серебряный нож для писем, тускло поблескивающий в свете ламп. Мелания потянулась к нему, но в этот момент из-за спины донесся тихий голос, заставивший ее отдернуть руку.

— Мелания Петровна! Я ждал Вас.

Мелания обернулась. Перед ней стоял высокий мужчина в сером костюме из дорогой ткани. На вид ему было около тридцати лет. Его темно-русые волосы, выщипанные у висков, были слегка взъерошены, словно он только что встал с постели, а глаза, цвета неба в ясный день, смотрели на нее с какой-то странной смесью любопытства и почтения.

Широкие плечи мужчины свидетельствовали о развитой мускулатуре. Его плавные движения выдавали уверенность. Легкая небритость лишь подчеркивала его мужественность и брутальность. Тонкий прямой нос добавлял аристократизма, а чувственная линия губ обещала тепло и страсть. В его чертах читалась не только физическая красота, но и внутренняя сила, достойная восхищения.

Сердце Мелании забилося быстрее. Этот взгляд, эта фигура — что-то в них казалось знакомым, но память упорно молчала. Мелания судорожно пыталась вспомнить, где могла с ним пересекаться, но в голове была лишь пустота. Что-то подсказывало ей, что эта встреча не случайна.

Она, запинаясь, произнесла:

— Ждали Меня?

Мужчина слегка улыбнулся, и от этой улыбки по коже Мелании пробежали мурашки.

— Простите, что напугал, — произнес он тихим, хриловатым голосом. — Просто я немного зачитался.

Мужчина прошел к окну и сел за письменный стол. Он пристально посмотрел на Меланию и произнес:

— Да, ждал Вас. Вы же были записаны ко мне на прием на это самое время.

— Я? — бормотала Мелания. — Записана?

— Ну да, — кивнул мужчина.

Мелания не понимала, почему ее движения и речь были скованны в присутствии этого мужчины. Она попыталась сбросить с себя оцепенение и, расправив плечи, подошла к столу и уселась напротив доктора.

— Ну, значит, записана, — утвердительно сказала Мелания.

Доктор слегка улыбнулся и представился:

— Меня зовут Михаил Алексеевич. Не смотрите, что я так молод. Я уже несколько лет успешно практикую.

— Я Мелания, — слышалось в ответ.

— Так я знаю прекрасно, что Вас зовут Мелания Никитина, — сказал доктор. — Бывал на Ваших концертах не раз.

— И как Вам? — выпалила Мелания.

— Восхитительно! — оживился доктор. — Вы прекрасно поете!

— Благодарю, — смущаясь, сказала Мелания.

Доктор потер свои ладони и громко спросил:

— Так что Вас беспокоит? С какой жалобой Вы ко мне?

Мелания откинулась на спинку стула и ответила:

— С самого утра болит горло, голос хриплый, да и лихорадит.

— Давайте пройдем туда, и я Вас осмотрю, — указал доктор рукой куда-то в сторону.

Он встал и направился к двери, находившейся в глубине кабинета. Мелания проследовала за ним. Она обронила на ходу:

— Голос не слушается, а у меня через три дня концерт.

Доктор открыл дверь и вошел в комнату. Мелания шагнула за ним. Эта комната выглядела как врачебный кабинет в больнице: белые стены, стерильный запах антисептика и холодный свет люминесцентных ламп. У стены стоял металлический стол, на поверхности которого были медицинские инструменты и какие-то склянки. Рядом — высокий стул, обтянутый искусственной кожей.

Михаил прошел к окну, за которым сквозь дождевые капли виднелся серый пейзаж. Он не оборачивался.

— Присаживайтесь, — бросил он через плечо, указывая на стул.

Мелания неуверенно подошла к стулу и села. Она чувствовала, как сердце бешено колотится в груди, но старалась не показывать страх. С самого детства Мелания боялась врачей. А когда Михаил надел белый халат и перчатки, ее ладони и вовсе покрылись холодным потом.

Доктор обернулся. Заметив в его глазах тепло и сочувствие, Мелания немного успокоилась.

— Ну, раз концерт через три дня, значит, будем смотреть, что с Вами не так, — сказал он и подошел к столу с инструментами.

Взяв стерильный шпатель, Михаил присел напротив Мелании и попросил ее широко открыть рот и высунуть язык. Она подчинилась. Доктор шпателем прижал ее язык к нижним зубам и внимательно осмотрел горло.

— Так-так, — пробормотал он, затем надел на голову рефлектор и еще раз осмотрел горло.

Ощувив, что шпателя во рту больше нет, Мелания поспешила спросить:

— Ну что там, доктор?

— Горло красное, воспаленное, — констатировал Михаил. — Давайте-ка измерим температуру.

Он протянул Мелании градусник. Та сунула его подмышку и прижала рукой.

— Немного подождем, — сказал доктор. — А пока осмотрю Вашу шею на предмет высыпаний.

Он осторожно коснулся шеи Мелании за ухом, слегка откинув в сторону прядку рыжих волос, провел пальцем вниз, к ключице. Затем повторил то же самое с противоположной стороны.

Мелания вздрогнула, но не отстранилась. Ее дыхание стало прерывистым. Она закрыла глаза, чувствуя, как легкое покалывание пробегает по коже от этих прикосновений. В воздухе повисло напряжение, сотканное из кусочков каких-то ожидания и легкой страсти.

Михаил наклонился ближе, его губы почти коснулись ее плеча. Мелания ощутила его прерывистое дыхание, обжигавшее ее кожу. Она наклонила голову, позволяя доктору продолжить осмотр. Его пальцы замедлились, исследуя каждый изгиб ее шеи, каждый бугорок ключицы.

— Все в порядке, — почти шепотом произнес доктор, но Мелания почувствовала вибрацию его голоса всей кожей.

Она резко повернула голову. Лицо Михаила оказалось так близко, что в его глазах она смогла увидеть отражение своего желания, своей уязвимости. В этот момент мир сузился до них двоих, до тепла его рук и трепета ее сердца. Все остальное перестало существовать.

Опомнившись, доктор отпрянул в сторону и смущенно улыбнулся. Он встал и подошел к окну, делая вид, что что-то ищет, но Мелания поняла, что дело было вовсе не в этом. На пару минут в комнате повисла тишина.

— Тридцать семь и три, — тихо произнесла Мелания, глядя на градусник в своей руке.

— Да? — изумился Михаил и, подбежав к Мелании, выхватил градусник из ее рук.

— И правда, — глядя на градусник, пробормотал он себе под нос. — Значит, лихорадит. Мелания внимательно наблюдала за доктором. Она ждала, когда же наконец и какой диагноз он ей поставит.

— Ну-ка, — скомандовал доктор, — покажите мне свои руки!

Мелания слегка вытянула руки вперед. Михаил коснулся ее ладоней, внимательно осматривая их. Затем сказал:

— Высыпаний на руках тоже нет. Это хорошо. Полагаю, что у Вас простая ангина.

Мелания с облегчением выдохнула.

— Я пропишу Вам микстуру, — произнес Михаил, глядя на нее. — По пути купите в аптеке.

Мелания кивнула. Доктор скинул халат, снял перчатки и направился к двери, обронив:

— Пойдемте со мной!

Мелания проследовала за Михаилом. Они вернулись в кабинет. Усевшись за письменный стол, доктор стал что-то писать на листке бумаги. Мелания сидела напротив и молча ждала.

— А что у Вас за ожог на ладони? — внезапно, не отрываясь от письма, спросил Михаил.

Мелания слегка растерялась. Она не знала, что ответить, ведь вряд ли кто-то поверит в то, что это клеймо — свидетельство ее сделки с Люцифером.

— Да так, — пробормотала Мелания. — Обожглась еще в детстве.

Михаил оторвал взгляд от листка бумаги и посмотрел на нее. В его взгляде читалось легкое недоверие.

— Вот, — протянул он ей рецепт на микстуру. — Принимать каждые четыре часа.

— А голос восстановится? — поинтересовалась Мелания.

Михаил кивнул:

— Да, через пару дней. Это очень хорошее средство.

Мелания взяла рецепт из руки доктора и, поблагодарив его, направилась к двери. Внезапно Михаил окликнул ее:

— Мелания!

Она резко обернулась. Доктор смотрел на нее, улыбаясь.

— Вы забыли свой зонтик, — произнес он.

— Благодарю, — сказала Мелания и, вернувшись, взяла свой зонт со стола.

Она направилась к двери, но вновь остановилась. Обернувшись, спросила:

— Сколько я Вам должна за прием?

С серьезным выражением лица Михаил ответил:

— За все уже уплачено.

— Хорошо, — кивнула Мелания. — До свидания, доктор.

— Всего хорошего! — послышалось в ответ.

Мелания вышла из кабинета и захлопнула за собой дверь. Ее мысли по какой-то причине путались. Казалось бы, обычный прием у доктора, но что-то в его словах и действиях заставило ее сердце забиться чаще.

— Закончили? — проскрипела Аня откуда-то из-за угла.

Мелания слегка вздрогнула. Женщина как будто поджидала ее у выхода.

— Я сама найду дорогу! — почти криком выпалила Мелания и быстро зашагала к выходу.

* * *

Последние лучи уходящего за горизонт солнца мягко касались поверхности земли, водной глади Невы. Мелания стояла на мосту. Легкий ветерок играл с ее золотистыми локонами. Мелания чего-то ждала. На душе было приятное волнение, в руках — легкая дрожь. На другом конце моста возникла фигура Григория. Он, улыбаясь, шагал бодрой походкой навстречу Мелании. Его лицо светилось счастьем и любовью. Парень подошел ближе и вытянул вперед руки, чтобы обнять свою возлюбленную. Но в один миг его клетчатая рубашка превратилась в белый медицинский халат, а лицо Григория вдруг приобрело черты доктора Калинина.

В этот момент Мелания проснулась. Поняв, что это всего лишь сон, она с облегчением выдохнула. На дворе уже было утро. Тучи рассеялись. Вчерашний дождь сменило яркое осеннее солнце, лучи которого стремительно проникали сквозь оконные рамы.

— Дурной сон? — прозвучал тихий мужской голос где-то совсем рядом, что Мелании даже показалось, что этот вопрос прозвучал в ее голове.

Она резко обернулась и увидела Люцифера, сидящего в кресле у кровати. Он сидел в белом фраке, закинув ногу на ногу.

— Ты испугал меня! — взвизгнула Мелания. — Этот сон — твоих рук дело? Почему мне такое снится?

— Не могу знать, — ответил мужчина во фраке. — Сон — это плод твоего воображения, а не моего.

— Ну конечно, — пробормотала Мелания и, накинув на плечи красный халат, встала с постели.

Боль в горле она больше не ощущала. Лихорадки в теле не было.

Мелания подошла к балкону и раздёрнула шторы. Солнечный свет стремительно заполнил пространство комнаты.

— Я тут умирала без тебя, — пожаловалась Мелания. — А тебя не дозовешься!

Люцифер усмехнулся:

— Подумаешь, ангина! Тоже мне, смертельная болезнь!

Мелания смотрела на Люцифера, сверля его взглядом. Она сказала:

— Я певица! Для меня голос — это все!

Люцифер встал с кресла и развалистой походкой подошел к окну, сказав:

— Прошу прощения! Твой голос уже в порядке. Я все понимаю, но мне необходимо было решить срочные вопросы.

— Проблемы с пытками в Аду? — сыронизировала Мелания.

— Не совсем, — объяснил Люцифер. — Проблемы бытия человеческого.

— Даже так?! — не унималась Мелания. — А если мне в следующий раз понадобится твоя помощь в самый важный момент жизни, а тебя не окажется рядом? Что тогда мне делать? Если, к примеру, от этого будет зависеть моя жизнь? Я думала, что наша сделка подразумевает всякую помощь в любой момент времени.

— Я попросил прощения, — более серьезным тоном сказал Люцифер.

Его глаза блеснули, а скулы напряглись. Мелания поняла, что ей не следовало таким тоном разговаривать с самим повелителем Ада. Мелания попыталась снизить градус напряжения в разговоре:

— Я уже здорова. А почему именно доктор Калинин? Ты так грамотно устроил мне прием: водитель знал адрес, я была там записана в нужное время, да и за услуги доктора уже было уплачено.

Люцифер слегка покачал головой и сказал:

— В городе все в восторге от этого доктора. Я слышал много похвалы в его адрес. А тебе был нужен самый лучший

Разговор в спальне прервала Дуняша. Она неожиданно вбежала в комнату со словами:

— Хозяйка, не жар ли у Вас снова? Сами с собой разговариваете.

Мелания резко повернулась к двери и выпалила в сторону Дуняши:

— Я не сама с собой разговариваю! Разве не видишь, я тут с

Она не закончила фразу, так как, повернувшись к окну, где секунду назад стоял Люцифер, она никого не увидела. Люцифер словно растворился в воздухе.

Дуняша с удивленным лицом смотрела на свою хозяйку. Та, немного замешкавшись, про-
бормотала:

— Чего тебе? Прибежала как бешеная! Что случилось-то?

— К Вам гости, — пояснила Дуняша. — Хотят Вас видеть.

— Кто еще? — недовольным голосом спросила хозяйка.

— Представился доктором Михаилом Алексеевичем, — ответила Дуняша.

Услышав это имя, Мелания напряглась, как струна. Кровь прилила к лицу.

— Михаил Михаил Алексеевич — бормотала она, мечась по комнате в поисках одежды.

— Скажи ему, я скоро спущусь.

Наспех собрав растрепанные после сна волосы в прическу и надев длинное коричневое платье с кружевной отделкой, Мелания спустилась по лестнице и прошла в гостиную. В строгом темно-синем костюме на диване сидел доктор Калинин. Он внимательно рассматривал внутреннее убранство комнаты, держа в руках небольшой бумажный пакет.

— Доброе утро, доктор! — поприветствовала гостя Мелания.

Доктор встал с дивана и сделал несколько шагов в ее сторону, сказав:

— Доброе утро, Мелания Петровна!

— Что-то случилось? — поинтересовалась Мелания. — Что Вас привело ко мне?

Она опустилась на диван, доктор присел рядом. Он ответил:

— Нет, ничего не случилось. Вот, решил навестить Вас, узнать, как Ваше самочувствие.

— Благодарю, — сказала Мелания. — Сегодня я уже в полном порядке. Микстура Ваша помогла.

— Превосходно! — воскликнул Михаил и протянул Мелании бумажный пакет. — Это настойка эхинацеи. Принес для Вас. Очень хорошо укрепляет иммунитет. Принимать нужно во время еды.

Мелания взяла из рук доктора пакет и заглянула в него. Внутри лежало несколько пузырьков с лекарством.

— Большое спасибо! — поблагодарила она и положила пакет на столик. — Вы обо всех своих пациентах так печетесь?

Этот вопрос застал доктора врасплох. Его взгляд потупился.

— Нет, — прерывисто ответил Михаил. — Только о некоторых.

Мелания хотела улыбнуться, но пересилила себя. Она громко крикнула:

— Дуняша!

В гостиную вбежала запыхавшаяся кухарка. Она спросила:

— Что угодно?

— Принеси-ка нам чаю да шоколадный пирог! — приказала Мелания, затем обратилась к гостю. — Вы же не спешите?

Михаил замотал головой.

— Ну вот и отличненько! — сказала Мелания. — Дуняша печет превосходные шоколадные пироги.

— Не сомневаюсь, — улынулся доктор.

— А как у Вас обстоят дела? — поинтересовалась Мелания. — Много больных нынче?

Усевшись поудобнее, Михаил ответил:

— Все как всегда. Люди болеют. Людям свойственно болеть.

— А Вы сами болеете? — вдруг спросила Мелания.

Доктор усмехнулся:

— Конечно! Я ведь тоже человек!

— Я просто в детстве полагала, что доктора никогда не болеют, — рассмеялась Мелания. — Ведь они должны лечить, а не болеть.

— Теперь-то Вы так не считаете? — сыронизировал доктор.

— Ну конечно же нет! — воскликнула Мелания.

В гостиную вошла Дуняша с подносом. Она аккуратно поставила на столик у дивана две чашки с чаем и тарелку с кусочками шоколадного пирога.

— Приятного аппетита! — пробормотала кухарка и удалилась.

— Угощайтесь! — сказала Мелания и, взяв в руку чашку с чаем, протянула ее гостю.

— Спасибо, — обронил он и взял чашку из рук хозяйки.

Мелания взяла другую чашку и, сделав глоток, отставила ее в сторону со словами:

— Горячо!

— Для Вашего горла горячее сейчас также вредно, как и холодное, — констатировал Михаил.

— Значит, подожду, пока остынет, — сказала Мелания.

Михаил взял с тарелки кусок пирога и откусил.

— Изумительно! — воскликнул он. — Как из кондитерской!

— Намного вкуснее, чем в кондитерской! — не согласилась Мелания.

Михаил улыбнулся.

— Ваш голос стал возвращаться? — поинтересовался он.

— Думаю, что да, — кивнула Мелания. — Разговаривать стало значительно легче.

— Вот и отлично, — произнес доктор и сделал еще один глоток чая.

— Концерт уже совсем скоро, — пояснила Мелания. — Надеюсь, все обойдется.

— Непременно, — согласился Михаил.

— Вы придете на мой концерт? — как бы вскользь спросила Мелания, не поднимая глаз на собеседника.

— Обязательно приду! — сказал доктор. — Я уже видел афиши по городу.

— Буду Вас ждать, — тихо проговорила Мелания, словно смущаясь.

Михаил с нежностью посмотрел на нее. Их взгляды встретились. На мгновение мир вокруг перестал существовать, оставив только их двоих в этом интимном пространстве. Михаил протянул руку и коснулся запястья Мелании. Легкое прикосновение было похоже на дуновение ветерка, но от него по телу пробежала дрожь. В пальцах Михаила она ощутила тепло, заботу.

— И пойте тоже только для меня! — шепнул доктор.

Мелания почувствовала, как кровь прилилась к голове. Щеки стали наливаться румянцем. Казалось, еще чуть-чуть — и Михаил это заметит. В горле пересохло. Мелания отдернула

руку и, схватив чашку чая со стола, стала жадно пить. Почувствовав неловкость, Михаил резко встал, отставив свою чашку в сторону.

— Теперь мне пора, — сказал он. — Больные ждут.

Мелания тоже встала с дивана и предложила:

— Давайте я Вас провожу.

Доктор кивнул. Вместе они направились к выходу.

Настал вечер концерта. Мелания вышла на сцену. Зал замер, утонув в полумраке, пронзаемом лишь светом ламп, направленных на хрупкую фигуру в мерцающем голубом платье. Тишина была столь плотной, что казалось, можно было услышать биение сердец сотен зрителей, затаивших дыхание в ожидании первого звука.

Мелания подняла руку, давая знак дирижеру. Палочка взметнулась, и оркестр, словно проснувшись, наполнил пространство первыми аккордами. Мощный звук волной прокатился по залу, окутывая каждого слушателя. Мелания вдохнула, и ее голос, чистый и сильный, взлетел над оркестром, рассказывая историю, полную страсти и боли, любви и надежды.

Каждая нота, каждое слово были прочувствованы, прожиты ею заново. В глазах ее отражался свет рамп, но в них же читались и воспоминания о прошлом, о тех моментах жизни, которые вдохновили ее на эту музыку. Зал слушал заворожено, забыв обо всем на свете.

Среди сотен пар глаз, пристально следивших за ней из зрительного зала, Мелания искала лишь одну — ту, которая принадлежала доктору Калинин. Мелания искала, но не могла отыскать.

«Вероятно, не пришел», — проскользнула в ее голове мысль.

Когда концерт закончился, зал взорвался бурными аплодисментами. Звук был оглушительным, поскольку сотни сердец одновременно изливали свою благодарность. Мелания на сцене, утомленная, но сияющая, принимала овации, кланяясь и улыбаясь публике. В воздухе витало ощущение праздника и единения.

Люди не спешили расходиться. Они не желали расставаться с этой волшебной атмосферой. Некоторые кричали «браво», другие аплодировали стоя, а третьи, смахнув слезы радости, делились впечатлениями друг с другом. Энергия, исходящая от сцены, все еще пульсировала в воздухе, создавая неповторимую связь между исполнительницей и слушателями.

Медленно, но верно толпа начала двигаться к выходу, унося с собой частичку этого прекрасного вечера. Мелания прошла за кулисы и направилась к грим-уборной. Внезапно за ее спиной раздался низкий мужской голос, такой уже знакомый и близкий:

— Поздравляю! Потрясающий концерт!

Мелания обернулась на голос и увидела перед собой Михаила. Он был одет в серый твидовый костюм. В руках он держал букет ярко-красных роз.

Мелания, находясь в легкой растерянности, улыбнулась, пробормотав:

— Спасибо.

Михаил протянул ей букет со словами:

— Эти розы для Вас!

— Ой, спасибо, — залепетала Мелания. — Я обычно цветы с концертов оставляю в грим-уборной. Работники растаскивают их потом по домам. Но этот букет я непременно заберу с собой.

Михаил подошел чуть ближе к Мелании и тихо спросил:

— Позвольте проводить Вас до дома?

— Так меня же водитель ждет! — воскликнула Мелания, но тут же добавила: — Хотя я могу его отпустить и прогуляться с Вами по вечернему городу.

— Тогда жду Вас у выхода, — сказал Михаил и, развернувшись, быстро зашагал по коридору.

Мелания и Михаил неспешно шли вдоль набережной, наслаждаясь прогулкой.

Осенний Ленинград уже окутал вечер. Золото листвы, тронутой багрянцем, отражалось в свинцовых водах Невы. Ветер с залива приносил терпкий запах влажной земли и дым костров, разжигаемых в парках. Фонари, словно янтарные бусины, низались вдоль набережной, отбрасывая дрожащие блики на гранитные парапеты. Сквозь туманную дымку проступали силуэты зданий — строгие, величественные, молчаливые свидетели истории. В окнах домов теплился свет, манящий уютом. На мостах зажигались огни, превращая их в сказочные переправы между реальностью и волшебством.

Город замер в преддверии ночи, укутанный в шаль осенней меланхолии. Тихий плеск речных волн, приглушенные звуки города, шепот ветра в кронах деревьев — все сливалось в симфонию уходящего дня.

— Вам не холодно? — спросил Михаил.

— Не холодно, — ответила Мелания и добавила: — Давайте уже перейдем на «ты»!

— Не возражаю, — поддержал ее предложение Михаил.

— Такой чудный вечер! — произнесла Мелания. — Тихий, спокойный. Вовсе и не похоже, что впереди зима.

— Это правда, — согласился Михаил.

Они присели на скамейку под старым каштаном.

— Не желаешь мороженого? — поинтересовался Михаил, увидев неподалеку тележку с мороженым.

— Можно, — ответила Мелания.

Михаил вскочил со скамейки и направился в сторону тележки, но, сделав всего пару шагов, остановился. Он с досадой посмотрел на Меланию и сказал:

— Я забыл, что у тебя ангина была недавно. Тебе нельзя

Мелания махнула рукой:

— Да уже все в порядке! Можно! Я буду кушать аккуратно.

— Ну хорошо, — согласился Михаил.

Он направился к тележке. Мелания выкрикнула ему вслед:

— Лимонное, если можно!

Минуту спустя Михаил принес два мороженных: лимонное для Мелании и клюквенное для себя. Жадно поедая свое мороженое деревянной палочкой, Мелания слегка откинула голову назад, сказав:

— Я сегодня так счастлива! Концерт прошел великолепно! И голос отлично звучал.

— Полностью согласен, — кивнул Михаил.

— Скажи, а кто та женщина в твоём доме? — любопытничала Мелания, вспомнив свой визит в дом доктора. — Анюта, кажется.

— Да, Анна Алексеевна, — ответил Михаил. — Я зову ее Анютой.

— Она твоя домработница? — спросила Мелания. — Неприветливая она какая-то

— Да нет! — отмахнулся Михаил. — Она чудесная женщина. Добрая. Она очень дорога мне. Без дела сидеть не может, поэтому стала вроде как моей личной помощницей. Да и по дому все заботы на ней.

— Она твоя родственница? — вновь спросила Мелания.

— В каком-то роде, — ответил Михаил. — Она стала для меня всем после того, как я потерял память

— Потерял память? — перебила его Мелания. — Расскажи!

Михаил опустил глаза. Казалось, ему неприятна эта тема разговора. Но все же, немного помолчав, он начал свой рассказ:

— В начале Первой мировой я получил ранение головы. Пришел в себя в полевом госпитале. Первые дни были, как в тумане. Потом понемногу стал приходить в себя. Анята была в госпитале санитаркой, ухаживала за мной, перевязывала раны. Она верующая женщина. Молитвами вытащила меня с того света Но, окрепнув, я так и не смог вспомнить, кто я и откуда

Михаил сделал небольшую паузу, вздохнул и продолжил:

— Анята, Анна Алексеевна, всегда была рядом со мной. Она понимала, что назад на фронт мне нельзя, а идти-то мне было некуда. Вместе с ней на поезде мы вернулись в тогда еще Петроград, в ее небольшую квартирку на окраине. Анята пеклась обо мне, как родная мать. Ведь своих детей ей Бог не дал

Михаил снова запнулся, посмотрел куда-то вдаль. Слегка дрожащим голосом он продолжил:

— Там, в госпитале, я понял, что хочу стать врачом и тоже помогать людям. Ведь кем я был до этого, я не помнил. Не знаю даже сейчас, сколько мне на самом деле лет. Так вот, здесь я окончил курсы, стал врачом. Профессия эта мне по душе. Анна всячески меня поддерживала: давала кров, пропитание, помогала с учебой. Позднее я стал практиковать. Пациентов было много. Со временем появились кое-какие сбережения, и мы купили у одного купца этот самый дом. Так и живем. Я многим обязан Аняте. По сути, она — моя семья.

Мелания внимательно слушала рассказ доктора, что даже забыла про свое лимонное мороженое. Когда Михаил замолчал, она спросила:

— Ты и теперь не помнишь, кто ты?

— Нет, не помню, — замотал головой Михаил.

— Удивительно, — пробормотала Мелания. — Но свое имя ведь ты вспомнил

Михаил слегка оживился. Он пояснил:

— Нет, я так и не вспомнил свое имя. Фамилию и отчество взял, как у Аняты. А вот с именем была другая история

— Расскажи! — попросила Мелания.

— Проведя несколько дней в госпитале, — начал Михаил, — я увидел странный сон. Точнее, даже не увидел, поскольку было такое ощущение, что глаза во сне были чем-то завязаны. Но я услышал громкий мужской голос, будто в своей голове. Он звал меня Михаилом. И, видимо, я сквозь сон бормотал это имя. А санитарки услышали и решили, что так меня зовут. Ну, может, это действительно так.

Михаил немного помолчал, затем предложил:

— Так, может, теперь ты расскажешь мне о себе?

Мелания понимала, что если сейчас расскажет о себе всю правду, то Михаил вряд ли захочет продолжать общение с ней, а врать, глядя в эти голубые глаза, ей почему-то не хотелось.

— Поздно уже, — сказала Мелания. — Расскажу в следующий раз. Обязательно.

Ночь уже всю окутала город своей чернильной паутиной, когда Мелания, держа в руках букет роз, в сопровождении Михаила подошла к воротам своего дома.

— Ну вот и пришли, — улыбнулась она.

— Да, пришли, — подтвердил Михаил.

— Нужно прощаться — шепнула Мелания.

— Нужно, — шепнул Михаил в ответ, — но так не хочется

Он слегка приблизился к Мелании и, взяв ее хрупкую ладонь в свои крепкие руки, сказал:

— Давай встретимся снова.

— Давай, — улыбнулась Мелания.

Михаил поднес ее руку к своим горячим губам. Ее кожа пахла садом после дождя, легким, едва уловимым ароматом. Он прикрыл глаза, вдыхая этот запах, словно пытался запомнить его навсегда. Мелания замерла, чувствуя, как жар его дыхания обжигает ее кожу. Внутри разливалось странное тепло. Мир вокруг словно перестал существовать, осталась только она, Михаил и тихий шепот его губ, касающихся ее руки. Мелания боялась пошевелиться, боялась разрушить эту хрупкую, волшебную тишину

Попрощавшись с Михаилом у ворот, Мелания направилась к дому через сад. Было тихо. Из темноты доносилось легкое журчание фонтана. Лунный свет, пробиваясь сквозь поредевшую листву деревьев, рисовал причудливые узоры на гравийной дорожке. Она замедлила шаг, вдыхая прохладный ночной воздух, напоенный ароматом хризантем.

Внимание Мелании привлек скрип качелей в глубине сада. Она остановилась и присмотрелась: на деревянных качелях, слегка покачиваясь, сидел мужчина во фраке. Мелания подошла поближе. Она спросила:

— Люцифер, что ты здесь делаешь?

Тот оттолкнулся от земли одной ногой, ускорив качели, и ответил:

— Да вот жду, когда ты нагуляешься.

Мелания искусственно рассмеялась и сказала:

— Ты мне не папа, чтобы следить за мной!

— Я вовсе не слежу, — отмахнулся Люцифер. — Просто решил, что тебе понадобится моя компания после концерта, чтобы поговорить. Но, как я вижу, у тебя другая компания

Он бросил косой взгляд на букет роз в руках Мелании.

— Это ревность? — спросила она.

Люцифер посмотрел на нее. Его лицо освещала яркая луна. В ее свете каждая черта лица вырисовывалась четче, будто сама ночь старалась подчеркнуть его красоту. В глазах, обычно скрытых под нависшими бровями, плескалось что-то нечитаемое. То ли грусть, то ли усталость, то ли отголоски давней, давно похороненной надежды. Люцифер медленно выдохнул. Несколько секунд он еще смотрел на нее, потом отвел взгляд в сторону, сказав:

— Я — Люцифер, воплощение зла. Мне это чувство незнакомо.

— Чушь! — воскликнула Мелания. — Ты же сам рассказывал, что был влюблен. Значит, и что такое ревность, тоже знаешь.

Люцифер встал с качелей и приблизился к Мелании. Тихо, почти шепотом, он сказал ей на ухо:

— К счастью, все эти чувства для меня давно чужды.

Мелания усмехнулась, но возражать не стала. Люцифер направился по дорожке к воротам, обронив на ходу:

— Если моя компания не нужна, я ухожу.

Мелания смотрела ему вслед. Силуэт Люцифера стал удаляться, пока наконец не растворился во тьме. Мелания не видела Люцифера, но все еще слышала его ироничный голос:

— Ах, Мишенька, бедняжка! Память он потерял! Пожалей его!

— Ты что, подслушивал весь наш разговор?! Запрещаю! — топнув ногой от злости, крикнула Мелания в темноту, однако ответа не последовало. Рядом тихо журчал фонтан. Лай собак доносился издалека

* * *

Со дня первого свидания Мелании с Михаилом прошла неделя. Доктор не пропускал ни одного концерта, каждый раз встречая ее с букетом цветов у выхода. Мелания замечала его внимание. Ей это льстило. Михаил был красив, галантен и, казалось, искренне заинтересован в ней. Его взгляд заставлял сердце Мелании биться быстрее. Да, что-то похожее она испыты-

вала когда-то к Григорию. Да, его взгляд и прикосновения тоже разгоняли в ней кровь, но с Михаилом было все иначе и значительно глубже.

В один из теплых сентябрьских вечеров Мелания и Михаил прогуливались в парке. Листья кленов, тронутые багрянцем, тихо шуршали под ногами, создавая умиротворяющую мелодию. Солнце, клонясь к горизонту, окрашивало небо в нежные оттенки розового и оранжевого, отбрасывало длинные тени на аллеи парка. Мелания, закутавшись в легкий бежевый шарф, прижималась ближе к Михаилу, чувствуя его тепло.

Они шли медленно, наслаждаясь каждым мгновением. Михаил рассказывал о своих планах на будущее, о новых пациентах и о своих мечтах. Мелания внимательно слушала, ловя каждое его слово, и в ее глазах отражались нежность и восхищение. Она знала, как много значат для него эти амбиции, и искренне желала ему успеха во всем.

Внезапно Михаил остановился и, взяв Меланию за руку, посмотрел ей в глаза. В его взгляде читались любовь и теплота.

— Мелания, ты знаешь, как много ты значишь для меня? — тихо произнес он.

Она улыбнулась в ответ и, прикоснувшись к его щеке, прошептала:

— Я знаю, Миша.

— Ты обещала мне как-то рассказать о себе, — иронично сказал Михаил, — но до сих пор избегаешь этой темы.

Мелания слегка напряглась. Она произнесла:

— Да и рассказывать-то особо нечего

— Ну все же, — настаивал Михаил.

— Я сирота, — начала Мелания. — Родителей я своих не знала. Воспитывалась в семье своей тетки. Она была добра ко мне, чего нельзя было сказать о ее муже

Голос Мелании дрогнул, а затем и вовсе стих. Михаил внимательно посмотрел на нее.

— Не стоит, — тихо произнес он, заметив ее смятение. — Если тебе тяжело об этом говорить, мы можем пропустить этот эпизод.

Мелания покачала головой, глубоко вздохнула и продолжила:

— Нет, я должна рассказать. Дядя Он был очень жестоким человеком. Постоянно придирался ко мне, заставлял делать всю самую грязную работу. Тетя пыталась защитить меня, но он не слушал ее. Часто я ложилась спать голодной, потому что он запрещал мне есть. Я боялась его больше всего на свете.

Слезы потекли по щекам Мелании. Михаил протянул ей платок.

— Спасибо, — прошептала она, вытирая глаза. — Когда мне исполнилось восемнадцать, я ушла из дома. Тетя дала мне немного денег, чтобы я могла начать новую жизнь. С тех пор я больше их не видела.

Мелания решила немного исказить историю своей жизни, так как не знала, какая реакция последует, если Михаил узнает правду о борделе.

Они присели на ближайшую скамейку. Осенний парк дышал прохладой и умиротворением. Воздух был напоен запахом прелой листвы и дымком от костров, доносившимся изда-лека. Мимо неспешно гуляли пары, укрывшись в легкие плащи, а дети гоняли по земле опавшие листья, устраивая веселый переполох.

Вдалеке виднелся силуэт Петропавловской крепости, напоминавший о былом величии империи. Мелания смотрела на бегающих детей, на их беззаботные лица, и ей становилось немного грустно. В их возрасте жизнь ей казалась такой простой и понятной. Сейчас же все было запутано, словно клубок ниток, который никак не распутать.

— Давай не будем больше о грустном! — воскликнул Михаил.

Мелания кивнула.

— Может, мороженое? — предложил Михаил. — Там, на соседней улице, я видел тележку.

— Можно, — улыбнувшись, согласилась Мелания. — Лимонное.

— Я быстро, — пробормотал Михаил и, встав со скамейки, быстрым шагом направился к дороге.

Мелания осталась одна. Целый рой мыслей кружился в ее голове. Как карточный домик, рухнула бы ее тщательно выстроенная жизнь, если бы она сейчас взболтнула лишнего. Глубокие размышления Мелании прервал какой-то посторонний голос. Она не сразу поняла, что обращаются именно к ней:

— Красавица! Позолоти-ка ручку! Всю правду расскажу тебе, моя дорогая.

Мелания подняла глаза и увидела стоящую прямо перед ней цыганку. Морщинистое лицо женщины было испещрено сетью тонких линий и походило на карту прожитых лет. Взгляд был пронзительным и оценивающим. Одежда на цыганке была пестрой и потрепанной, но в каждом ее движении чувствовалась какая-то необъяснимая сила и уверенность.

— Здравствуй, говорю, красавица, — проскрипела цыганка, обнажая рот, в котором не хватало нескольких зубов. — Дай погадаю, всю правду расскажу, судьбу твою открою.

Мелания обычно избегала подобных встреч, но что-то в глазах цыганки заставило ее вытянуть ладонь вперед.

— Что ты хочешь знать, милая? — продолжила цыганка, зажав ладонь Мелании своими костлявыми руками. — Любовь? Богатство? Или, может быть, что-то еще?

Мелания колебалась, но любопытство взяло верх:

— Расскажи о моем будущем, — тихо проговорила она, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

Цыганка опустила свой взгляд на ладонь и замерла. Морщины на ее смуглом лице стали еще глубже. Она медленно провела пальцем по линии судьбы, ее дыхание стало тише, почти неслышным. Мелания невольно затаила дыхание, ожидая приговора.

— Все так плохо? — не выдержала Мелания. — Это из-за этого клейма?

Цыганка сказала:

— Дело вовсе не в клейме. Я знаю, что это за отметина. Твоя линия жизни она изломана, дитя. Вижу много дорог, но все они ведут в небытие. Остерегайся обмана, лживых слов, что будут сладки, как мед, но ядовиты, как змеиный яд.

Цыганка подняла взгляд. Толи ее темные глаза, толи ее слова пронзили Меланию насквозь:

— Вижу мужчину, темноволосого, с глазами, как уголь. Вернее, зло в облике мужчины. Он принесет тебе и радость, и боль. Твоя судьба тебе не принадлежит. Ты уже сделала роковой выбор. Потому изменить предначертанное уже никому не под силу.

Женщина отпустила ладонь Мелании, и та почувствовала легкий озноб.

— Денег от тебя мне не надо! — обронила цыганка и, хромая, побрела дальше.

— Все так плохо? — выкрикнула ей вслед Мелания.

Женщина остановилась. Она исподлобья взглянула на Меланию и пробормотала:

— Ты даже не представляешь, что тебя ждет

Мелания поежилась, словно от внезапного порыва холодного ветра. В голосе цыганки звучала такая безысходность, что Мелании стало не по себе.

«Что она имеет в виду?» — пронеслось в голове.

Но цыганка, словно прочитав ее мысли, лишь махнула рукой и скрылась за поворотом.

Мелания осталась сидеть на скамейке, растерянно оглядываясь по сторонам. Солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая дома в багровые тона.

Вскоре вернулся Михаил. Держа в руках две порции лимонного мороженого, он присел возле Мелании.

— Твое любимое, — сказал он, протянув руку с мороженым Мелании.

Она, слегка поежившись, замотала головой:

— Как-то уже не хочется. Похолодало. Я вся продрогла.

Михаил отложил в сторону мороженое и придвинулся к ней ближе. Внимательно глядя на нее, он спросил:

— Ты не заболела ли снова?

Мелания отмахнулась:

— Нет, думаю, что просто устала.

— Позволишь проводить тебя домой? — тихо спросил Михаил.

Мелания еле заметно улыбнулась и сказала:

— Я и сама хотела тебя об этом попросить.

Они оба встали со скамейки. Мелания подхватила Михаила под руку, и вместе они побрели по безлюдной аллее.

Город уже почти погрузился во тьму, когда Мелания в сопровождении мужчины подошла к воротам своего дома. Всю дорогу в ее голове вертелись слова цыганки. Она не до конца понимала, что та имела в виду.

Тень от кованых ворот легла на лицо Мелании, скрывая усталость, проступившую за последние дни. Михаил, чья рука легла на ее локоть с легкой настойчивостью, что-то прошептал ей на ухо, от чего она едва заметно вздрогнула. В ответ Мелания лишь кивнула, стараясь не выдать ни волнения, ни страха, что грызли ее изнутри.

Фонари у дома бросали причудливые тени, превращая знакомый пейзаж в нечто чужое и зловещее. Мелания обернулась к своему спутнику, его лицо оставалось невозмутимым, словно он не чувствовал той напряженности, что витала в воздухе.

— Спасибо, что проводил, — произнесла она тихо, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Михаил слегка наклонил голову в знак прощания. Мелания глубоко вздохнула и шагнула к воротам. Вдруг она остановилась и резко обернулась.

— Миша, — тихо, но настойчиво произнесла Мелания.

— Да, — отозвался ей Михаил откуда-то из темноты.

Они одновременно устремились навстречу друг другу. Михаил коснулся своими горячими руками дрожащих ладоней Мелании. Та пристально посмотрела на него, словно взглядом молила его остаться.

— Может, зайдешь? — робко предложила она.

— С радостью! — воскликнул Михаил и еще крепче сжал ее ладони.

— Я не хочу быть одна этой ночью, — опустив взгляд, прошептала Мелания.

Она почувствовала, как по спине пробежал холодок. Не от страха, нет, а от предвкушения чего-то нового, неизведанного.

Они прошли в дом. В гостиной витал легкий аромат ванили и корицы, создавая атмосферу тепла и уюта. Мелания зажгла несколько свечей, и комната наполнилась мягким, мерцающим светом. Она поставила пластинку, и тихое звучание патефона заполнило пространство легкой мелодией.

Диван, усыпанный подушками разных размеров и оттенков, манил своей мягкостью. Через минуту на маленьком столике уже стояли два бокала и бутылка красного вина, словно приглашая к неспешной беседе. Мелания улыбнулась, ее глаза искрились в отблесках мерцающих свечей.

— Присаживайся, — проговорила она, указывая на диван.

Михаил присел, чувствуя, как расслабляются мышцы. Атмосфера действительно была волшебной. Запах свечей, тихая музыка, мягкий свет — все это создавало ощущение умиротворения и интимности.

Он поднял бокал, благодаря Меланию за этот вечер. Вино было терпким и насыщенным, как и их отношения. Казалось, время остановилось, и остались только они вдвоем в этом уютном коконе тепла и любви.

Мелания уже и позабыла о встрече в парке со старой цыганкой. Рядом с любимым она чувствовала себя беззаботной. Взяв бокал с вином в руку, Мелания опустила на коврик у камина.

Языки пламени, танцующая в очаге, отбрасывали причудливые тени на стены гостиной. Мелания пристально посмотрела на огонь и улыбнулась своим мыслям, глупым и бессвязным, как обрывки старых песен.

«Цыганка Ах да, цыганка! Какая чепуха! Зачем вообще эта встреча?» — далеким туманом мелькало в голове.

Под звуки мелодии мир вокруг стал казаться мягче и добрее. Прошлое осталось где-то далеко позади, а будущее будущее представлялось бесконечным полем возможностей, усыпанным розами и залитым солнечным светом. Дрова в камине потрескивали, словно поддакивая легкомысленным мечтам Мелании.

Михаил тоже подсел поближе к камину. Он тихо произнес:

— Ты какая-то задумчивая весь вечер. С того самого момента, как мы были в парке.

— Тебе показалось, — отмахнулась Мелания. — Просто размышляю о будущем.

— О будущем? — переспросил Михаил. — А мне в нем есть место?

Мелания негромко рассмеялась.

— Есть, — ответила она томным голосом.

Михаил отставил бокал в сторону и поднялся с пола. Он протянул Мелании правую руку, тем самым приглашая ее на танец. Мелания взглянула на него снизу вверх. Она почувствовала, как кровь прилила к лицу, отчего щеки зарделись.

— Серьезно? — удивилась Мелания. — Танцевать?

— Прошу, — произнес Михаил.

Мелания подала ему руку и встала с пола.

Михаил бережно взял ее ладонь. В гостиной играла тихая мелодия, скорее создавая атмосферу, чем задавая ритм.

— Расслабься, — прошептал он, приобняв Меланию за талию. — Просто почувствуй музыку.

Мелания неловко следовала за его движениями, стараясь не наступить ему на ноги. Она чувствовала, как ее щеки еще сильнее заливаются краской от смущения и близости. Сквозь тонкую ткань платья рука Михаила на талии показалась ей обжигающе горячей. Неожиданно для себя она начала ощущать ритм, ее тело стало более податливым. Михаил вел ее легко и уверенно, позволяя ей расслабиться и просто наслаждаться моментом. Они кружились в танце, забывая о проблемах и тревогах насущных дней. В этот момент существовали только они и музыка.

Руки Мелании покоились на плечах Михаила, а он крепко обнимал ее за талию. Их взгляды были прикованы друг к другу, а в глазах отражалось целое море нежности и понимания. Слова были излишни, их сердца звучали громче любых фраз. Каждый поворот, каждое движение были исполнены грации и легкости. Они двигались в унисон, словно два лебедя, плывущих по озерной глади. В этот момент они были единым целым, неразделимым и бесконечно счастливым.

Мелания почувствовала, что руки Михаила еще крепче обхватили ее талию. Он прижался к ней плотнее, уткнувшись лицом в волосы у виска.

— Ты так приятно пахнешь, — прошептал Михаил.

Мелания ничего не могла ответить. Она лишь ощущала, как внутри нее разгорается сладкий огонь, а вся ее плоть в объятиях Михаила начинала таять, словно воск свечи.

Музыка стихла, но они продолжали стоять, обнявшись, словно боялись разрушить волшебство момента. Казалось, тишина была такой, что можно было услышать шелест от движения теней по полу. Михаил чуть склонился и прижался своими губами к губам Мелании. Ее губы были прохладными и мягкими, словно лепестки розы, только что тронутые утренней росой.

Прикосновения Михаила были нежными, но уверенными. Он почувствовал, как тело Мелании слегка напряглось, а затем расслабилось, принимая его тепло. Он углубил поцелуй, и Мелания ответила робко, но с нарастающей страстью.

В ее голове вспыхнула целая вселенная — воспоминания, желания, мечты. Все сплелось в один огненный клубок, грозящий вырваться наружу. Михаил отстранился на мгновение, чтобы заглянуть в ее глаза. В них он увидел отражение своего собственного смятения, смешанного с тревогой и робким предвкушением. Михаил провел пальцем по щеке Мелании, чувствуя, как ее кожа трепещет под его прикосновением.

— Мелания — прошептал он, и его голос прозвучал хрипло и неуверенно.

Она закрыла глаза и прижалась к нему еще ближе, словно ища защиты и одновременно бросая вызов.

— Миша, — ответила она, и в этом имени звучало столько нежности и уязвимости, что он понял: пути назад нет.

Михаил уверенно, но нежно подхватил Меланию на руки, та оплела его шею своими руками. Ее щека прижалась к его слегка небритой щеке. Мелания вдохнула знакомый запах его одеколona. Сердце забилося чаще, но в этот раз не от страха, а от чего-то теплого и волнующего. Она закрыла глаза, наслаждаясь моментом, словно хотела запомнить каждое ощущение, каждую деталь.

Михаил медленно понес ее вверх по лестнице в направлении к спальне. Лунный свет пробивался сквозь окна, освещая ему путь.

Когда Мелания приоткрыла глаза, стало понятно, что они уже находятся в спальне. Михаил бережно опустил ее на кровать. Он склонился над ней и поцеловал еще нежнее, чем минуту назад. Мелания почувствовала, как от его прикосновений тепло разливается по всему телу. Она притянула его ближе, желая, чтобы этот момент длился вечно. Забыв обо всем на свете, Мелания отвечала на поцелуи Михаила с особой страстью и нежностью.

Для них вокруг больше ничего не существовало, лишь эта страсть и тепло от касаний обнаженных тел. Каждый вздох, каждое прикосновение — это искра, разжигающая пламя все сильнее. Пальцы Мелании скользили по спине Михаила, ощущая каждый изгиб и каждую мышцу. Его губы оставляли дорожку влажных поцелуев на ее шее, груди, вызывая дрожь во всем теле. Время потеряло свой смысл, минуты тянулись как часы, а часы пролетали как мгновения. Они были опьянены друг другом и жаждали большего. В этом хаосе страсти они стали одним целым.